

Воронежский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики
*Межрегиональный Центр
коммуникативных исследований*

**Язык
и национальное сознание**

Научное издание

Вып. 6

**Воронеж
2004**

Межвузовский научный сборник “Язык и национальное сознание” – шестой из серии публикаций кафедры общего языкознания и стилистики по данной тематике. Первые вышли в 1998, 1999, 2002 2003 и 2004 гг.

Настоящий сборник отражает очередной этап исследования кафедрой и межрегиональным Центром коммуникативных исследований филологического факультета ВГУ проблемы «Язык и национальное сознание». Сборник выпущен совместно с кафедрой русского языка БГПИ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

В.Я.Голуб, А.Г.Лапотько, З.Д.Попова, И.А.Стернин,
О.Н.Чарыкова, Н.В.Фоминых

Научный редактор – И.А.Стернин

©Коллектив авторов,
2004

Компьютерная верстка, оригинал-макет – И.А.Стернин

Редакционная группа:

доц.А.Г.Лапотько (рук.), А.Ишутина, А.Клименко, Т.Ковалева,
Е.Обухова, Р.Прытков, А.Сарма, Т.Хабарова.

Сборник подготовлен при финансовой поддержке гранта МО РФ по поддержке ведущих научных школ «Теоретико-лингвистическая школа кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ», НИЧ-3088.

Язык и национальное сознание. Вып.6. – Воронеж: Истоки, 2004. - 134 с. Тираж 200 экз.

ISBN

Национальные особенности когнитивного сознания

*Анализ концептосферы
лингвистическими методами*

О.О.Ипполитов

О некоторых топологических особенностях когнитивной структуры концепта “дорога”

Человек может воспринять сразу совсем немного..., не в наших силах представить себе множество одновременно происходящих процессов, пусть даже взаимосвязанных и дополняющих друг друга.

С. Лем. Солярис

Как было показано в работе (Ипполитов 2001), когнитивная структура концепта “дорога”, обладая полевым строением, имеет хорошо выраженное секториальное членение. В данной работе будут рассмотрены некоторые особенности многомерной топологической структуры одного из секторов исследуемого концепта, объективируемого как “Направление, маршрут следования по дороге”. Напомним некоторые определения в том виде, как они будут использоваться ниже.

Когнитивный признак - минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак концепта.

Понятие - совокупность когнитивных признаков, вычленившихся в когнитивной структуре концепта как единство, имеющее или не имеющее лексической объективации.

Когнитивный слой - совокупность когнитивных признаков, представляющих дискретную единицу концепта на определенном уровне абстракции, имеющая языковые средства объективации.

Когнитивный сектор - совокупность когнитивных признаков в структуре когнитивного слоя, представляющих собой характеристики отдельного аспекта, стороны когнитивного слоя концепта.

По результатам лингвокогнитивного анализа, опирающегося на общую методику, изложенную в работе (Попова, Стернин 2001), установлено, что в состав исследуемого концепта входит большое число понятий, репрезентируемых различными лексическими средствами. Для ограничения материала исследования была отобрана совокупность тесно связанных с центром концепта понятий, служащих базовыми точками референции для описываемого сектора и репрезентируемых следующими лексемами: наперерез, сопровождать, в обход (в объезд), окольный, напрямик, в сторону (чего-либо), в обгон, извилистый, навстречу, по кругу, блуждать, челночный.

Указанные понятия интегрируются системой следующих когнитивных признаков:

- 1 - Направление прямое, простое;
- 2 - Маршрут сложный, с возможным многократным изменением направления;
- 3 - Маршрут замкнутый или возвратный;
- 4 - Существенная значимость или выделенность некоторого участка маршрута;
- 5 - Неопределенность/неизвестность исходного/конечного пункта;
- 6 - Существенная неопределенность направления/маршрута следования;
- 7 - Существенная определенность направления/маршрута следования;
- 8 - Соотнесенность направления/маршрута следования с другим субъектом дороги;
- 9 - Соотнесенность направления/маршрута следования с каким-либо неподвижным пунктом/объектом;
- 10 - Соотнесенность направления/маршрута следования с зафиксированным "основным" направлением.

В результате сформировалась когнитивная матрица, представленная в таблице 1, где номерам столбцов соответствуют когнитивные признаки, а "звездочка", стоящая на пересечении соответствующих столбца и строки, означает, что данный когнитивный признак является существенным для данного понятия.

Таблица 1.

Когнитивная матрица сектора
“Направление, маршрут следования по дороге”

										10
1. наперерез										*
2. сопровождать										
3. в обход (в объезд)										
4. окольный										*
5. напрямик										*
6. в сторону (чего-либо)										
7. в обгон										*
8. извилистый										*
9. навстречу										*
10. по кругу										
11. блуждать										*
12. челночный										

Отдельные понятия, входящие в состав концепта, могут иметь некоторую совокупность *общих* когнитивных признаков, что позволяет говорить об их связанности. Будем говорить, что некоторые понятия образуют когнитивный комплекс размерности N, если каждый из составляющих его элементов имеет прямую или опосредованную связь со всеми другими элементами комплекса по общим совокупностям когнитивных признаков количеством не менее N.

Обращаясь к когнитивной матрице, мы видим, что наиболее консолидированную структурную часть исследуемого сектора концепта образует когнитивный комплекс размерности четыре, объединяющий понятия **наперерез**, **в обгон**, **навстречу** и **напрямик**, максимально “плотно” связанные друг с другом. При этом первые три из указанных понятий образуют кластер (Ипполитов 2003) по следующей совокупности четырех *общих* когнитивных признаков:

1 - Направление прямое, простое;

7 - Существенная определенность направления/маршрута следования;

8 - Соотнесенность направления/маршрута следования с другим субъектом дороги;

10 - Соотнесенность направления/маршрута следования с зафиксированным “основным” направлением.

На следующем уровне (более низкой размерности) все исследуемые понятия объединяются в единый когнитивный комплекс. При этом в когнитивный комплекс, первоначально возникший на более высоком уровне консолидированности, добавились понятия с меньшим числом взаимных связей. Визуальное представление о распределении понятий по уровням консолидированности дает дендрограмма, приведенная на рис. 1.

Внутренняя структура когнитивного комплекса размерности три представлена в виде когнитивной сферы на рис. 2. Как видно из рисунка, понятия **сопровождать, в обход (в объезд), окольный, напрямик, по кругу, блуждать**, связанные друг с другом по различным совокупностям трех когнитивных признаков, образуют линейную цепочку, причем понятия **в обход (в объезд), окольный, напрямик** образуют замкнутый когнитивный цикл (Ипполитов 2003), отражающий специфические особенности структур человеческого мышления, сопряженных с кругом данных понятий. В структуре образовавшегося когнитивного комплекса выделяются также три кластера понятий, при этом один из них образуется путем включения в уже описанный выше кластер понятия **напрямик**. Возвращаясь к дендрограмме, изображенной на рис. 1, мы видим, что в рамках нашей модели именно эти четыре понятия составляют наиболее консолидированную часть когнитивной структуры исследуемого сектора концепта.

Следующий кластер объединяет понятия **извилистый, блуждать и окольный**, связанные следующей совокупностью *общих* когнитивных признаков:

2 - Маршрут сложный, с возможным многократным изменением направления

6 - Существенная неопределенность направления/маршрута следования

10 - Соотнесенность направления/маршрута следования с зафиксированным “основным” направлением.

По-видимому, в противоположность вышеописанному кластеру, доминирующей чертой этих понятий является их ярко выраженная “непрямолинейность”.

Последний - третий - кластер объединяет понятия: **челночный, напрямик, в сторону (чего-либо)**, связанные следующей совокупностью *общих* когнитивных признаков:

1 - Направление прямое, простое

7 - Существенная определенность направления/маршрута следования

9 - Соотнесенность направления/маршрута следования с каким-либо неподвижным пунктом/объектом

Очевидно, что доминирующее структурообразующее значение в данном случае принадлежит последнему из указанных когнитивных признаков. На когнитивной сфере условными знаками отмечены также понятия, маркирующие когнитивные узлы различных типов, возникающие в точках "ветвления" линейных и кластерных структурных компонент концепта (Ипполитов 2003). В частности, понятие **напрямик** маркирует точку пересечения линейного цикла и двух кластерных когнитивных образований.

Ипполитов О.О. Лексические средства объективации концепта "дорога" в русском языке // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX - XXI вв. (Сборник материалов IV всероссийской научно-методической конференции «Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников» 14-15 марта 2001 г.). - Воронеж: Изд. НМЦ ВГПУ, 2001. - С. 142-144.

Ипполитов О.О. Некоторые черты когнитивной структуры концепта «дорога» // Язык и национальное сознание. Вып. 4. - Воронеж: Истоки, 2003. - С. 257-268.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж: Истоки, 2001.

Рис. 1. Уровни консолидированности понятий сектора "Направление, маршрут следования по дороге"

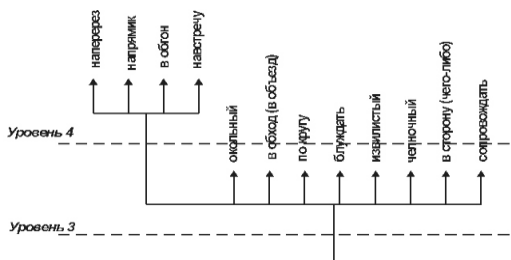
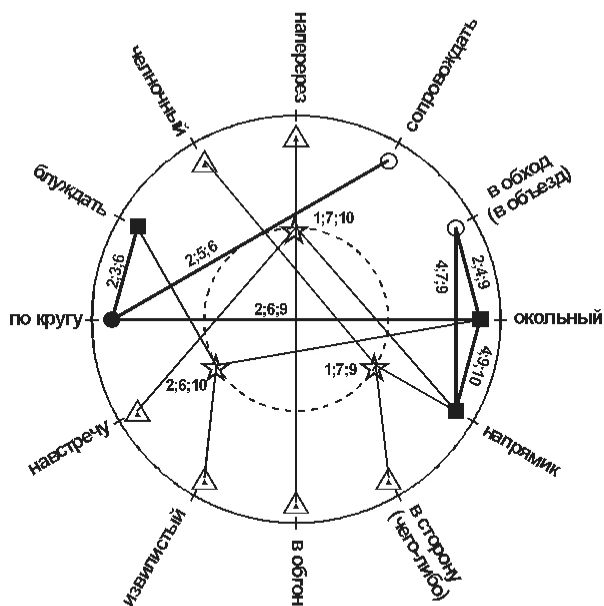

Рис. 2. Когнитивная сфера связей понятий сектора
 "Направление, маршрут следования по дороге"
 на уровне размерности три

Условные обозначения

○ элемент комплекса (понятие)
с когнитивной связью
линейного типа.	— 2;6;9 —	когнитивная связь линейного типа
и номера соответствующих
когнитивных признаков
● когнитивный узел
линейного типа	— 2;6;10 —	когнитивная связь
кластерного типа
и номера соответствующих
когнитивных признаков
■ когнитивный узел
смешанного типа	— * —	
△ элемент комплекса (понятие)
с когнитивной связью
кластерного типа.		

В.В. Казаковская (Санкт-Петербург)

Ранние этапы освоения русскоязычным ребенком концепта пространства (на материале диалога со взрослым)

Работа выполнена в рамках грантов Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ НШ-1510.2003.6 «Петербургская школа функциональной грамматики» и РГНФ 03-04-00-386а «Семантические категории и их выражение в детской речи (на материале русского языка)».

Подобно тому, как мы вывели необходимость существования трехмерного пространства, скрытого за двухмерным изображением на сетчатке, мы должны обнаружить синтаксические структуры, лежащие в основе линейной цепочки звуков, образующих предложение. Исследователь пространственного восприятия должен хорошо разбираться в проективной геометрии, и столь же хорошо психолингвист должен разбираться в грамматике (Джордж Миллер).

1. Отражение пространственной картины мира языковым сознанием происходит, как известно, при посредстве концептуальной системы на базе различных категорий и разноуровневых языковых средств. Концептуальная система – это та ментальная или ментально-психическая организация, в которой сосредоточена упорядоченная совокупность всех концептов, данных сознанию человека (Павиленис 1983). Эта система выступает как система мнений и знаний о мире. Она отражает познавательный опыт человека – как на доязыковом, так и на языковом уровне, но не сводится, по Р.И. Павиленису, к какой бы то ни было лингвистической сущности. Концепты – отдельные смыслы формируются в процессе познания мира и отражают информацию о нем. Эти средства образуют функционально-семантическое поле (*ФСП*) локативности (на материале русского языка см.: ТФГ 1996). Данная система локативных значений, отражая объективный характер пространственных отношений, является вместе с тем «специфически русской» (Всеволодова, Владимирский 1982, с. 15). Эта специфичность детерминруется прежде всего «избирательностью грамматики» (Серебренников 1955, с. 73), в которой отражаются наиболее существенные для человеческого сознания концепты: «<...> грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически» (Кубрякова 1991, с. 91). Между тем процесс

категоризации явлений (категории, концепты) может существовать – как показывают экспериментальные исследования – до языка и без языка. Образно выражаясь, язык помогает «одевать» концепт, а исследование взаимосвязи внеязыковой и языковой категоризации – одна из самых актуальных задач в современной онтолингвистике.

С точки зрения процесса становления языковой компетенции индивида, концепт пространства входит в число первичных: не случайно он является базовым концептом и для любой картины мира. В простейшем варианте концепт пространства, пока в виде концепта места, осваивается детьми – причем носителями разных языков – на ранних стадиях речевого онтогенеза, поскольку эпистемологической основой языковой категоризации действительности являются в данном случае чувственные данные. По мнению Д. Слобина, порядок усвоения семантических явлений не зависит от языка и является универсальным (Слобин 1984).

Некоторые параллели этому можно увидеть и в диахронии (в филогенезе): это вполне соответствует этапам развития семантики многозначных первообразных предлогов, исходным значением которых является именно пространственное значение, наряду с тем, что присутствуют также временное, причинное и некоторые другие типы значений. Этот факт отмечал и В.В. Виноградов, и другие историки языка. Не противоречат этому и более поздние трактовки локативности; ср. у В.Г. Гака: «Для многих предлогов, союзов, конструкций характерен такой ряд в развитии их значений: пространство – время – причина (и др. логические отношения)» (ТФГ 1996, с. 7).

Концепт пространства является исходным и в том смысле, что в совокупности с концептами «субъект» и «объект» образует набор концептов-примитивов, на основе которых строится «здание концептуальной системы мира» (Кубрякова 1996; Кравченко 1997). «Концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям и представляют собой неанализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются» (Кубрякова 1996, с. 91). Эта позиция является для нас методологически важным.

2. Локативность, как одна из основных (или «бытийных») семантических категорий языка, отражает восприятие и осмысление языковой личностью трехмерного пространства по ряду параметров: в частности, по параметрам статика – динамика, типы расположения предметов. Наши наблюдения построены на анализе двух основных

типов локативных ситуаций (а именно – пространственных отношений): местонахождения объекта и направления движения, а также их начальных маркеров, в первую очередь – собственно локативных и директивных адвербиальных и субстантивных синтаксем (последних в репертуаре взрослого носителя языка, согласно Синтаксическому словарю Г.А. Золотовой, насчитывается более 25) (Золотова 1988). В силу того, что мы изучаем ранние стадии освоения концепта пространства, наше внимание сосредоточено именно на его начальных показателях, каковыми и являются синтаксемы. Поэтому мы не касаемся здесь других локативных категорий и репрезентирующих их средств.

Рассматриваемые предложно-падежные сочетания и наречия входят (наряду с другими средствами) в ФСП локативности. Локативность мы понимаем, вслед за А.В. Бондарко и В.Г. Гаком, как семантическую категорию, представляющую собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСП, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений (ТФГ 1996).

Применение подхода Петербургской школы функциональной грамматики («от смысла к его языковому выражению») к анализу фактов детской речи оказывается продуктивным, поскольку позволяет в равной мере учитывать разные способы представления семантики, в то же время принимая во внимание когнитивный опыт ребенка и взаимосвязь процессов внеязыковой и языковой категоризации (Кубрякова 1991, с. 42).

Осуществить первичную категоризацию и упорядочивание языковых явлений ребенку помогает взрослый партнер по диалогу. Вступая с ребенком в коммуникативное сотрудничество (в понимании Л.С. Выготского), взрослый подсознательно (интуитивно) облегчает процесс освоения семантических разновидностей концепта пространства и разнообразных форм их языкового выражения. Важнейшую роль в этом процессе играют локативные (в широком смысле) вопросы. В качестве организующего ядра они содержат вопросительные местоимения и выступают как существенное средство формирования семантических отношений (см. подробнее: Казаковская, Цейтлин 2000).

3. Думается, в речевой деятельности ребенка происходит усвоение семантически и синтаксически нагруженной формы конкретного слова, т. е. происходит усвоение именно синтаксемы (в понимании Г.А. Золотовой). Вместе с тем следует иметь в виду, что появлению

«взрослой» (нормативной) синтаксемы может предшествовать функционирование в рамках «временной» языковой системы ребенка так называемой *протосинтаксемы*.

Репертуар и последовательность появления синтаксем в речи ребенка отражает развитие когнитивных структур его сознания, первоначально представляющих собой недифференцированные единицы, с их последующей специализацией и усложнением отображаемых в высказывании когнитивных схем. Весьма важно и то обстоятельство, что в выборе сложной (в семантическом отношении) синтаксемы отражается более высокий уровень когнитивного развития ребенка и, соответственно, его собственно языковой компетенции: не случайно С.Н. Цейтлин предлагает различать синтаксемы раннего и позднего онтогенеза (Цейтлин 2002). Появление предлогов с пространственной семантикой позволяет обнаружить степень осмысления данных отношений и достигнутый ребенком уровень когнитивного развития.

В собственно языковом аспекте освоение ребенком пространственных отношений охватывает целый ряд этапов: от понимания высказывания взрослого, содержащего показатели данных отношений, и адекватного реагирования на него – до их употребления этих показателей в рамках собственной инициативной вопросительной реплики в диалоге (в первую очередь это касается синтаксем). Полагая, подобные этапы характерны и для онтогенеза более поздних смысловых концептов – времени, причинной обусловленности и др.

4. На ранних этапах когнитивного и речевого онтогенеза большинство детей первоначально не разграничивает значений местоположения (статики) и направления (динамики), при этом собственно локативные маркеры используются в функции директивных и наоборот, хотя последнее менее частотно. Такое положение дел может длиться до третьего года жизни ребенка: *Пойду на горке* (вместо *на горку*); *Винни-Пух на полочку живет* (вместо *на полочке*); *Хочу на столе* (вместо *на стол*); *На стенке нога попала* (вместо *в стенку*); *В кроватку лежу* (вместо *в кроватке*); *Давай на улицу есть* (хотя до этого ребенок много раз употреблял *на улице* и *на улицу* правильно); Взрослый (В.): *Леночка, ты где спряталась?* Ребенок (Р.): *В лес, наверное* (вместо *в лесу*). В статье используются данные Фонда детской речи ИЛИ РАН и лаборатории детской речи РГПУ им. А.И. Герцена – лонгитюдные наблюдения за диалогическим взаимодействием «взрослый – ребенок».

Еще раньше дейктические показатели статики *там* и *тут* вытесняют *туда*, а у большинства детей наблюдается расширение функций *там*, которое употребляется безотносительно к точке отсчета. Подобная же статическая «экспансия» отмечается и в зарубежных работах – в речи англоязычных детей. См. также кросс-лингвистические исследования усвоения детьми пространственных отношений, в частности, (Bowerman 1993).

Такого рода синкретизм в представлении концепта пространства на ранних стадиях говорит о недостаточной сформированности когнитивного базиса, в данном случае – о том, что в сознании ребенка еще не сложилось противопоставление статики и динамики в пространственных отношениях. Еще одним объяснением такого неразграничения можно считать несформированность представлений о точке отсчета, каковой является сфера *ego*. Именно она позволяет в нормативном языке дифференцировать случаи вхождения / невхождения в общую локативную сферу с *ego*.

Знаменательно, что на этом этапе существуют временные протосинтаксемы, подобные той, какую мы обнаруживаем, например, в речи Ромы Ф.: протосинтаксему **десь* он использовал сначала в функции '*где*', позже '*куда*', затем '*сюда*', и, наконец, собственно '*десь*'. Существование пространственного синкретизма может наблюдаться вплоть до последних стадий онтогенеза синтаксемы – при ее функционировании в качестве вопросительной: Р.: *А где дядя там пошел?* (в функции *куда*) В.: *Куда-то пошел*. Р.: *На улицу*.

Когда же исчезает генерализация протосинтаксем? Очевидно, на том этапе, когда когнитивные возможности позволяют ребенку структурировать ситуацию более сложным образом. «Разведение» маркеров локативности и директивности начинается примерно с середины третьего года жизни ребенка, что совпадает со взлетом и существенным расширением репертуара его вопросов (question spurt): появлением посессивных, качественных, медиативных и др. типов вопросов. При этом стремительно растет количество *куда*-вопросов: *Куда нам? Мама куда пошла? Ты куда поехал?* и заметно уменьшается количество *где*-вопросов (впоследствии они вообще занимают более скромное место в речевой продукции ребенка), примечательно, что *откуда*-вопросов на этом этапе еще нет.

5. Диссоциация и специализация первоначально недискретного и, соответственно, тонкая языковая дифференциация становится возможной, с одной стороны, благодаря все более тонкому освоению ребенком пространственных отношений (накоплению опыта перцептивного восприятия), а с другой – созданию специальных, в

достаточной степени детализированных когнитивных структур. Заметим, что существование процесса когнитивного расщепления подтверждается и исследованиями психологов (Чуприкова 1994). Весьма важно и то обстоятельство, что разные типы пространственных отношений усваиваются в разное время (например, долгое время недоступны ребенку отношения *под, над, за, вдоль, через, вокруг*) (Сохин 1955; Шахнарович, Юрьева 1997).

Наши наблюдения обнаруживают общий характер диссоциации первоначально синкретичного, недифференцированного концепта места и выявляют основные направления этого процесса. При общем поступательном движении от статичного *где* к динамичным *куда* (с семантикой 'направленное перемещение в пространстве с одного места на другое') и *откуда* (с семантикой 'направленное перемещение извне, из одного места в другое') диссоциация осуществляется, как минимум, в двух направлениях: 1) на уровне основных пространственных отношений – между *где* и *куда / откуда* (назовем ее условно *внешней*); 2) на уровне каждой локативной ситуации, внутри каждого формирующегося поля: внутри собственно *где, куда* и *откуда* (назовем такую диссоциацию, соответственно, *внутренней*).

Отмеченные особенности начальных стадий онтогенеза пространственного концепта отчетливо прослеживаются не только на примере расщепления протосинтаксемы *где*, которая, выступая маркером локативности и директивности, одновременно объединяет основные и целый ряд частных пространственных отношений («на поверхности чего», «внутри чего», «вокруг чего», «около чего», «рядом с чем» и т.п.), – но и других локативных протосинтаксем: *куда* и *откуда*.

Интересно, что внутреннюю дифференциацию можно наблюдать вместе с тем и в каждом типе задаваемых взрослым локативных вопросов, где этот процесс выглядит следующим образом: *где – в чем – в каком месте – у кого...*; *куда – во что – к кому...*; *откуда – из чего – из-под чего – из какого места...* и т.д.

6. Далее мы рассмотрим начальный синтаксемный репертуар, уделяя внимание предлогам, и попутно обращая внимание на некоторые сложности онтогенеза локативных отношений. К числу наиболее значимых из этих сложностей, с нашей точки зрения, относится трехкомпонентная семантическая структура данного концепта (локативность определенности – неопределенности – отсутствия). Следует обращать внимание на семантику и локативную валентность предиката, с которым

синтаксема появляется в речи ребенка, поскольку роль предиката существенна в языковом представлении пространственных отношений: само ядро ФСП локативности является предикативно-обстоятельственным (ТФГ 1996).

Итак, обратимся к результатам анализа. Вначале ребенком усваивается важнейшая ядерная оппозиция – общие пространственные отношения «местоположение – направление», касающиеся самого типа процесса и включающие три фазы. Начало и прекращение пространственных отношений имеют характер динамического процесса (это перемещение, включающее два варианта: приближение [начало процесса локализации] и удаление [окончание]), продолжение же этих отношений представляет собой статический процесс (местонахождение).

Охарактеризуем первую локативную ситуацию – **местонахождение** (статика).

1) Репертуар соответствующих показателей начинается с действительных адвербиальных синтаксем *тут, там, здесь*, которые фиксируются в спонтанной речевой продукции ребенка приблизительно к двум годам: *Там бо-бо*, – говорит Аня С. о части своего тела, показывая на ушибленное место; *Грифили там; Здесь автомобиль*. Ср. более ранние локализаторы: *Вот* (+ указательный жест); *Во би-би. Бам!* – ребенок указывает на лампу, *Би-би* – на машину.

К возрасту 2.6 уже может происходить уточнение локативной референции: *Там, на улице*; позже: *Вот тут, на улице*. В это время примечательно появление маркеров неопределенной локативности: *Там где-то* (цветы растут).

2) В сфере частных пространственных отношений вначале осваивается локализация, представленная, по В.Г. Гаку, в виде линии (ТФГ 1996). К двум годам в речи ребенка уже фиксируется субстантивная синтаксема *НА + П.п.* с семантикой 'на поверхности / на объекте': *на диване* (лежать); *На стуле писать*; *На кубике* (нарисовано); *Я – на столе*.

Заметим в скобках, что при учете адвербиализованной синтаксемы *на улице* верхнюю границу использования маркеров пространственных отношений можно несколько поднять: подобные формы часто являются «замороженными» и появляются в начальной детской грамматике еще до падежей. Также должно учитываться и использование синтаксем в прецедентных текстах: *В лесу родилась елочка*; *На поле танки грохотали*. Появление первых субстантивных синтаксем приходится на тот период, когда в речи ребенка

отсутствуют предлоги, в том числе пространственной семантики. Онтогенез предлогов представляет собой тему специального исследования.

К 2.6 отмечаются случаи локализации в виде точки (оппозиция «внутри / вне»): это синтаксема *В + П.п.*: **В конуре** живет; **В шарике** дядя нарисован; **В домике**. К трем годам репертуар субстантивных синтаксем пополняется двумя новыми: *ПО + Д.п* ('по плоскости'): *Ходит по дорожке* и – *У + Р.п.* (совмещающая семантику локативности с посессивностью): *Не у Вали* (живет). При этом у формы *В + П.п.* появляется новое значение 'за ним / за объектом': **В окошке**.

3) Далее начинается усвоение ребенком частных пространственных отношений «сверху / снизу» – вертикальной плоскостной проекции. С этим этапом связаны значительные изменения в освоении пространственных отношений и начало функционирования принципиально новых адverbиальных синтаксем *сверху, снизу*, с позднее и их других дериватов: *Там сверху* тетя живет, *снизу* дядя спит; **Наверху** лежит пластилин, там.

Мы никак пока не упомянули частные пространственные отношения сферы и окружности. Основываясь на материалах Фонда детской речи, можно полагать, что это более поздний этап в освоении концепта пространства, поскольку до трех лет материалы Фонда случаев реализации пространственных отношений сферы и окружности не фиксируют.

Анализируя инпут и учитывая некоторую общую тенденцию развития диалогического взаимодействия взрослого и ребенка, которая заключается в том, что в речевой продукции матери многое дается с «забеганием вперед» (конечно, при интуитивной опоре матери на зону «ближайшего развития», по Л.С. Выготскому) и поэтому вербализуется гораздо большее локативное «пространство», – можно попытаться прогнозировать пути дальнейшего освоения русскоязычным ребенком концепта пространства. Локативная диссоциация будет происходить в частных пространственных отношениях сферы «вокруг / кругом»; новыми вехами в когнитивном и синтаксическом развитии выступают так называемая оценочная оппозиция «далеко / близко» и оппозиция «слева / справа»; начнет развиваться локативность «отсутствия» (*нигде*).

Для локативных синтаксем интервал от момента их получения в инпуте до самостоятельного употребления составляет приблизительно два – три месяца. Приведем примеры новых локативных синтаксем, появляющихся в речи взрослого на этом этапе.

Адвербиальные синтаксемы: *Далеко на Севере; Кругом вода; Далеко-далеко пролетел вертолет; Маме надо рядом лечь, да? Негде* (рисовать); *Это не наверх, это вниз; Там, справа.*

Субстантивные синтаксемы: *НА + П.п., В + П.п.* (но уже заполненные местоимением): **В нем** (в компоте) *много витаминов;*

ПО + Д.п.: Кого ты знаешь, маленькие такие, серенькие, мокрые, по папиной машине прыгали?;

У + Р.п., ОКОЛО + Р.п., ВНУТРИ + Р.п.: Когда внутри конфеты что-то есть, это и называется начинка;

ВОКРУГ + Р.п.: Вокруг него (были одни звери);

НАД + Т.п., ПОД + Т.п.: Под диваном (спряталась);

РЯДОМ С + Т.п., ЗА + Т.п.: За стенкой (живет сосед).

В речевой стратегии матери могут использоваться цепочки вопросов с логически выделенными синтаксемами локативности: *Где, в каком месте дети играют? В чем цветочки стоят? В вазочке?*

Перейдем ко второй локативной ситуации – **направлению** (динамике, директивности). К моменту освоения этой ситуации диссоциация, о которой мы говорили выше, осуществилась и в основных пространственных отношениях оппозиция статика – динамика приняла четкие (когнитивные и грамматические) очертания.

Куда-синтаксемы (равно как и аналогичные вопросы, их содержащие) появляются несколько позже (в отличие от *где*-синтаксем), поскольку касаются ситуации *не здесь и не сейчас*. Считается, что динамическая ситуация является более сложной в сравнении со статической, так как в семантическом отношении она выглядит как трехчленная оппозиция, компоненты которой обозначают перемещения: 1) изнутри вовне, 2) извне вовнутрь, 3) от одного места к другому. Эта ситуация реализуется в высказываниях, предполагающих наличие трех, по крайней мере, семантических компонентов: *что / кто – движется – куда*.

Самые первые директивные синтаксемы появляются в речи ребенка в ответ на *куда*-вопросы матери. Это adverбиальные *сюда* и *туда*: (вон) *туда* (везу), а также субстантивные *В + В.п.* ('внутри чего-л.'), *НА + В.п.* ('на поверхность чего-л.'), *К + Д.п.* ('к кому-л.' – директивно-субъектная), *ЗА + Т.п.* (директивно-целевая): **В Петербург** (поехал папа); **В машину** (нести на ручках).

Далее эти синтаксемы мы обнаруживаем и в инициативных репликах ребенка – императивах и констатациях: *Налевай в кружку; На горку полез* (вверх); *Упаду на пол; Хочу забраться на стол; К Тане машинка едет; За молочком к коровам* (ездили).

Кроме отмеченных, в речи матери частотны адвербиальная директивная синтаксема *куда*: *Куда машина поехала? Куда* (кассету) *ее надо вставить? Разве туда?* *Улыбайтесь и смотрите сюда; сейчас вылетит птичка* – и субстантивная: *ЧЕРЕЗ + В.п.*: *Р.: Где большая собака? В.: Да вон, посмотри через дорогу.*

На начальных этапах освоения данного фрагмента поля локативности внутренняя диссоциация происходит в направлении: *куда – во что – к кому*.

До трех лет продолжается специализация предлогов внутри поля директивности: *Баба пошла на Беларусь* (мать говорила: «Уехала прабабушка в Белоруссию»); *Люблю ехать* (вместо *ездить*) *в машине на гараж*.

Первые *откуда*-синтаксемы (со значением ‘перемещение изнутри вовне’, ‘из одного места в другое’) – это субстантивные синтаксемы родительного падежа: *ИЗ + Р.п., ИЗ-ПОД + Р.п.*: *Это из трубы идет*, при этом адвербиальной *оттуда* в нашем корпусе данных не зафиксировано.

Вопросы с данными синтаксемами в речи, обращенной к ребенку, появляются на втором году жизни, но они не частотны: *Откуда мы приехали? Из какого города? Ты из-под стола достанешь что?*, в речи же ребенка они начинают спорадически появляться лишь к концу третьего года жизни.

Выводы

1) На ранних этапах речевого онтогенеза происходит усвоение ядра ФСП локативности, репрезентирующего концепт пространства. Процесс сопровождается недифференцированным характером представления пространственных отношений.

2) На фоне первичного усвоения ребенком общих пространственных отношений происходит усвоение частных в следующем порядке: плоскость – точка – сфера.

3) Первыми вербальными показателями пространственных отношений в речи ребенка выступают дейктические адвербиальные и – несколько позже – субстантивные синтаксемы местоположения (статики); одновременно с последними в речи ребенка начинают функционировать адвербиальные и субстантивные показатели динамики. Именно в этот период в языковой системе ребенка возможно существование протосинтаксем.

4) Относительно усвоения падежной системы в рамках субстантивных синтаксем прослеживается определенная тенденция. В сфере статической локативной ситуации первым падежом пространственной семантики, выкристаллизовавшимся из

«замороженного» именительного падежа, является предложный падеж (ср. местный падеж), далее появляются дательный, родительный и творительный падежи. В рамках директивной ситуации последовательность появления падежей следующая: винительный – дательный – творительный.

5) Трехчастная семантическая структура концепта пространства начинает осваиваться ребенком начиная с локативности определенности, далее – неопределенности и, наконец, заканчивая локативностью отсутствия. Внутри каждой пространственной ситуации появление репрезентирующих ее синтаксисом отражает развитие когнитивных структур ребенка.

Отмеченные особенности начальной стадии освоения концепта пространства ребенком объясняются, на наш взгляд, расширением его картины мира (сменой когнитивных систем), развивающейся внеязыковой и языковой категоризацией соответствующих явлений, их взаимодействием и поистине неоченимым значением особенностей речи взрослого в диалоге с ребенком.

Всеголова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Казаковская В.В., Цейтлин С.Н. Локативные вопросы в диалоге «мать — ребенок» и их роль в синтаксическом развитии // Материалы XXIX межвуз. науч.-метод. конференции преподавателей и аспирантов. Секция общего языкознания. СПб., 2000.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Кравченко А.В. Феноменология значения и значение феноменологии в языке // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научн. конференции. Под ред. Е.С. Кубряковой, О.В. Александровой. М., 1997.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Серебрянников Б.А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Слобин Д. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М., 1984.

Сохин Ф.А. Начальные этапы овладения ребенком грамматическим строем языка. Москва, 1955.

Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. (ТФГ)

Цейтлин С.Н. К вопросу об онтогенезе синтаксиса // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.

Чуприкова Н.И. Умственное развитие и обучение (Психологические основы развивающего обучения). Москва, 1994.

Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Категория пространства и времени в онтогенезе // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научн. конференции. Под ред. Е.С. Кубряковой, О.В. Александровой. М., 1997.

Bowerman M. The crosslinguistic study of semantic development: How do children learn to talk about

Т.А. Чубур

Объективация концепта ОТДЫХ в русском языке

Основополагающим понятием когнитивной лингвистики является понятие «концепт». Концепт – это глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания (Попова, Стернин 1999, с.4).

Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, а может и не иметь его. Возникает, таким образом, проблема вербализации (другими словами – языковой объективации, языковой репрезентации) концептов (Попова, Стернин 2003, с.36). Концепт объективируется разными способами, в первую очередь – лексико-фразеологическими. Поэтому, изучив языковую объективацию концепта, можно построить его модель как единицы знания.

Чтобы понять, каково содержание концепта в сознании человека, мы должны изучить все средства номинации концепта в языке.

Первичный просмотр словарей (Словарь синонимов под ред. А.П.Евгеньевой. М., Наука, 1975; Фразеологический словарь русского литературного языка. Составитель А.И.Федоров. М., Астрель, 2001; Частотный словарь русского языка под ред. Л.Н.Засориной. М., Русский язык, 1977; В.Даль. Толковый словарь в 4-х томах. М., Русский язык, 1989; В.М.Мокиенко, Т.Г.Никитина. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург, Норинт, 2001). показал, что концепт *отдых* объективируется в русском языке достаточно

обширным лексико-фразеологическим полем. Ядерные компоненты этого поля таковы:

Общие наименования отдыха (Отдых, Отдыхать, Отдохновение, Покой, Отдышка, Роздых, Рекреация, Расслабуха);

Отдых как перерыв в работе, в какой-либо деятельности (Остановка, Передышка, Перерыв, Привал, Перекур, Передохнуть, Перевести дух, Мертвый час, Тихий час);

Наименования лиц по признаку пребывания в состоянии отдыха (Отдыхающий, Бездельник, Балдежник, Гуляка, Праздный);

Наименование лиц по признаку уклонения от работы (Лодырь, Лежебока, Лентяй, Тунеядец, Шланг, Сачок);

Сон как отдых (Сон, Спать, Почивать, Вырубаться, Отрубаться, Отруб);

Отдых после завершения интенсивной работы (Вздохнуть, Расслабиться, Собраться с силами, Угомон, Угомониться, Расслабуха, Свободно вздохнуть, Уйти на покой);

Отдых как уклонение от работы (Безделье, Бездельничать, Бездействие, Бездействовать, Ленииться, Лентяйничать, Отлынивать, Балдежничать, Шланговать, Сачковать, Лежать на боку, Лежать на печи, Сидеть на печи, Сидеть сложа руки, Валяться на диване);

отдых как получение удовольствия (Кайф, Отрываться, Балдеть, Балдеж, Кайфовать, Отрываться, Оттягиваться, Оттяжка, Расслабляться, Тусоваться, Отрыв, Ловить кайф);

отдых как застолье (Кутить, Кутеж, Гулять, Гулянка, Гульки, Гудеть, Гудежный, Гудеж, Быть под балдой);

отдых как состояние психологического покоя (Покой, Спокойствие, Успокоенность, Успокоиться, Умиротворенный, Умиротворенность, Расслабон, Улететь, Улет, Созерцать, Мечтать, Засыпать на лаврах, Почивать на лаврах).

Таким образом, в русском языке *отдых* вербализуется языковыми средствами, объединяемыми в три основных смысловых аспекта:

1. Психо-физиологическое состояние, испытываемое человеком в связи с ее временным отсутствием работы или перерывом;
2. Психо-физиологическое состояние удовольствия, связанное с приятной деятельностью в отсутствие работы;
3. Психо-физиологическое состояние, связанное с уклонением от работы.

Если рассматривать концепт *отдых* в сознании русского народа с точки зрения позитивной или негативной оценки, содержащейся в значениях вербализующих его языковых средств, то становится очевидным, что одобрительную или нейтральную оценку имеет 70 %

лексических единиц, объективирующих концепт *отдых*. Неодобрительную оценку имеет 30 % лексических единиц.

Интересно отметить, что наибольшее количество лексико-фразеологических единиц, имеющих негативную оценку, принадлежат таким группам, как:

1. Отдых как уклонение от работы.
2. Наименование лиц по признаку пребывания в состоянии отдыха.
3. Наименование лиц по признаку уклонения от работы.

Если рассматривать объективацию концепта *отдых* в русском языке с точки зрения стилистической окрашенности используемых средств, то можно увидеть, что стилистически нейтральная лексика составляет 66 %, жаргонная лексика – 34 %, причем подавляющее большинство жаргонной лексики относится к следующим группам:

1. Отдых как получение удовольствия;
2. Отдых как застолье.

Более подробный анализ лексико-фразеологического поля *отдых* мы надеемся продолжить в нашей дальнейшей работе.

С.С. Катуков

Лексико-фразеологическое поле, объективирующее концепт "брань"

Данная работа отражает начальный этап изучения концепта "брань" и его репрезентаций в лексико-фразеологической системе русского языка.

Концепт реализуется в языке через то или иное лексико-фразеологическое поле, имеющее определенный состав и структуру, т.е. представляющее собой упорядоченный набор лексических и фразеологических единиц, находящихся в определенной иерархии. Состав лексико-фразеологического поля обусловлен степенью коммуникативной релевантности этих единиц и представленностью в их значении того или иного семантического компонента (в данном случае "брань", "бранность").

В русском языке существуют следующие общие наименования для концепта "брань": *брань, ругань, сквернословие, скверноречие, злословие, хула, ругня (руготня), скандал, свара, перебранка, перекоры*. Их объединяет значение «осуждающие, обидные, грубые слова; ссора, сопровождающаяся такими словами». В семантику единиц ЛФП

"брань" входят семантические компоненты: "процесс общения/сообщения", «выраженность в слове», "несправедливое, обидное для объекта наименование", "отрицательная эмоция".

Сами грубые слова могут называться следующими лексемами: *брань, ругательство, мат, матюги, поносительство*.

Процесс сквернословия обозначается так:

бранить(ся), (вы)ругать(ся), вздорить, поносить, обзывать, материться, сквернословить, ссориться, выражаться, перебраниваться, скандалить, грубить, ругать, изругать, хулить, буйнить, гавкать, грызться, костить, лаять(ся), собачить(ся), сволочить, чертыхаться, хамить, дебоширить, схлестнуться, шишиться, сцепиться, чихвостить, похабничать, скандальничать и др.

Из приведенных примеров видно, что большинство лексем имеют ярко выраженную экспрессивную окраску.

Фразеологическую составляющую ЛФП "брань" образуют следующие единицы: *мыть (мыть) голову, накрутить хвост (хвоста), намылить (намять) холку (шею), обливать грязью (грязной водой), перебивать косточки, (на)плевать(плюнуть) в глаза, плевать в лицо, поливать грязью (клеветой, руганью), послать куда следует (к чертям собачьим, подальше), продрать с песком, распускать глотку(горло, губы), растянуть рот, слово за слово, черное слово, крепкое слово, смешивать с грязью, спускать собак, точить язык, устраивать базар (баню, концерт, представление).*

Представляет также интерес слово «брань» в поговорках. Так, в поговорке В.И. Даля встречаем:

Кому по недугу, тому и наша хороша поедуга (т. е., брань); За ярыжкой брань не пропадает; Горлом не возьмешь, бранью не выпросишь; Брань не запас, а без нее ни на час; Первая брань лучше последней; На брань слово купится; Брань в боку не болит; Брань не киснет, ветер носит; Брань не дым - глаза не ест; Брань очей не выест; Брань на вороту не виснет; Брань на вороту не виснет, а кулак в бок не киснет; Снес дурака (брань), снесет и кулака; Брань не смола, а саже сродни: не льнет, так марает; Дракой прав не будешь; Бранью праву не быть; Смола не вода, брань не привет; Спотыкнуться - кто-то бранью поманул; Голова чешется - брань на себя слышать.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Концепт «брань» представлен в языке заметным массивом достаточно употребительных слов и имеет четкую структурно-языковую выраженность в языке.

2. Среди наименований брани ведущее место занимают наименования процесса брани (превалируют глагольные лексемы).

3. ФЕ поля «брань» носят ярко выраженный экспрессивный характер.

4. В паремиях, выражающих народное представление о брани, указывается на самые разные стороны брани. Так, в паремиях, с одной стороны, выражено отрицательное отношение к брани: Брань не смола, а саже сродни: не льнет, так марает; Смола не вода, брань не привет и др.; одновременно указывается на необходимость терпимости к брани: Брань не дым - глаза не ест; Брань на вороту не виснет и др.; на залихватское отношение к брани: За ярыжкой брань не пропадет; Брань в боку не болит; указывается даже на необходимость брани: Брань не запас, а без нее ни на час: Не выбранившись, и замка в клети не откроешь.

О.Н.Ракитина

Концепты 'поле', 'степь', 'das Feld', 'die Heide' в немецком и русском фольклоре

Лексемы «поле», «степь» в русском языке и «das Feld» (поле), «die Heide» (пустошь) - в немецком обозначают близкий, на первый взгляд, тип ландшафта – открытую безлесную равнину. Однако, впечатление это обманчиво. Несовпадения начинаются уже в словарных дефинициях.

Поле – «простор за городом, селеньем, безлесная, незастроенная, обширная равнина; пашня, нива, засеянная хлебом, или вообще к сему назначенная земля» (Даль, с.257); «безлесная равнина, пространство...обрабатываемая под посев земля, участок земли» (Ожегов, с.542); «безлесная равнина, ровное обширное пространство» (ССРЛЯ, с.10, 954).

Feld (поле) – “Acker, Landstück” (пашня, участок земли) (MGH, с.267); “für den Anbau genutzter Boden, benutztes abgegrenztes Stück Land” (земля, используемая для возделывания; используемый ограниченный участок земли) (DB, с.252); “1. weite, unbebaute Bodenfläche; 2. Abgegrenzte Bodenfläche für den Anbau von Nutzpflanzen” (1. обширная необработанная земельная площадь; 2.Ограниченный участок земли для возделывания полезных растений) (DU, с. 494).

Можно заметить, что и в русских, и в немецких словарных статьях описываются два разных поля. Одно – это «простор за городом,

селеньем, безлесная, незастроенная, обширная равнина» (Даль, с. 257), «безлесная равнина, пространство» (Ожегов, с. 542), «безлесная равнина, ровное обширное пространство» (ССРЛЯ, с. 10, 954), «1. weite, unbebaute Bodenfläche» (1. обширная необработанная земельная площадь) (DU, с. 494); другое – «пашня, нива, засеянная хлебом, или вообще к сему назначенная земля» (Даль, с. 257), «обрабатываемая под посев земля, участок земли» (Ожегов, с. 542), «Acker, Landstück» (пашня, земельный участок) (MGH, с.267); «für den Anbau genutzter Boden, benutztes abgegrenztes Stück Land» (земля, используемая для возделывания; используемый ограниченный участок земли) (DB, с. 252); «2. Abgegrenzte Bodenfläche für den Anbau von Nutzpflanzen» (2. Ограниченный участок земли для возделывания полезных растений) (DU, с. 494). Мы рассматриваем это не как выделение двух разных концептов, вербализуемых одной лексемой, а как разные группы признаков и анализируем 'поле' и 'Feld' как единые концепты.

Итак, поле и das Feld имеют следующие сходства: равнинность и назначение - возделывание полезных растений. Немецкие источники, в отличие от русских, не указывают на отсутствие леса и построек; зато на ограниченность немецкого поля указывают три словаря, а русского – один (Ожегов); обратная ситуация с обширностью, пространственностью поля.

Степь – «безлесная и нередко безводная пустошь на огромном расстоянии, пустыня... безлесье, незаселенный кочевой простор» (Даль, с. 822); «безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата» (Ожегов, с. 756); «обширное безлесное ровное пространство в зоне сухого климата, покрытое травянистой растительностью; *устар.* Пустыня» (ССРЛЯ, с. 14, 850).

Heide (пустынь) – “Pflanzenformation von Zwergsträuchern, Gräsern und Kräutern auf den nährstoffarmen, loderen Glazialböden des norddeutschen Tieflandes... Moore und magere Wälder lösen die ausgedehnten, flachen und eintönigen Flächen ab” (разряд карликовых кустарников, трав на бедных питательными веществами ...ледниковых почвах равнин северной Германии...болота и скудные леса перемежаются обширными, плоскими и однотонными равнинами) (GB, с.298); “Landschaftsform mit meist lockerer, baumarmen Vegetation” (форма ландшафта, характеризующаяся преимущественно слабой растительностью с редкими деревьями) (МК, с.107); “typische Vegetationsform nährstoffarmer Böden; unterschieden in a) *echte Heide* oder Zwergstrauchheide... an grösserer Holzgewächsen nur Wacholder, ausserdem z.B. Kiefer und Birke vorhanden; vorwiegend in sommerkühlen,

niederschlagsreichen Klimate-bieten vorkommender Typ, meist durch Vernichtung des ursprünglichen Waldbestandes entstanden; b) *Steppen-Heide* ” (типичная форма растительности бедных питательными веществами почв; различают а) настоящая пустошь или пустошь с карликовыми кустарниками; из больших деревьев только можжевельник, кроме того встречаются сосна и береза; этот тип встречается преимущественно в холодных климатических областях с обильными осадками, в большинстве случаев формируется вследствие уничтожения первоначального лесного массива; б) степная пустошь) (MN, с.190); “Echte Heide findet man in der Lüneburger Heide daher nur noch im Gebiet um Wilsede, wo durch intensive Schafhaltung diese Pflanzengesellschaft erhalten wird ” (Настоящей является Люнебургская пустошь, кроме нее только область возле Вильсede, где, благодаря интенсивному овцеводству, сохраняется эта форма растительности) (BE, с.596). “weite, meist sandige und überwiegend baumlose Ebene, die besonders mit Heidekrautgewächsen und Wacholder bewachsen ist” (обширная, чаще всего песчаная равнина, где преимущественно отсутствуют деревья, поросшая в основном вереском и можжевельником) (DU, с. 678).

Степь и Heide имеют следующие сходные черты: равнинность, обширность, безлесье (допускается наличие редких кустарника и деревьев), травянистая растительность; различаются они температурой и увлажненностью климата и земель.

С содержательной точки зрения концепты 'поле' и 'das Feld' имеют следующие общие признаки.

Элемент рельефа (4% в русском материале и 5% - в немецком. Далее для удобства изложения сохраняется эта последовательность в указании цифр). Признак «Элемент рельефа» представлен в немецком и русском материале как близкими количественными показателями, так сходным строением контекстов, его эксплицирующих. Лексема 'поле' обязательно включена в контексты, перечисляющие элементы рельефа в фольклорных текстах: *А Иван-царевич направился в подводное царство; видит: и там такой же свет, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет; ... и скачет конь выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, горы, реки и озера меж ног пропускает, поля-луга хвостом устилает. “Ich habe so helle Augen, dass ich über alle Wälder und Felder, Täler und Berge hinaus und durch die ganze Welt sehen kann”*. Изложено членение мира на три основных пространства: лес, поле и море (как вообще любое водное пространство), т.е. то, что определяет «такой же свет, как у нас».

Место, где происходит перемещение (8% и 8%). В немецких текстах указывается, что по полю перемещаются пешком: *Sie <Brüderchen und Schwesterchen> gingen den ganzen Tag über Wiesen, Felder und Steine; Идут двое сипоток... по дальнему пути, по широкому полю;* или ездят: *«Heute musste ich mit dem Wagen über Feld fahren...»;* *Случилось раз ... ехал по полю барин – богатый, кудреватый, молоденький.* В русском материале подчеркивается, что оно, в отличие от других элементов рельефа, удобно для перемещения: *По полю хлопочет, в болото не хочет (пацут).*

Большое пространство (2% и 4%). Поле характеризуется как «широкое», подчеркивается горизонталь: *Едет купеческий сын по полю чистому, раздолью широкому; Поутру с сажень, в полдень в пядень, ввечеру через поле хватает (мень); Er <der Wirt> musste lange suchen, endlich erblickte er den Knecht, der im weiten Feld auf und ab lief....*

Ровное, открытое, просторное (16% и 8%). Признак «ровное, открытое место» в русском материале представлен в большем богатстве оттенков. В обоих языках активно актуализируется признак «ровное пространство, гладкая (пустая) поверхность как чисто географическая особенность»: *Разбойнички попали с коней, не могли и подняться с земли, а стрелок дальше поехал... из темного леса в чистое поле... Auf dem offenen Feld kam es <das Schneiderlein> einem Fuchs in den Weg... (GM, с.204, 45);. Der Wald hat Ohren, das Feld hat Augen (У леса есть уши, у поля - глаза).*

В меньшей степени, но все же представлен в немецком языке и признак «место, где нет помех движению → вольное место». Иначе говоря, поле - гладкое пространство, где практически нет никаких помех движению, в том числе движению стремительному, безудержному и человека, и коня, остановить которое в поле нечему: *Жеребец бросился вдруг в сторону, вырвался и убежал в чистое поле; Das erste, was ihm begegnete, war ein braunes Füllen, das frei im Felde herumsprang (GM, с.474, 107); Ну где поймать буйный ветер на поле, ясна сокола в поднебесье? В этих примерах уже просматривается значение «вольный, свободный». Отсутствует в немецком материале примеры, выражающие признак «Открытое пространство с отдельно растущими деревьями»: *Привозил его конь в поле чистое к кудрявой березе, а опричь той кудрявой березы на поле нет ни лесинки; Во поле поленском стоит дуб веретенский; бока пробиты, ядро говорит (колокольня).**

В русском материале обнаруживается, но отсутствует в немецком материале еще одно логически связанное с ним значение – «Условное

место). Лексема «поле» в этом значении используется для обозначения некоего геометрического пространства, территории, признаки которой не релевантны, а важен предмет речи, который может быть помещен в любое пространство: *На поле Арском, на рубеже татарском 2 орла орлюют, одним языком балуют (крестины); В чистом поле две трубы трубили, два соболя играли (лицо, нос, рот, глаза).*

Место, где растет трава (1% и 4%). Русский материал отмечает растущую на поле траву, а немецкий — цветы *Маленько, зелененько, все поле укрыло (весенний луг); Drei Frauen waren verwandelt in Blumen, die auf dem Felde standen (GM, с.632, 160).*

Место обитания животных (3% и 9%). В поле встречаются медведи: *Идет Иван-царевич* чистым полем, *попадает* ему медведь; волки: *Обсиделся Задонский князь Дмитрий Иванович; мало – бежит по чисту полю стадо серых волков; Der Vater schrie, als er den Wolf mit seinem Kinde durchs Feld laufen sah (GM, с. 219, 48);* лисы: *После того дятел с собакою пустились в поле и повстречали лисицу; Auf dem offenen Feld kam es ihm Fuchs in den Weg... (GM, с.204, 45);* зайцы: *Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидел под кустом зайца...; Русак (заяц) поле любит; Der Blinde sah zuerst den Hasen über Feld traben... (GM, с.632, 159);* мыши: *Идет он (работник) полем, бежит мышью...; птицы: выехал Иванушка-дурачок в чистое поле, содрал с лошади кожу, повесил на шест, а сам закричал: «...Слетайтесь, сороки, вороны!»; ...die Tauben auf dem dache zogen das Köpfchen unterm Flügel hervor... und flogen ins Feld; ; летают пчелы: *Сито горновито по полю летало, по-татарски лепетало (пчела); «Die Bienen brauchen nicht gehütet und nicht ins Feld getrieben zu werden...».**

Поле как огороженное место Этот признак актуализируется в русском материале, но отсутствует в немецком, что представляет картину противоположную представленной в словарных статьях (5% и 0%). Это значение концепта связано со значением «Поле как место сельхозработ», т.к. огораживались обработанные участки: *Поле-то с угородом, а слово-то с уговором, Худо полю без изгороды, а вдове без обороны; Поля стеклянны, межи деревянные (окно и рама).*

Источник материальных благ (12% и 10%). Поле в русском материале предстает как источник намного более разнообразных благ, чем в немецком, при близких количественных показателях. Немецкий материал дает примеры использования поля только в качестве пастбища для домашних животных: коров, быков, лошадей, свиней, овец: *Пришли девицы в чистое поле буренушку пасти; Идет мужик полем; берегут табун лошадей; Принялся дурачок пасти, видит, что*

Примечание [АК1]:

овцы разбрелись по полю, давай их ловить. Во поле, поле затопали кони, заревел медведь на ярмарке (мельница); Слепой Матвей по полю загоняя свиней (виш и гребень); Поле не меряно, овцы не считаны, пастух розатый (звезды, месяц); *Es trug sich zu, dass Zweiäuglein hinaus ins Feld gehen und Ziege hüten musste...* (GM, c.563, 130). *Es trug sich aber zu, dass ein Schäfer auf dem Felde seine Schafe hütete...* (GM, c.258, 56). *Da zog sie still weiter zur Stadt hinaus, und sie trieben die Gänse aufs Feld* (GM, c.393, 89).

Русские тексты дополняют эту картину: в поле собирают ягоды: *Это нашего поля ягода; охотятся: В одно время взял он «охотник» ружье, надел сумку и пошел в поле. Недолго ходил, застрелил зайца...; Иван-царевич поехал на охоту в чистое поле гулять, бить гусей да лебедей; И пошел он в поле, взял с собою тенеты и постановил их.*

Место сельскохозяйственных работ (16% и 33%). Этот признак представлен наибольшим количеством примеров в немецком материале, и вторым по количеству – в русском (16% и 33%); содержание русских примеров более разнообразно: указывается, что в поле пашут и сеют, жнут, молотят рожь, пшеницу, сажают горох, репу, косят сено: *Потом приказал ему: за ночь поле вспахать и сбороновать, пшеницу посеять, сжать, обмолотить и в амбар убраться; Приходит Ванька в поле, смотрит – а какой-то мальчик репу роет...; Поле бело, семя черно, кто его сеет, тот разумеет (письмо); Hans ackerte die Felder, und wenn er hinter dem Pflug ging und ihn in die Erde hineinschob, so hatten die Stiere fast nicht nötig zu ziehen ;. “Frau, ich will ausgehen arbeiten und uns Brot verdienen, geh du ins Feld, und scheid das Korn, dass wir Brot haben” ;. “Ja;will's schon tun, will ins Feld gehen, Frucht schneiden; “Vorm Dorfe hat der Pfarrer Rüben auf dem Feld, geh hin und rupf uns Rüben” ; Aufgepflügtem Felde ist gut sähen.*

В немецком материале актуализируется несвойственный русскому материалу признак “источник дохода, место вложения денег”: *Was man seinem Felde leiht, bekommt man mit Zinsen wieder; Wer täglich sieht nach seinem Feld, findet täglich ein Stück Geld; нечто, сопряженное с некоторой неопределенностью: Der Weizen auf dem Feld ist noch kein Geld; В поле ужином, в гумне умолотом, в засеке спором, в кваине всходом (хвались); место, где происходят сражения (11% и 5%). В поле сражаются армии человеческие: Солдату умереть в поле, матросу - в море; ... als er sich dem Schlachtfeld näherte, war schon ein grosser Teil von des Königs Leuten gefallen... ; Zu dieser Zeit führte der König eines mächtigen Reiches Krieg, der Jüngling nahm Dienste bei ihm und zog mit ins Feld ; и звериные: Сильно разгневался в те поры царь орел и сейчас же отправил ко льву легкого гонца: приходи завтра с*

своим-де звериным воинством на такое-то поле, а я соберу всех птиц и дам тебе сражение; происходят поединки богатырей: Съехались они в чистом поле, широком раздолье; бой недолго длился: Иван купеческий сын убил арапского королевича; и битвы с чудищем: Съезди в поле чистое; убей чудище о трех головах.

Место, противопоставленное дому, необитаемое, пустынное (7% и 4%). Поле является пустынным, необитаемым местом: Доезжает королевич до того места, что деревень не стало больше – извивается дорога по чистому полю. В силу этого оно противопоставляется обитаемому человеческому пространству – дому, городу, и т.п.: Вот собака ходит себе по чистому полю, а домой идти боится...; В ту же минуту выкололи Тимофею глаза, вывели его за город и оставили в чистом поле; Es hatte ein Bauer ein treues Pferd, das war alt geworden... da wollte ihm sein Herr nichts mehr zu fressen geben... und jagte es... ins weite Feld; По той же причине поле оказывается гибельным местом: Выехал он в поле – а была зима – и бросил младенца в снег; Старшая сестра, позавидовав, подкупила бабу; а та взяла ребенка – обратила голубем и пустила в чистое поле.

Укрытие (0% и 1%). Обширное поле, покрытое колосьями может служить укрытием: “Seht da das grosse Kornfeld, wenn wir uns da verstecken, so findet uns kein Mensch”; Место отдыха (1% и 0%). В поле не только ищут приключений и сражаются богатыри, но и просто гуляют на чистом воздухе разные персонажи сказок: Она «ягая-баба» приказала большой дочери истопить избу жарко-жарко, Лутоньку сжарить, а сама ушла в поле гулять; В некое время вышел Иван солдатский сын в чистое поле прогуляться; Царь гулял в это время по полю, ехал мимо их дома и подслушал их разговор.

Место, где осуществляется казнь (4% и 1%). В поле казнят злодеев, привязав их к лошадиному хвосту, чтобы конь их «размыкал» по полю: «...взять их обоих, привязать к конским хвостам и пустить в чистое поле; тут им и казнь!»; А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю..., и не осталось от ней ни следа, ни памяти. Иногда тело убитого в бою сжигается, а по полю развевается только пепел: срубил ему «змею» Ивашка две головы и сжег туловище вместе с головами, а пепел развеял по чистому полю. В поле специально доставляют жертвы, чтобы казнить их там: Закричал царевич своей охоте: «Возьмите Огненного царя, отнесите в чистое поле и разорвите на мелкие части!»; Царь приказал их сейчас из пушек убить, вывели их, рабов божьих, в чистое поле и казнили; Als die Sonn unterging, kamen sie aus dem Wald, und vor dem Wald auf dem Feld stand ein Galgen .

Волшебное место (11% и 6%). В поле происходит случайная встреча с волшебным помощником: *Видит посеред поля костер горит...в нем змея корчится и горит на каленых угольях... а сама кричит ему человеческим голосом...;* Только наехали в чистом поле: *идет калечище прохажий;* *Sie gingen aufs Feld, sassen da und die zwei machten betrübte Gesichter; Da kam eine alte Frau daher, die fragte, warum sie so traurig wären ;* общение с ним: *...дурак пошел в чистое поле... свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой»; Иван вышел в чистое ... вырубил огонек и прижег ковыль-траву. Вдруг откуда ни возьмись – прилетел сизокрылый орел и молвил человеческим голосом...; Am anderen Morgen, wie er <der jüngste Königssohn> auf das Feld kam, sass da schon der Fuchs und sagte: “Ich will dir weiter sagen, was du zu tun hast...” .* В поле живут мифические существа: *Стоит в чистом поле избушка на куриных ножках и повертывается...;* «Ступай-ка ты, добрый молодец, и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех палатах живет твоя старшая сестра Луна... живет с нею нечистый дух», чуднища: «А слышал я, что есть в чистом поле чудище о шести головах; пусть царевич с ним поборется». В поле общаются с заколдованными людьми: *Старичок-пестун встает поутру ранехонько... взял младенца... и пошел в чистое поле к кусточку. «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младенца мать видали?» Младенца мать на землю скочила, кожух сдернула, другой сдернула... стала «младенца» грудью кормить; Da sprach sie <die verzauberte Frau> ... als sich der Tag nahete und sie wiederum zu ihren Gespielen auf das Feld gehen und eine Blume werden sollte... (GM, с.632,160).* Наконец, в поле находятся деревья / камни, скрывающие под собой сокровища: «Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного».

Концепты 'stepь' и 'die Heide' имеют общий признак Место, где происходит перемещение (7% и 44 %). *Вот едут они степями, долинами...; Идет он дорогою ... идет полями чистыми, степями раздольными и приходит в дремучий лес. Der Weg führte sie über eine Heide, auf der hier und da mächtige Felsenstücke zerstreut lagen .*

В русских текстах актуализируются следующие признаки концепта 'stepь'.

Элемент рельефа (23%). Stepь включена в контексты, перечисляющие основные элементы рельефа: *Идет он дорогою ... идет полями чистыми, степями раздольными и приходит в дремучий*

лес. Но в большинстве случаев степь фигурирует в менее масштабных контекстах: *Смотрят, – перед ними степь расстилается, на той степи палатка разбита; За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка.*

Большое пространство (12%). Подчеркивается обширность степи: *едут месяц, и другой, и третий, и заехали в пустынную широкую степь; ...а впереди того леса была чистая степь верст по крайней мере на десять; В степи простор, в лесу угодье.*

Отдаленное пространство (15%). Отдаленность степи подчеркивается временем, которое необходимо, чтобы ее достичь: *...едут месяц, и другой, и третий, и заехали в пустынную широкую степь.* Иногда на это указывается прямо: *«Колодезь стоит в степях, в далах; никто из него воды не берет, не пьет».*

Ориентир, мера пространства (4%). Наравне с другими элементами рельефа степь служит показателем дальности расстояния, ориентиром: *«Меня яга затащила за те горы за крутые, за те леса за темные, за те степи за гусиновые...».*

Пастбище (8%). В степи пасется скот: *«...ступай, там на степи пасется стадо волов...».*

Пустынное, дикое место (27%): *...едут месяц, и другой, и третий, и заехали в пустынную широкую степь; ... выехали на степь, отъехали с полверсты – никого не видеть, и воротились обратно.*

В немецких текстах актуализируются такие признаки концепта 'die Heide'.

Открытое, плоское место (11%): *Als er <der Sohn> über eine Heide zu reiten kam, dass er von weitem etwas auf der Erde liegen sah wie einen grossen Heuhaufen....*

Волшебное место (44%): *Als sie beim Heimweg wieder auf die Heide kamen, überraschten sie den Zwerg, der auf einem reinlichen Plätzchen seinen Sack mit Edelsteinen ausgeschüttet ... hatte .*

Концепты 'поле' и 'степь' обнаруживают преимущественно общие признаки (исключением являются «Огороженное место», «Укрытие», «Место отдыха»). Количество примеров, в которых актуализируются те или иные признаки в немецком и русском материале во многих случаях полностью или почти совпадает («Элемент рельефа», «Место передвижения», «Источник материальных благ», «Большое пространство», «Место, где растет трава» и др.). Поле оказывается местом преимущественно своим, концепт 'поле' насыщен коннотациями, в основном, положительными. Исходя из этого, можно говорить, что 'поле' и 'das Feld' являются близкими концептами, имеющими небольшие национальные различия в содержании.

В немецких и русских фольклорных текстах актуализируется только один признак, общий для концептов 'степь' и 'die Heide' – "Место передвижения". Кроме него, в немецком материале получают выражение только два признака концепта 'die Heide': "Открытое, плоское место" и "Волшебное место". В русском материале актуализируются также признаки «Элемент рельефа», «Большое пространство», «Отдаленное пространство», «Ориентир», «Пастбище», «Пустынное, дикое место». И степь, и die Heide предстают чужим пространством, знакомым, но не освоенным, признаки этих концептов имеют преимущественно объективный характер. Общим моментом для рассмотренных концептов является также невысокая сравнительно с другими концептами частотность соответствующих лексем в рассмотренных текстах. Это позволяет предположить, что концепты 'степь' и 'die Heide' были менее востребованы сознанием, чем концепты 'поле' и 'das Feld'. В остальном концепты 'степь' и 'die Heide' характеризуются практически полным несовпадением концептуальных признаков при значительном сходстве объективных характеристик и являются сугубо национальными концептами в концептосферах русского и немецкого народов.

Источники

1. Загадки русского народа: сборник Д. Садовников М., 1996.
2. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля в 3-х т. М., Русская книга, 1993.
3. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. В 3-х т. М., 1957.
4. Kinder- und Hausmärchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm. Aufbau-Verlag Berlin. 1961.

Словари

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978-1980. Т. 3., Т.4.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Изд. РАН СССР. Т. 10., Т.14.
- BE – Brockhaus Enzyklopedie in 24 Bänden. Mannheim. B.9.
- DB - Duden. Das Bedeutungswörterbuch. B.10. Dudenverlag Mannheim –Wien –Zürich 1985.
- DU - Duden Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1996.
- GB – Der grosse Brockhaus. Handbuch des Wissens in 20 Bänden. Brockhaus / Leipzig 1931.

MGH - Meyers Grosses Handlexikon A-Z. Lexikonverlag Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 2001.

MK – Meyers Kleine Lexikon in 2 Bänden. VEB. 1967 Leipzig. B.2.

MN – Meyers Neue Lexikon VEB 1973 Leipzig. B. 6.

А.А.Павлова

Концепт «СЕМЬЯ» (на материале семейных родословных)

Исследование концепта «семья» на материале семейных родословных имеет ряд существенных преимуществ: данный концепт является, бесспорно, центральным для всех без исключения текстов семейных историй, вследствие чего существует широкая возможность анализировать сочетаемость вербализованного концепта – лексемы «семья» (в дальнейшем называемой нами «словоконцептом»). Тексты родословных, однако, не ограничены только лишь данным концептом, что позволяет проследивать также его сочетаемость с другими концептами в рамках концептосферы родословных.

В данном исследовании моделирование концепта СЕМЬЯ включало в себя следующие направления:

- изучение этимологии словоконцепта;
- анализ сочетаемости с другими лексическими единицами, в особенности с глаголами;
- прослеживание парадигматических связей словоконцепта, в том числе описание фразеологических единиц и метафор, синонимичных слову «семья»;
- синтаксический анализ предложений со словом «семья»;
- изучение возможности пересечения с другими концептами, составляющими концептосферу родословных.

Лексические единицы, составляющие поле концепта СЕМЬЯ, можно разделить на две группы: слова и словосочетания с положительной эмоциональной окраской, обуславливающие связь концепта СЕМЬЯ с концептом СЧАСТЬЕ; и единицы, находящиеся на пересечении лексических полей концептов СЕМЬЯ и РАБОТА. К первой группе относятся такие лексические единицы, как *безопасность, защищенность, полноценное счастье, помощь и поддержка, прибежище, радость, семейные праздники, счастливая семейная жизнь, мир и согласие, успокоение в душе.*

Примечательно, что слово «семья» является родственным с древнегреческим словом, означающим в переводе «лежать», «покоиться», «укладываю спать» (Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.2. – М.: Русский язык, 1999. – С. 154-155.): *сплоченная, дружная, любимый, общий, главное в жизни; сообща, вместе, нежно, рядом...; восполнить физические и духовные силы, приносить радость, ждать, воссоединиться, родиться, появиться (о ребенке), согревает душу, желать добра и счастья, любить, окружить любовью, заботой и вниманием, гордиться, поделиться радостью и горечью и т.д.*

Для большинства текстов родословных вторая группа лексических единиц ассоциируется с отрицательными эмоциями, что позволяет нам отнести их к группе «условно отрицательно окрашенных лексических единиц». Причина этой условности заключается в ассоциации концепта РАБОТА с такими отрицательно окрашенными концептами, как ГОЛОД, ВОЙНА, НИЩЕТА, что приводит к переносу соответствующего отношения на концепт РАБОТА. Очевидно, однако, что сам концепт не имеет отрицательных коннотаций, что позволяет нам обозначить его именно как «условно отрицательно окрашенный».

Приведем некоторые примеры лексических единиц второй группы: *работать, строить, накормить, присматривать, взять (на себя часть забот), лечь («На его плечи легло бремя ответственности...» (Е.Б.), отнимать (много времени), приходилось нелегко, возиться (с детьми), вынуждена работать, шить одежду на всю семью, накормить, работать, чтобы прокормить/ помочь прокормить семью и т.д., трудности, бремя ответственности, ответственность за детей.*

Нами не случайно был выбран подобный способ частеречного расположения лексических единиц: если для первой группы наряду с глаголами характерно большое количество существительных, то вторая группа преимущественно состоит из глаголов, а существительные и наречия составляют лишь малую часть данной группы.

Интересно также проследить пересечение данных лексических групп. О существовании пересечения свидетельствуют такие примеры (подчеркиванием мы показываем принадлежность к первой группе, жирным шрифтом – ко второй): *Меня и моего брата она [мама] окружила любовью, заботой и вниманием, пока наш отец был в командировках и **трудился не покладая сил** [рук] на благо семьи* (С.М.). *Для того, чтобы **облегчить матери жизнь**, с ранних лет он **работал и получал свои трудовые*** (С.М.).

Таким образом, становится явно виден тот «круг», благодаря которому семья способна именно *окружить* заботой и вниманием: труд каждого члена семьи направлен на то, чтобы облегчить жизнь другого или всей семьи, иначе говоря, отдавая, мы получаем, что еще раз подтверждает связь концептов СЧАСТЬЕ и РАБОТА. Следует, тем не менее, отметить, что несколько особое положение занимают в семье дети: они являются в большей степени потребителями, нежели производителями материальных благ, чего нельзя, однако, сказать о благах духовных: в текстах родословных постоянно подчеркивается, что дети являются опорой и утешением взрослым, и это становится особенно заметно в минуты семейных трагедий.

В процессе анализа родословных возникает проблема определения понятия семьи: в одних случаях данная лексема используется в качестве обозначения *всех* своих предков, в других, напротив, «семья» включает только самого автора, его супруга/ супругу и детей, иногда к семье относят тех членов семьи, которые живут в одной квартире/доме. На наш взгляд, данные разногласия обусловлены внутренней жизнью каждой отдельной семьи: более дружные «ячейки общества» склонны причислять к «своей семье» большее количество людей, так же, как семьи, бережно хранящие и передающие семейные предания и память о своих предках, могут ощущать их членами своей семьи наравне с живыми людьми. Однако при исследовании данной проблематики нами были вскрыты некоторые общие интересные особенности полисемичного употребления лексемы «семья».

Нельзя не отметить, что слово «семья» в значении «все члены семьи, включая известных автору предков» используется примерно в три раза чаще, нежели в значении «автор, супруг(а), дети» (73 к 26 соответственно). Данные цифры могут свидетельствовать о том, что к концепту СЕМЬЯ (как абстрактному кванту знания) относятся ВСЕ члены семьи, как ныне живущие, так и умершие. Это, в свою очередь позволяет подтвердить уже доказанный нами факт тесной связи концептов СЕМЬЯ и ПАМЯТЬ.

Тем не менее, нельзя оставлять без внимания достаточно большое количество (26 случаев) употребления слова «семья» во втором значении. Очевидно, что слово «семья» в разных контекстах способно выступать в обоих данных значениях. Анализ большого количества родословных позволил нам прийти к следующему концептуальному выводу: СЕМЬЯ действительно включает ВСЕХ членов семьи, однако в жизни каждой семьи существуют некоторые моменты, когда происходит некоторое «сужение» семьи.

На основе того факта, что авторы используют слово «семья» в значении «мать, отец, я, братья, сестры, бабушки, дедушки (только живущие)» чаще всего при описании своего детства, мы считаем первым подобным моментом «сужения» семьи РОЖДЕНИЕ нового члена семьи. Затем в жизни человека наступает время, когда он становится способен представить свою семью в качестве метафорического дерева, корни которого образованы его предками, давно ушедшими из жизни. Однако на этом своеобразное «пружинное» преобразование слова «семья» не заканчивается: второе «сужение» семьи совпадает в моментом БРАКА – недаром именно при описании времени заключения брака в текстах родословных появляется слово «семья» во втором значении, часто с прилагательными *своя, молодая, маленькая, моя, собственная*. Часто происходит также пространственное отделение этой семьи – ее переезд в отдельную квартиру, что обуславливает появление в текстах наречия *отдельно*. Как и в первый раз, данное «сужение» сменяется «расширением» семьи – за счет знакомства с новыми родственниками, рождения детей. Изменчивость, «текучесть» семьи подчеркивают также предложения типа *На данный момент моя семья состоит из пяти человек* (П.П.), *Я никогда не забываю свой семью. Конечно, она уже не та, ведь нет... мамы* (О.К.)

Второй вывод, сделанный на основе данного материала, также касается объема понятия «семья». В текстах родословных концепт СЕМЬЯ рельефно проявляет свои ассоциации, а также синонимизацию с лексемами:

- род: *...чем знаменита, чем гордится наша семья, род* (Н.П.) (синонимизация на основе памяти, сведений о своем роде),
- родители, родные, родственники (по генетическому признаку);
- родословие, генеалогия: *В моей родословной (=семье) есть люди, не стареющие душой...* (А.П.) (ассоциация, близкая к «роду»)
- предки: *...предки (= семья) вышли из поселка* (Л.В.);
- близкие (пространственное расположение). Данный тип объединения людей также находит отражение в историко-этимологическом словаре;
- фамилия: *Я горжусь своим родом, своей фамилией* (О.К.) (метонимический перенос, возможное заимствование из английского – *family*)
- дом: *... мир и лад в доме (= семье)* (Е.Б.) *домашняя традиция (= семейная традиция), отчий дом*. Интересен тот факт, что

данная ассоциация-синоним также отражен в этимологии слова «семья»: готское слово *haims* (*деревня, село*) является родственным с немецким *Heim* (*домашний (= семейный) очаг*) и с английским *home* (*дом*);

- некоторое замкнутое пространство: *Каждый человек, выходя в мир [из семьи]; семейная атмосфера; место: семейный очаг;*
- дети: *... когда у нее будет своя семья, дом, дети...* (Л.Г.)
- судьба: *...нашли свою судьбу* (в значении «создали семью»)
- пара («семья» во втором значении),
- люди, мир: *Семья это нечто большее, чем родной дом и люди, живущие в нем. Семья – это особый мир, хранящий традиции, привычки* (Н.Л.)

Последний пример особенно подчеркивает невозможность выразить понятие «семья» ни одним из перечисленных выше синонимов: включая в себя их совокупность, семья, тем не менее, не ограничивается свойствами ни одной из своих составляющих, что позволяет заявить о системном характере семьи, так как именно свойством системы является способность иметь собственные свойства и функции, не зависящие от свойств и функций своих составляющих. Более того, данная система является открытой и доступной изучению с позиций синергетики на основе анализа материала родословных.

Еще один важный вывод, сделанный нами на основе анализа сочетаемости словоконцепта, касается *субъектности* семьи, то есть ее способности существовать в качестве единого субъекта. Действительно, на языковом уровне семья способна выступать в следующих ипостасях в качестве неделимого целого:

- в качестве субъекта, способного мыслить: *...большинство крестьянских семей были малограмотны; хранить информацию: ...нашей семье о них мало что известно (А.К.), ...в нашей семье считается... (Д.П.), тайны семейных преданий*
- субъекта, способного чувствовать: *Начавшаяся Великая Отечественная война принесла семье новое горе, Мы все очень ждем, что через несколько лет... (С.К.), тихое семейное счастье, семейные праздники;*
- действовать: *На долю семьи падало много забот (Е.Н.), Семьи были очень большие, все работающие (Е.В.); семейные виды деятельности; семейные заботы;*
- передвигаться: *После того, как в России началось раскулачивание, семье пришлось уехать (Е.Н.), ...куда впоследствии была переведена их семья (С.Б.)*

- жить: *В настоящее время их семья проживает в г. Губкине (С.Б.), прошлое семьи; прокормить семью; поднимать семью, сохранить семью, молодая семья, родилась семья;*
- иметь определенный социальный статус: *Семья была бедная... (О.К.), семья среднего достатка, семья рыбака;*
- быть потребителем некоторых благ: *трудиться на благо семьи; шить одежду на всю семью;*
- владеть чем-либо: *Родился в ... семье, у которой был свой участок земли (О.К.), В семье есть именное оружие, награды за храбрость (Д.П.), семейный альбом, семейные реликвии, семейный музей;*

Прочность, неделимость семьи подчеркивают также такие метафоры, как *семейные узы, глава семьи* (семья выступает в роли единого организма), *семейная жизнь и т.д.*

Из приведенного выше примера (*Семья это нечто большее, чем родной дом и люди, живущие в нем. Семья – это особый мир, хранящий традиции, привычки (Н.Л.)*) также видно, что семья становится образованием, способным действовать, как один субъект именно благодаря ее способности хранить информацию о своих предках, корнях, что заставляет каждого члена семьи чувствовать себя неразрывным целым со своей семьей. Не случайно словосочетание «история моей семьи» иногда становится синонимом выражениям «личная предыстория», «своя история».

Данное свойство семьи – сплести свою судьбу и свою жизнь с жизнью каждого из членов семьи – является на наш взгляд также основным условием воздействия семьи на личность. Семья способна *влиять, действовать, воспитывать, прививать* (положительные качества), *формировать личность, задавать черты характера* именно **благодаря связи концептов СЕМЬЯ, Я и ПАМЯТЬ.**

Поясним данную связь в виде схемы:

Наличие в семейной родословной фактов, позволяющих гордиться поступками членов своей семьи, т.е. придающих концепту МОЯ СЕМЬЯ	Отождествление себя со своей семьей (наложение концептов Я и МОЯ СЕМЬЯ), из чего следует собственная положительная самооценка.	Осознание необходимости соответствовать уровню своей семьи, быть достойным ее, т.е. проявление воспитательных возможностей семьи.
---	--	---

положительную окраску (пересечение концептов ПАМЯТЬ и МОЯ СЕМЬЯ)		
--	--	--

Метафорические выражения, связанные с концептом СЕМЬЯ, позволили нам также сделать некоторые предположения относительно способа проникновения, растворения семьи в каждом составляющем ее человеке. Сопоставим следующие примеры: *семейная атмосфера тепла и взаимопонимания* (1); *мир и лад в доме* (2); *тихое семейное счастье* (3); *опора* (4); *надежный тыл* (5); *семейный очаг* (6); *семейные узы* (7), *гармония [в семье]* (8).

Данные выдержки из родословных позволяют проследить воздействие семьи на всевозможные органы чувств человека: тактильные (примеры 1, 4, 6), слуховые (второй и восьмой примеры, содержащие музыкальные метафоры, а также пример 3), зрительные (к ним мы относим пятый и седьмой примеры, понимая и «тыл», и «узы» как нечто, что можно не только *ощущать*, но и, представив, увидеть).

Таковы основные выводы относительно концепта СЕМЬЯ, сделанные нами на основе текстов семейных родословных. Данный материал является, однако, неисчерпаемым, позволяя постоянно уточнять и дополнять модель концепта СЕМЬЯ.

Психолингвистический анализ концептосферы

М.Ю.Шевченко

Категория культурность в восприятии студентов

Цель нашего психолингвистического исследования – выявление когнитивных признаков концептов *культура*, *культурный*, *некультурный* в языковом сознании студентов-нефилологов.

Испытуемым предлагалась следующая инструкция (свободный ассоциативный эксперимент):

Запишите первые пришедшие в голову слова, словосочетания, фразы, когда вы слышите выражение «общение с культурным человеком».

Количество их – 102 человека, (48 м., 54 ж.) студенты физико-математического факультета БГПИ (специальность “математика”), возраст 18-19 лет.

Получено 145 реакций (учитывались и единичные), при обработке результатов сходные по смысловому содержанию ответы обобщались и были распределены по следующим семантическим группам.

Ассоциаты эмоционального состояния:

приятно общаться 18, радость 13, положительные эмоции, ощущение полного комфорта 10, удовольствие 7, приятные ощущения 6, ощущение духовного удовлетворения 5, чувство внутреннего спокойствия 4, радшие, приятные впечатления 2, наслаждение, восхищение, хорошее настроение, симпатия, культурные люди учат жизни 1.

Ассоциаты, связанные с оценкой пользы общения:

положительные эмоции, интерес 12, легко общаться 5, умнееешь, большой интеллект, ум 4,

Общая оценка общения:

самые хорошие 2, простота, самые лучшие ассоциации, после общения с ним часто задумываюсь о своей речи, доступность, ощущение полного понимания, большая культура 1.

Ассоциаты-выводы:

Интересно с ним поговорить, отличный собеседник 2, это философ, джентльмен, деловой человек 1.

Индивидуальные ассоциаты:

Не люблю слишком правильных, разные 1

Характерно, что ассоциации, связанные с положительными чувствами и эмоциями, оказываются наиболее яркими и многочисленными.

Методом субъективных дефиниций нами выявлялось реальное содержание значений лексемы “культура“ в сознании студентов физико-математического факультета. Им предлагалось закончить фразу:

«Культура – это...»

Был проведен сравнительный анализ ответов испытуемых с трактовкой исследуемой лексемы в толковых словарях. Значение ее определяется так:

1.Совокупность человеческих достижений в подчинении	1.Совокупность производственных, общественных и духовных	1.Совокупность достижений человечества в области
---	--	--

<p>природы, в технике, образовании, общественном строе.</p> <p>2. То или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-н. эпоху, у какого-н. народа, класса.</p> <p>3. То же, что культурность.</p> <p>(Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000)</p>	<p>достижений людей.</p> <p>2. То же, что культурность.</p> <p>3. Высокий уровень чего-нибудь, высокое развитие, умение.</p> <p>(С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 2001.)</p>	<p>общественно-интеллектуальных и производственных отношений//Совокупность таких достижений в определенную эпоху, у определенного народа.</p> <p>2. Уровень развития каждой из областей–интеллектуальной, общественной и производственной – жизни//Конкретные результаты такого развития.</p> <p>3. Совокупность памятников литературы, искусства, архитектуры и т.п., относящихся к одному времени, определенной территории.</p> <p>4. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью литературы, искусства, архитектуры и т.п.</p> <p>5. Искусственно созданный человеком мир, жизнь в котором определяется его–человека–идеалами.</p> <p>(Т.Ф. Ефремова. Новый словарь</p>
---	---	--

		русского языка. Толково- словообразователь- ный. М.,2000)
--	--	--

Системное значение слова: *совокупность материальных и духовных ценностей.*

В результате анализа субъективных дефиниций, данных студентами, получены следующие компоненты значения слова *культура*:

Совокупность материальных и духовных ценностей (37), совокупность правил и норм поведения в обществе 22, вежливость, нормы общения, искусство 12, тактичное общение между людьми, интеллект 4, обычаи, степень образованности, соблюдение традиций 3, то, что окружает человека в его повседневной жизни, порядочность, манера общения, совокупность положительных качеств в человеке, исторически сложившиеся взгляды на окружающий мир 2, религия, архитектура, необходимая и неотъемлемая часть нашей жизни, совокупность образования, интеллекта и правильного общения 1.

Проведя сравнительный анализ словарных толкований лексемы *культура* и субъективных дефиниций испытуемых, приходим к выводу: студенты практически правильно толкуют и понимают значение анализируемой лексемы (совокупность материальных и духовных достижений человечества); содержание концепта *культура* определяется ими также как определенная модель поведения в обществе, проявляющаяся в актах общения, взаимодействия людей. Налицо, таким образом, два значения слова «культура» в сознании испытуемых.

С целью определения в языковом сознании ии наиболее ярких признаков понятия *культурно* с этой же группой студентов был проведен направленный ассоциативный эксперимент:

Им предлагалось ответить на вопрос: *Культурно – как?*

Получены следующие результаты (сходные по смыслу ассоциаты обобщались, учитывались и единичные):

Вежливо 46, воспитанно 26, тактично 22, внимательно, правильно 15, этично, интеллигентно, хорошо 4, спокойно, эстетично 3, негрубо, умно, последовательно, доброжелательно, добротпорядочно, аккуратно, обходительно 2, ответственно, коммуникабельно, дипломатично, сдержанно, грамотно, прилично, интересно, по-

человечески, понятно, учтиво, грамотно, уравновешенно, не по-хамски, разумно 1.

Таким образом, студенты наиболее яркими, ведущими признаками понятия *культурно* признают такие, как *вежливо, воспитанно, тактично*. Это одна из составляющих “правильной” поведенческой модели, максимально удобной для реализации акта поведения и речевого общения.

Цель следующего исследования - выяснить, как современная молодежь определяет понятия *культурный/некультурный*. Нами были проведены следующие эксперименты:

1. Культурный – какой?

2. Некультурный – какой? (направленные ассоциативные эксперименты)

3. Подобрать слова, наиболее близкие по значению к понятиям *культурный/некультурный* (симилятивный эксперимент).

4. Подобрать слова, противоположные по значению понятиям *культурный/некультурный* (оппозитивный эксперимент).

Испытуемые – студенты физико-математического факультета (специальность – “физика”), количество – 98 чел. (48 м., 50 ж.). Возраст: 19-20 лет. Учитывались все результаты, в т.ч. и единичные.

В процессе проведения направленного ассоциативного эксперимента по определению содержания слова-стимула получены такие ассоциаты:

Культурный – какой? *воспитанный (31), вежливый, образованный, умный (21), тактичный (18), внимательный (17), интеллигентный (16), доброжелательный (5), всесторонне развитый, обходительный, разносторонний (4), эрудированный, всезнающий, общительный, порядочный, правильный (3), рассудительный, добрый, приятный, ответственный, уважительный, хороший, знающий правила общения, начитанный, приятный, отзывчивый (2), уравновешенный, чуткий, грамотный, приветливый, учтивый, прилежный, интересный, занимательный, талантливый, редкий, честный, негрубый, понимающий, общительный, разговорчивый* 1.

Результат эксперимента приводит к выводу, что для ии наиболее яркие когнитивные признаки понятия *культурный – воспитанный и вежливый*. Устойчиво выделяются и понятия степени (уровня) образованности (*умный, образованный*).

Некультурный - какой? *грубый 24, невоспитанный 22, хамский 19, необразованный 12, невежественный 9, невежливый 8, нетактичный, глупый, неинтересный, плохой, наглый 4, неумный, агрессивный, глуповатый, неприятный, неэтичный 3,*

неинтеллигентный, лживый, тупой, неприличный, противный, нехороший, аморальный, бессовестный, низко интеллектуальный, несдержанный, неуважительный, пьяный, неинтеллигентный, невнимательный, малозаметный, необходимый, недалекий, безграмотный 2, матершинный, вульгарный, безответственный, безграмотный, невнимательный, нецензурный 1.

Эксперимент показывает, что в языковом сознании студентов-физиков некультурный ассоциируется с *невоспитанным и грубым*.

Симилиативный эксперимент дал следующие результаты:

Культурный: *воспитанный 34, вежливый 30, умный 18, образованный 16, интеллигентный 8, внимательный 7, цивилизованный 5, нравственный, эстетичный 4, разумный, этичный, порядочный, тактичный 3, обходительный, общительный, уважительный, добрый, грамотный, приятный, литературный, настоящий 2, уравновешенный, всеразвитый, человечный, правильный, интеллектуальный 1.*

Приведенные симилары практически совпадают с данными направленного ассоциативного эксперимента (*воспитанный, вежливый, умный и т.д.*).

Некультурный: *невоспитанный 26, грубый 19, хамский 13, невежественный 11, невежливый 7, невнимательный, нахальный, непорядочный 6, необразованный, бестактный 5, нетактичный, наглый 4, неуравновешенный, бессовестный, неприятный, неряшливый, неправильный, развязный 3, неинтересный, назойливый, неоригинальный, подлый, неумный, вульгарный 2, малозаметный, нехороший, злой, глупый 1.*

Итоги эксперимента: *невоспитанный и грубый* - наиболее частотные симилары. Наблюдается ошибочное понимание слова *некультурный* в коммуникативном сознании опрошенных (*неинтересный, малозаметный* – данные признаки не обязательно указывают на некультурность).

Оппозитивный эксперимент привел к таким результатам:

Культурный– *невоспитанный 36, необразованный 18, невежественный 13, бескультурный, нетактичный 12, некультурный 11, хамоватый, нахальный 8, наглый, глупый 7, безнравственный, беспринципный 4, бестолковый, грубый 3, отвратительный 2, ужасный 1.*

По степени важности ведущим для опрошенных является такой оппози́т как *невоспитанный*, т.е не способный вести себя в полном соответствии с существующими правилами поведения.

Таким образом, «культурность» в языковом сознании студентов физико-математического факультета связана со следующими основными признаками:

- знание норм и правил поведения в обществе, воспитанность и вежливость в поведении (ядерный базовый слой концепта);
- образованность (ближняя периферия).
- чувство эмоционально-психологического комфорта и радости от общения с носителем высокой культуры (интерпретационный слой концепта).

Г. В. Киселева

Жилище человека в русской концептосфере

В течение тысячелетий жилище человека является важнейшей составляющей его материальной и духовной культуры. Микросистема «жилище человека» традиционно исследуется в диахронном аспекте (с точки зрения становления), в плане ее системной организации в современном русском языке, а также функционирования в различных текстах. Вместе с тем жилище человека, занимающее центральное место в национальной картине мира, дает прекрасные возможности для выявления национально-культурного своеобразия данного фрагмента концептосферы, особенно на фоне иной этнокультурной традиции (см. Медведева 2001, Сорокин 2001, Чернова 2002).

Важность жилища для русской концептосферы, внимание русского человека к дому зафиксированы в чрезвычайно богатом репертуаре наименований жилых построек, который, согласно словарным данным, включает не менее 60 лексических единиц. Концептуально значимыми, системно закрепленными в структуре значения являются такие обусловленные исторически сложившимся укладом признаки жилища, как его месторасположение (*городской, сельский, загородный, в пригороде*), материал (*деревянный, из глины, из ветвей*), национально-локативная отнесенность, функциональное назначение (Ср.: изба – *деревянный крестьянский дом*; хата – *крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне*; бунгало – *легкая загородная постройка в тропических странах*, здесь и далее толкование дается по МАС). Важным для социума выступает признак размера жилища, часто коррелирующий с оценкой: большое просторное жилище оценивается как богатое, роскошное (хоромы – *богатый большой дом*), маленькое – как бедное, убогое (халупа – *небольшая, бедная изба*, хата; лачуга – *небольшое убогое жилище*).

Изучение микросистемы наименований жилищ посредством ассоциативных экспериментов позволяет выявить индивидуальные, групповые, национальные особенности содержания соответствующих концептов, актуальные для носителей языка, не всегда зафиксированные в системном значении. Нами используются результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов Борисоглебского пединститута (возраст – 18-20 лет, пол преимущественно женский, родной язык русский). Испытуемым предлагалось дать по 5 ассоциаций к 18 словам-наименованиям жилищ, составляющим ядро микросистемы. Было опрошено 100 человек, получено 2839 реакций. Анализ выявленных экспериментальным путем ассоциативных полей лексем палатка, общежитие показал, что их ассоциативное значение формируется преимущественно на основе личного опыта испытуемых. Палатка в сознании молодых носителей языка выступает как важный атрибут летнего отдыха на природе (реакции природа, лес, речка, озеро, поляна, опушка, лето, жара, зной, солнце, ночь, звезды, заря, комары и др.).

Многочисленные индивидуальные реакции рисуют детальную картину туристской жизни (поход, костер, турист, рюкзак, кеды, котелок, уха), сформированные на основе детских и юношеских впечатлений о коллективном отдыхе (*пионер, галстук, барабан, слет, дети, друзья*). Вместе с тем такие системно закрепленные признаки, как материал и индивидуальные особенности реалии (палатка – помещение из непромокаемой ткани или шкуры (обычно натянутой на каркас), не являются актуальными для молодых носителей языка (единичные реакции *брезент, колья, веревки*).

Только хорошим знанием реалии объясняется обилие индивидуальных ассоциаций, живописующих картину «общежитской» жизни (*вахтер, комендант, воспитатель, отбой, дежурство, отбой*) и оценивающих ее как положительно (*веселье, гитара, песни, общение, дружба*), так и отрицательно (*шум, грязь, окурки, тараканы, нет воды, бардак, хаос, холод* и др.). Общежитие характеризуется как место совместного проживания студенческого коллектива (реакции *студенты, учеба, институт, книги, экзамен, конспекты, студенческие годы, читалка*). (Ср. словарную дефиницию, «очищенную» от фоновых знаний и оценок: общежитие – помещение для временного проживания лиц, обычно работающих на одном предприятии или обучающихся в одном учебном заведении).

В формировании концепта *изба* личный опыт испытуемых играет определенную роль (*изба* – пока еще распространенный в

Воронежской области тип деревянной крестьянской жилой постройки). Реакции демонстрируют знание реалии (*деревянная, сруб, бревно, резная, крепкая, деревня*), ее атрибутов (*лавка, икона, святой угол, русская печь, хозяйство*), дают положительную оценку (*уют, светлая, чистота, тепло*). Вместе с тем многочисленные реакции указывают и на иной способ концептуализации, в основе которого лежит знание русских фольклорных традиций (*Баба-Яга, сказка, Иванушка-дурачок, Иван-царевич, избушка на курьих ножках* и др.). Преимущественно культурно-исторические и фольклорные традиции (как русские, так и зарубежные) формируют и содержание концепта *дворец* (*царь, царица, бояре, придворные, слуги, указ, Иван Грозный, сказка, волшебство, древность, старина, король, королева, принцесса, рыцарь, замок, дракон* и др.)

Ассоциативное поле стимула *землянка*, хотя и содержит единичные ассоциаты, репрезентирующие особенности этого жилища через прямые номинации (*яма, подземелье, земля*) и реакции-коннотации (*сырость, бедность, теснота, холод, мрак, душно* и под.), преимущественно образовано реакциями, базирующимися на историко-культурном знании недавнего прошлого и отражающими представление о землянке как неотъемлемой составляющей военной жизни (*война, бой, солдаты, партизаны, враг, «язык», патриотизм*). Многие ассоциации навеяны известной песней на слова А. Суркова «В землянке» (*печурка, огонь, поленья, песня, гармонь*).

Концептуальное знание о жилищах, принадлежащих чужой этнической культуре, формируется чаще всего без опоры на личный эмпирический опыт информантов. Полученные на стимулы *вигвам, чум, юрта, яранга* ассоциаты показывают, что в сознании говорящих отсутствует как чувственный образ, так и когнитивные слои соответствующих концептов. Названные реалии идентифицированы в сознании русских студентов как жилища *чужой* концептосферы. Когнитивный признак «чужой» объективирован разнообразными лексическими единицами, называющими локус, этнос или характеризующими их. Так, юрта, по словарным данным, представляет собой переносное (обычно конусообразное) жилище кочевников Центральной и Средней Азии и Южной Сибири.

В ассоциативном эксперименте реакции, маркирующие национально-локальную отнесенность реалии, составили 70% от общего числа. Вместе с тем доля реакций, отражающих верную этнокультурную отнесенность, ничтожно мала – всего 15: *степь, кочевники, киргизы, калмыки, узкие глаза, кумыс*. Подавляющее большинство студентов-информантов имеет представление о юрте как

о жилище северных народов (частотные реакции *чукча, олень, север, тундра* и единичные *Чукотка, холод, мороз, северное сияние, саами, северные народы, чум, белый медведь* и др., всего 94 реакции). Не случайно лексемы *бунгало, вигвам, иглу, чум, юрта, яранга* имеют сложную семную организацию, социумом отмечены и закреплены в структуре значения такие когнитивные признаки, как особенности формы (*круглый, куполообразный, конусообразный*), материал (*из шкур, из снежных плит*), индивидуальные особенности, этнокультурная отнесенность. Словарь восполняет пробел в познании реалии, вызванный отсутствием личного опыта, компенсируя его историческим опытом поколений.

На формирование инокультурных концептов *вилла, вигвам, бунгало* значительное влияние оказывает современная теле- и киноиндустрия, что отражено в реакциях *боевик, сериал, США, Голливуд, вестерн*. Именно после демонстрации одного из бразильских сериалов в активное употребление вошла лексема *fazenda*, ставшая шутиво-ироническим наименованием российской дачи (Скляревская 2001).

Анализ ассоциативных полей не только демонстрирует способ концептуализации действительности, но и позволяет проследить происходящие в сознании современных носителей языка трансформации исторически сложившегося и узואльно закрепленного знания, а в некоторых случаях и процесс формирования концепта. Согласно словарной дефиниции, *дача* – загородный дом для отдыха городских жителей. Ассоциативное поле стимула *дача* отражает современный опыт информантов-россиян, для которых *дача* – загородное жилище (а зачастую и просто участок), предназначенное не столько для отдыха (реакции, эксплицирующие сему «отдых», единичны: *отдых, загар, речка, шашлыки, лодка*), сколько для работы – выращивания овощей и фруктов. Концептуальный признак «для работы» эксплицирован значительным количеством индивидуальных реакций: *огород, участок, приусадебный участок, работа, полоть, поливать, усталость, грядки, сорняк, картошка, огурцы, овощи, урожай, тяпка, лопата* и др. Заметим при этом, что наблюдение за устойчивыми сочетаниями советского периода и дериватами (*государственная дача, совминовская дача, госдача, спецдача*) позволяет выявить и иной когнитивный признак концепта: дача как знак отличия высших привилегированных слоев общества – работников госпартаппарата советских времен, бесплатно предоставляемая государством в их личное пользование, но не являющаяся их собственностью (Скляревская 2001).

По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, «языковая картина мира отражает уже познанный и освоенный поколениями людей, говорящих на данном языке, мир и содержит результаты его картирования» (Кубрякова 2003, с. 33). На формирование концептов влияют реальные наблюдения за изменяющимся миром, в результате которых то или иное концептуальное содержание может изменяться. Так, лексема *коттедж* была заимствована русским языком на рубеже XIX – XX веков из английского *cottage* в значении «небольшой жилой дом в пригороде, в рабочем поселке и т.п. для одной семьи, обычно двухэтажный (2-й этаж – мансарда)». Как следует из дефиниции, маркированной является сема размера – *небольшой*, по всей вероятности, заимствованная, поскольку для русского человека в силу социально-исторических условий его существования двухэтажный дом для одной семьи оценивается как большое, комфортное, богатое жилище, что и продемонстрировал анализ ассоциативного значения слова. В сознании информантов *коттедж* – большое богатое жилище (реакции *богатство, деньги, достаток, красивый, большой, шикарный, роскошь, вилла, замок, палаты*) с соответствующими атрибутами (*сотовый телефон, бассейн, видеоаппаратура, машина, два этажа*) и обитателями (*новый русский, богач, крутой, нефтяной магнат*). Таким образом, современные российские реалии (появление частной собственности, ее концентрация в руках небольшой группы богатых владельцев, бросающееся в глаза расслоение общества) обогащают концептуальный опыт носителей языка, в результате чего изменяется значимость тех или иных когнитивных признаков.

Сформировавшееся новое содержание концепта получает лексическую объективацию как в виде новых лексем, отражающих новые реалии, так и в закреплении новых концептуальных признаков в структуре значения лексем, функционирующих в языке. В Толковом словаре современного русского языка, фиксирующем языковые изменения последних лет, *коттедж* толкуется как частный, двух-трехэтажный жилой дом повышенной комфортабельности, расположенный обычно в пригороде и предназначенный для городских жителей (Скляревская 2001). Актуализацию семы «в частной собственности» обнаруживаем и в новом толковании лексемы *особняк* – благоустроенный просторный дом для одной семьи или какого-либо учреждения, организации, находящийся в частной собственности.

Итак, словарные и экспериментальные данные репрезентируют объективированное концептуальное знание русского человека о жилище, которое формируется как через призму индивидуального,

личного опыта и оценки, так и благодаря социально-исторически обусловленному знанию. Ассоциативные поля лексем, именующих жилища, дают возможность наблюдать изменение содержания некоторых концептов, которое на определенном этапе получает лексическую объективацию.

Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура: Материалы 4 Международной конференции 16-18 апреля 2003 г. - Тамбов, 2003.

Медведева А.В. Концепт дом в русской и английской концептосферах // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И. А. Стернина. - Воронеж, 2001.

Сорокин Ю.А. Семиосфера и ментосфера // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И. А. Стернина. - Воронеж, 2001.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; Под ред. Г. Н. Складчиковой. - М., 2001.

Чернова Н.И. Национальная специфика наименований сооружений, зданий, помещений в русском языке // Язык и национальное сознание. - Вып. 4. - Воронеж, 2002.

Л.А.Тавдгирдзе

Возрастные особенности концепта «русский язык»

Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент (*русский язык – какой?*) с 500-ми испытуемыми (250 мужчин и 250 женщин), который показал наличие возрастных и гендерных особенностей содержания концепта «русский язык».

Для удобства мы будем называть возрастные группы испытуемых следующим образом: группу в возрасте 15-25 лет – юношеской; группу 25-40 лет – средней; группу 41-60 лет – старшей.

Анализ результатов эксперимента

Актуальной для сознания испытуемых оказалась такая смысловая зона как «сложность освоения языка».

Наибольшую сложность освоения русский язык показал в молодежной группе: 71% м. и 63% ж. воспринимают русский язык как «трудный, сложный, недоступный».

С возрастом изучение родного языка представляется менее сложным: среди испытуемых 25-40 лет 40% мужчин и 43% женщин считают русский язык трудным для изучения, а в возрасте 41-60 лет - 30% мужчин и 25% женщин.

Это, очевидно, объясняется тем, что юношеская группа постоянно сталкивается с проблемой сложности освоения русского языка, изучая его в различных учебных заведениях.

Показательно и то, что среди мужчин в возрастных группах 15-25 лет 13%, 25-40 лет -13%, 41-60 лет -25% ии воспринимают русский язык как **«легкий, нетрудный»**.

Мы видим, что с возрастом мужская группа испытуемых воспринимает родной язык как более **«доступный»** в плане освоения.

Иные результаты показала женская часть испытуемых: как «нетрудный» воспринимают русский язык 12% опрошенных в возрасте 14-25 лет; 15% - 25-40 лет; 5,5% 41-60 лет.

В зоне «общей оценки» выявляются яркие возрастные особенности восприятия концепта «русский язык».

В мужской группе частотность признака **«родной»** такова: 15-25 лет – 28%; 26-40 лет – 68%; 41-60 лет – 46%. Таким образом, наибольшая яркость данного признака наблюдается в средней возрастной группе.

В женской группе опрошенных частотность данного признака повышается с возрастом: 14-25 лет – 35%; 26-40 лет – 41%; 41-60 лет – 61%.

Когнитивный признак **«великий»** наиболее ярко выражен у мужчин младшей возрастной группы 15-25 лет. Когнитивный признак **«интересный»** у всех возрастных групп мужчин проявляется приблизительно одинаково: 15-25 лет – 10%; 26-40 лет –10%; 41-60 лет – 12%. У женщин яркость признака с возрастом уменьшается: 15-25 лет – 20%; 26-40 лет – 15%; 41-60 лет – 9,5%.

Когнитивный признак **«могучий»** имеет яркую возрастную и гендерную специфику: у мужчин с возрастом частотность этого признака увеличивается: 15-25 лет – 27%; 26-40 лет – 33%; 41-60 лет – 34%. У женщин 15-25 лет и 41-60 лет выявлено одинаковое количество дефиниций «могучий» – 16%.

Наибольшее количество реакций «могучий» получено в старшей и средней возрастной группах: 25-40 лет – 44%; 41-60 лет – 32%.

С точки зрения объема словарного состава, наиболее полно признак **«богатый, объемный, широкий, необъятный...»** выявлен у мужчин младшей и старшей возрастной групп: 15-25 лет – 62%; 41-60 лет – 50%; 25-40 лет – 30%. В женской группе опрошенных данный признак

проявляется приблизительно одинаково во всех возрастных группах: 15-25 лет – 40%; 26-40 лет – 43%; 41-60 лет 35%.

Анализ когнитивных признаков в зоне «распространенности» (**«мировой, всемирный, распространенный...»**) дает следующие результаты: 15-25 лет (м) – 20%; 41-60 лет (м) – 18%; 25-40 лет (м). Таким образом, этот признак наиболее полно сформирован в младшей и старшей возрастной группе.

У женщин частотность ассоциатов в данной зоне явно увеличивается с возрастом: 15-25 лет – 9%; 26-40 лет – 13%; 41-60 лет – 25%.

Возрастная специфика наблюдается в зоне «общей эстетической оценки». Самый высокий процент когнитивного признака **«красивый»** зафиксирован у мужчин и женщин младшей возрастной группы (15-25 лет) : 65% (м) и 60% (ж).

У мужчин средние и старшие возрастные группы показали одинаковый % частотности данного признака: 25-40 лет – 30%; 41-60 лет – 28%.

В зоне «эстетической оценки» выявились интересные результаты в мужской группе испытуемых. Данный когнитивный признак характерен для юношеской возрастной группы 15-25 лет – 17%. В средней возрастной группе 26-40 лет количество ассоциатов данной семантической зоны меньше, а в старшей они отсутствуют вообще.

В женской аудитории во всех возрастных группах данный когнитивный признак представлен достаточно стабильно: 15-25 лет 12%; 26-40 лет – 15,2%; 41-60 лет 14,2%.

Зона эмоциональной оценки у всех возрастов в женской группе испытуемых представлена примерно одинаковым количеством реакций: 15-25 лет – 13%; 26-40 лет – 12%; 41-60 % - 13,5%.

У мужчин этот признак более частотен, причем ассоциаты дают младшая и средняя возрастная группы 15-25 лет – 18%; 26-40 лет – 13%. В старшей возрастной группе данные реакции отсутствуют.

Яркие возрастные различия проявились в зоне «особенностей словарного состава». Характерно то, что как в женской, так и в мужской группах (41-60 лет) заметный процент опрошенных указал на присутствие в русском языке ненормативной лексики: 20% (м) и 27% (ж). Это и понятно, т.к. представители именно этой возрастной группы наиболее критически относятся к состоянию родного языка.

Как в женской, так и в мужской группе опрошенных присутствует когнитивный признак «засоренный». В женской группе частотность данной реакции повышается с возрастом: 15-25 лет – 11,5%; 26-40 лет – 20%; 41-60 лет – 27%. У мужчин наибольшая частотность данного

признака отличается в младшей и старшей возрастной группах: 15-25 лет – 16%; 41-60 лет – 20%.

Возрастная специфика отмечается и в зоне «хронологии». Как «старый, древний» определяют русский язык женщины младшей и старшей возрастной групп: 15-25 лет – 3,8%; 41-60 лет – 3%. Сравним: 26-40 лет – 0,7%.

В мужской аудитории наименьшую частотность данного признака показала группа 26- 40 лет – 4%. В младшей и старшей группах частотность признака «старый» выше, однако различна: 15-25 лет – 5,5%; 41-60 лет – 8,6%.

В зоне интеллектуальной оценки, как мужчины, так и женщины 25-40 лет демонстрируют одинаковую частотность признака «умный, мудрый» – 4%. Мужчины в возрасте 41-60 лет в этой семантической зоне реакций не дают. Женщины в этой зоне дают следующее количество дефиниций: 15-25 лет – 9%; 41-60 лет – 6%.

Определение концепта русский язык с точки зрения его индивидуальной характеристики показывает, что для мужчин 41-60 лет этот признак не актуален. Наиболее ярко он отмечен в средней возрастной группе. Русский язык «**неповторим, уникален**» для 15-25 лет (м) – 2,6%; 26-40 лет (м) – 4%. У женщин наибольшую частотность этот признак получил в средней возрастной группе. Сравним: 15-25 лет (ж) – 4%; 26-40 лет (ж) – 7%.

В зоне «важности» (*нужный, важный, полезный*). отмечается тенденция роста количества реакций у мужчин старшей возрастной группы: 15-25 лет – 2,3%; 25-40 лет – 2%; 41-60 лет – 4%. У женщин в средней возрастной группе 15-25 лет - 4%; 26-40 лет – 8%; 41-60 лет – 3%.

Зона «литературы» (*Пушкин, Гоголь, книги*) в языковом сознании мужчин не сформирована. У женщин эта зона представлена только реакциями младшей и средней возрастной групп: 15-25 лет – 5,5%; 25-40 лет – 6%.

Таким образом, гендерный фактор оказывается существенным фактором языкового сознания и в сочетании с возрастным фактором формирует дифференцированную организацию языкового сознания носителей языка.

**Концепт «любовь»
в русском и американском
языковом сознании: фреймовый анализ**

По мнению Н.Н. Болдырева, передавая тот или иной концепт, лексическая единица активирует и соответствующий когнитивный контекст, или фрейм, представляющий собой модель обыденного знания об основных концептах. При этом сложнейшей проблемой остаётся определение той грани, за которой кончается языковое знание (знание языкового значения) и начинается общее, энциклопедическое знание, не связанное с языковым значением.

Проблема структуры концепта достаточно широко обсуждается в современной когнитивной лингвистике. Исследователями используются разнообразные приёмы анализа его ядерной и периферийной зон. Для наиболее полного выявления специфики базовых когнитивных признаков концепта *любовь* в русском и американском языковом сознании нами применялся метод понятийного моделирования, направленный на определение фреймовых образований в структуре изучаемого концепта.

Указанный метод даёт исследователю возможность построить фрейм, который может выражать как языковое, так и неязыковое обозначение концепта.

Под фреймом обычно понимают когнитивную структуру, знание которой предполагается (ассоциировано с) концептом, представленным тем или иным словом (Fillmore, Atkins, 1992, с. 75). Поскольку данное исследование посвящено выявлению и анализу непосредственно языковой (вербализуемой) части концепта, то нас соответственно будет интересовать именно языковое наполнение фрейма. Фрейм, или когнитивный контекст – это модель культурно – обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества (Болдырев 2001, с. 33).

Таким образом, с целью построения фреймовой модели концепта испытуемым было предложено следующее экспериментальное задание: «Подберите приблизительно 10 слов, на Ваш взгляд, относящихся к сфере понятия *любовь*».

На подбор понятий, родственных концепту, испытуемым давалось 7-10 минут. Мы намеренно сформулировали задание таким образом, чтобы испытуемые не реагировали синонимами, дериватами или словоформами базовых лексем – репрезентантов, что привело бы к построению лексико-грамматического поля концепта, относительно бедного в плане ситуативного контекста. Нас интересовали реакции непосредственно понятиями, входящими в смысловую сферу концепта и образующими вместе с ним единое семантическое пространство. Мы не ограничивали испытуемых рамками одного грамматического класса, однако и у русских, и у американцев выявилась тенденция реагирования существительными.

Из ответов русских испытуемых (30 человек) мы выделили в структуре фрейма следующие когнитивные признаки:

положительные эмоции, испытываемые человеком от любви: счастье (6); радость (4); удовольствие (2); хорошее настроение; эмоции; упоение; улыбки; теплота; доброта; вдохновение;

отрицательные эмоции, испытываемые от любви: ревность (3); горе; сомнения; переживания; бессонница; слёзы; тоска; печаль; досада; оголённый нерв; меланхолия; страдание;

физиологическая сторона любви: поцелуй (6); ласка (5); влечение (3); секс (3); красота (3); близость (2); дрожь; дыхание; сердцебиение; связь; наслаждение; объятия; чувственность; нега; трепет; учащенное сердцебиение; пульс;

любовь может проявляться в эмоционально обострённой форме – *страсти*: страсть (6); безумие; костёр; пропасть; круг; лихорадка; удав и кролик; безрассудство; неограниченность; вспышка; идол; запреты;

любовь может быть глубоким *духовным чувством*, требующим высоких моральных качеств партнёров: понимание (7); верность (5); доверие (4); уважение (3); преданность (3); самопожертвование (3); самоотдача (3); взаимопонимание (2); прощение (2); искренность (2); взаимодополнение; прекрасное; возвышенное; преклонение; милосердие; честность; доброта; сострадание; отзывчивость; бескорыстность; самоотверженность; терпение; откровение;

любовь может быть *поверхностной* и скоро преходящей: симпатия (3); влюблённость (2); интерес (2); роман (2); встреча (2); новое; флирт; игра; увлечение; знакомство;

внешняя сторона любви часто прекрасна: цветы (3); романтика (2); вечер (2); шампанское; весна; стихи; скрипка;

обычно любовные отношения *социально фиксируются*: свадьба (5); дети (3); семья; ЗАГС; обручальные кольца; жених; невеста; развод;

центром любви является сердце или душа: сердце (3); сердце, переполненное чувствами; душа;

10) любовь должна давать человеку *чувство защищенности*: забота (5); защита; сила; поддержка; помощь; единение; союз; всегда вместе;

11) важной формой проявления любви является любовь матери: мама (4); материнская любовь.

Наиболее высоким рейтингом (47%) обладает признак любви как высоко-духовного чувства, требующего определённых моральных качеств партнёров. За ним следует признак физиологической стороны любви, рейтинг которого составляет 40%. Рейтинг признака положительных эмоций, испытываемых индивидом в состоянии влюблённости, составляет 19%, а рейтинг признака страсти как наиболее интенсивной в эмоциональном плане формы проявления любви несколько ниже – 17%. Перечисленные признаки являются ядерными, поскольку их яркость в структуре фреймового образования велика, а процент испытуемых, указавших на данные признаки в своих ответах, достаточно высок.

Базовым когнитивным признаком является признак отрицательных эмоций, которые человек может испытывать от любви, а также признак социальной фиксации любовных отношений. Рейтинг этих двух признаков составляет 14%. Кроме того, в базовый слой фрейма входят такие признаки, как поверхностность и неглубина любви (16%) а также чувство защищенности, которое должна давать любовь (12%).

Периферийным является признак красоты внешней стороны любви, рейтинг которого 11%, а также признак материнской любви как одной из форм проявления этого чувства (5%). Помимо этого, только 5% испытуемых считают, что центром любовных переживаний человека является его сердце или душа.

Фреймовые модели, выстроенные американскими информантами, несколько отличаются как по составу когнитивных признаков, так и по яркости совпавших элементов.

Ответы американских информантов позволяют выделить следующие когнитивные признаки в структуре фреймового образования концепта любовь:

любовь представляет собой нечто *полуреальное*, с трудом достижимое: fancy, vision, dream, goldfish; hard to find, rare to meet;

любовь *не может быть без дружбы*: friendship (2); companionship; partnership; companion; mate; strong amiable feelings;

любовь доставляет массу *положительных эмоций*: happiness (5); hope (3); warmth (3); joy (2); content (2); excitement (2); fun; strong positive feelings;

любовь предполагает *заботу о любимом человеке*: care (5); comfort (4); giving (2); sharing (2); strength; security; bulwark; concern;

любовь может быть выражена в форме *страсти*: passion (5); infatuation (2); risk (2); insanity; crush; yearning;

любовь может иметь *религиозный идеал*: Jesus, Angels;

любовь может быть *несерьёзной* и походить на игру: smiling, giggling, joking, fun, floaty, frolicking, pickles;

любовь предполагает *восхищение объектом*: adore (6); adoration (4); affection (3); attraction (3); worship (2); fondness (2); awe; admiration; cherished;

любовь имеет *физиологическую сторону*: sex (3); lust (2); kiss (2); tenderness (2); heartbreak; closeness;

10) любовь требует от партнёров *высоких моральных качеств*: mutual respect (5); trust (4); devotion (4); loyalty (3); sacrifice (3); unselfishness (3); commitment (2); attachment (2); kindness (2); honor; forgiveness; faith; understanding; acceptance; fidelity; believe in each other; compassion; beautiful;

11) любовные отношения могут получить *социальное признание*: marriage (5); family (4); babies;

12) любовь предполагает совместимость партнёров: comfort (4); compatibility; no fights;

13) любовь даёт ощущение *свободы*: freedom (4); far from world;

14) настоящая любовь никогда *не кончается*: lifelong (2); always together; togetherness; life; through thick and thin.

Таким образом, в ядро фреймовой модели, построенной американскими информантами, входят следующие признаки: требовательность и высокая нравственность настоящей любви (37%); восхищение объектом любви (21%); положительные эмоции, доставляемые любовью (19%) и, наконец, признак надёжности и защищённости объекта любви (17%).

Базовый слой фрейма составляют такие признаки, как возможность выражения любви в своей наиболее глубокой и эмоционально интенсивной форме – страсти (12%); признак физиологических проявлений любви (11%); социальная фиксация любовных отношений (10%); связь любви и дружбы (7%); возможная несерьёзность и поверхностность любви (7%); длительность настоящей любви (7%).

На периферии фреймового образования находятся признаки полуреальности, недостижимости любви (6%); совместимости партнёров (6%); ощущения свободы, возникающего вследствие состояния влюблённости (5%); наличия религиозных идеалов любви (2%).

В американском варианте фреймовой модели отсутствуют следующие когнитивные признаки:

- отрицательные эмоции, доставляемые любовью;
- красота внешней стороны любви;
- одна из форм проявления любви – материнская.

В русском варианте нет таких когнитивных признаков, как:

- восхищение объектом любви;
- связь любви и дружбы;
- длительность настоящей любви;
- полуреальность и недостижимость любви;
- совместимость партнёров;
- ощущение свободы, которое даёт любовь;
- религиозные идеалы любви.

Однако рейтинг совпавших когнитивных признаков в том и другом случае неодинаков. Представим эти различия в таблице:

Когнитивный признак	Русские	Американцы
1. Чувство защищенности, возникающее у объекта любви	12%	17%
2. Социальная фиксация любовных отношений	14%	10%
3. Возможная поверхностность любви	16%	7%
4. Физиологическая сторона любви	32%	11%
5. Страсть как крайняя форма проявления любви	19%	-
6. Требовательность и высокие нравственные нормы партнёров	47%	-
7. Положительные эмоции, испытываемые от любви	19%	-

Из таблицы мы можем видеть, что когнитивный признак чувства защищенности и надёжности, возникающего у объекта любви, входит в ядро американской фреймовой модели, тогда как в русском варианте он принадлежит области ближней периферии.

Обратная ситуация наблюдается с признаком физиологической стороны любви, рейтинг которого в русском языковом сознании составляет 32%, а в американском – только 11%. Мы полагаем, что это связано с определёнными социально – культурными ограничениями в американском обществе, направленными на уклонение от тем, связанных с интимной и личной жизнью.

Признак социальной фиксации любовных отношений находится на ближней периферии как в американской, так и в русской фреймовых моделях, однако в русском варианте его рейтинг на 4% выше. Признак возможной неглубины и поверхностности любви входит в базовый слой русской фреймовой модели (16%) и находится на дальней периферии американской (7%).

Сходную картину можно наблюдать и в случае с признаком страсти как крайней формы проявления любви, рейтинг которого в русском языковом сознании составляет 19%, а в американском - 12%.

Признак требовательности и высокой нравственности любви обладает наиболее высоким рейтингом в том и другом случае и входит в ядро фреймового образования, хотя разница в его рейтинге у русских и американцев составляет 10%. Наконец, признак положительных эмоций, испытываемых субъектом любви, имеет одинаковый рейтинг (19%) и является частью ядра фреймовой модели, выстроенной русскими и американскими испытуемыми.

Таким образом, когнитивный анализ фреймовых образований, входящих в структуру концепта, позволяет исследовать не только непосредственно организацию фрейма, но и набор базовых когнитивных признаков концепта, а также выявить национально – специфические особенности его строения в русском и американском языковом сознании.

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25-36.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.

Fillmore Ch.J., Atkins B.T. Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors // Frames, Fields, and Contrasts / Lehrer A., Kittay E., eds. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992.

Собственность в субъективном восприятии школьников

Рассматривая экономические представления молодежи в социально-управленческом контексте, мы обратили внимание на то, что некоторые выводы о месте собственности в структуре индивидуального сознания, а также степени причастности индивида к отношениям собственности можно сделать на основе лингвистических данных, в частности, путем анализа субъективной семантики понятия “собственность”. Субъективная семантика отражает степень соответствия актуальных координат объекта актуальным координатам опыта, т.е. речь идет о системе свойств, к которым обращается испытуемый, черпая свои ответы (Артемьева 1980, с.9).

Следовательно, более важным для анализа становится не сходство ответа с одним из существующих определений собственности, а дополнительные смыслы, которые выражены в ответах части респондентов.

В ходе эксперимента нами был проведен опрос 248 старшеклассников – учащихся пяти школ г. Белгорода, из которых на данный вопрос ответили 87,9%. При работе с данными мы пытались комбинировать элементы количественного и качественного анализа. Как будет показано далее, с одной стороны, если вопрос задается в открытой формулировке, то выраженные в процентах показатели оказываются довольно низкими, с другой же, выводы о соотношении процентных данных все же могут быть надежными, поскольку в таком случае минимизирована возможность спонтанного выбора варианта ответа. К тому же, ценность имеют даже те варианты ответа, которые встречаются единожды.

Итак, попытаемся выстроить обобщенную картину субъективных характеристик собственности.

Во-первых, собственность в большей степени воспринимается в конкретном смысле, которому соответствует первое словарное значение – “имущество”. В большинстве случаев респонденты дают обобщенные характеристики, как, например, *имущество* (18,5%); *вещь* (15,7%); *предмет*, *объект* (8,1%); *ценности* (1,2%). В некоторых случаях субъективное понимание собственности выражается в конкретных материальных объектах – *дом*, *квартира* (4,4%); *комната* (0,8%); *земля*, *дача* (3,2%); *драгоценные вещи*, *мебель*, *посуда*, *одежда* (1,2%). В целом можно утверждать, что в сознании школьников под

категорию собственности в большей степени подводятся объекты личного, а не коммерческого пользования. Такие предметы собственности, как *капитал, предприятие, крупные вещи* фигурируют в ответах по одному разу (что составляет по 0,4%); *деньги* упоминаются дважды (0,8%).

Самым частотным в определении собственности является указание на принадлежность, как, в частности, в высказывании “то, что принадлежит мне” (35,5%). Также принадлежность выражается в других формулировках, как более общих, например, “обладание” (2,8%), так и конкретных, составленных на основе конструкций “я имею” и “у меня есть” (таковых насчитывается 11, или 4,4%).

В сознании респондентов в качестве собственника предполагается, скорее, один владелец либо семья, чем группа лиц. Так, множественность собственников одного объекта допустили только 4% опрошенных, тогда как 6% ошибочно подчеркивали, что собственником может быть только один человек, не говоря уже об остальных респондентах, в ответах которых содержались слова *человек, хозяин, владелец* в единственном числе.

Собственность как “что-то мое”, “личное” воспринимают 2% школьников, но поскольку в реальности большинство представителей данной возрастной группы собственностью не обладают, часть респондентов (4,8%) указала в качестве владельца личной собственности семью и родителей. Например: это “вещь, которая принадлежит мне, но ею могут пользоваться родители”.

Затрагивая проблематику основных прав, которые предполагает собственность, – распоряжение, владение и пользование – респонденты, как правило, старались не перечислять их, что было бы похоже на словарное определение, а, возможно, выбрать наиболее подходящее для их субъективной сферы. В результате на распоряжение указали 15,7% опрошенных, на владение – 14,5% и на пользование – 8,1%, что может свидетельствовать о приоритетном восприятии собственности как широкого, ничем не ограниченного права.

Варианты использования собственности фигурируют в определениях достаточно редко (4,4% случаев). Так, в 2,8% случаев указывается, что находящееся в собственности имущество можно продать либо подарить и только 1,6% респондентов отмечают, что материальные объекты можно “вложить в любое дело или отрасль”, они могут стать источником выгоды, прибыли. Такой расклад ответов объясняется тем, что большинство наших соотечественников не имеет возможности получать доходы от собственности.

Часть испытуемых, говоря о собственности, обращает внимание на пути ее происхождения. В 6% случаев собственность предстает как нечто заработанное, результат труда, причем 0,8% из этой доли отвечавших указали на честный труд как способ накопления собственности. То, что собственность может быть куплена либо подарена, указали, соответственно, 4% и 1,2% респондентов.

Отдельные учащиеся дали негативное толкование путей приобретения собственности, указав, что имущество может быть нажито за счет других, что оно не всегда законно приобретается. Обратим внимание на один ответ: "... не важно, каким способом она перешла в мои руки". Такая позиция соответствует идее формально-правового равенства, которое, по мнению В.С. Нерсисянца, является необходимым атрибутом гражданского общества. Отрицание этого, по мнению автора, не создает и в принципе не может создать какого-либо другого, неправового равенства (Нерсисянец 1996, с.80.)

Внимание к происхождению собственности какого-либо человека – черта национального менталитета: еще русские крестьяне-общинники морально оправдывали только тех собственников, кто, по мнению большинства, честно заработал свое имущество.

Правовой аспект в понимании собственности акцентируют 7,7% респондентов. Об этом свидетельствуют такие формулировки, как "право, признаваемое обществом...", "вещи, предметы, приобретенные человеком на законном основании...", "все ценное, принадлежащее мне по праву" и т.п. В одном случае было указано, что собственность предполагает, что на нее есть необходимые документы.

Слово "государство", фигурирующее в 2,8% определений, выступает в различных ипостасях. К примеру, в единичных случаях респонденты отмечают, что обладание собственностью само по себе связано с государством как формой социальной организации людей ("то, чем обладает человек, живя в каком-либо государстве").

В двух высказываниях упоминается об обязанностях собственника по отношению к государству: «заверять» объекты собственности в соответствующих учреждениях и платить налоги. Любопытен пример, когда государство выступает в качестве условия приобретения собственности: это "имущество, заработанное честным трудом с поддержкой государства". Здесь недвусмысленно отражены российские реалии: катаклизмы, переживаемые Россией, неоднократно лишали людей возможности самостоятельно накапливать капитал, но в то же время при помощи государства и в имперскую, и в советскую, и в современную эпоху некоторые люди делали себе состояние. Наконец, в двух остальных случаях испытуемые называют

собственностью частновладельческое имущество в противопоставлении объектам, находящимся в ведении государства: “то, что принадлежит мне, а не государству”; “к примеру, участок земли, если я его купила, то он становится моим, а не государственной землей”.

Четвертая часть респондентов (25,0%) подчеркнула, что собственность предполагает исключительность прав. Так, в 11,3% случаев признак исключительности передавался наречиями *только* и *полностью*, а также прилагательным *полный* (о правах): “то, что принадлежит только какому-то определенному лицу”, “предмет, находящийся в моем полном распоряжении” и т.п. На возможность свободно распоряжаться объектами собственности указывается в 10,9% ответов. Приведем примеры высказываний, в которых прослеживается идея свободного распоряжения имуществом: “предмет, которым я могу распоряжаться, *как захочу*”, “то, что я имею, могу это использовать *по любому назначению*”, “имущество, принадлежащее человеку, которым он может *свободно распоряжаться*”, “тот материальный предмет, которым я могу распоряжаться *в полной мере*” и т.п.

Для 1,6% испытуемых, судя по их ответам, главное в свободном распоряжении то, что другие люди не могут ограничить эти права: “когда у тебя что-то есть и *никто в этом случае не упрекает тебя*”, “имущество, которым человек может свободно распоряжаться... и *ему никто это не запретит*”, “то, чем владеет человек и *никто не имеет права нарушать эти владения*”.

В ответах 2,8% респондентов выражается идея неприкосновенности частной собственности. Так, эти школьники замечают, что “никто не имеет права *без разрешения* ими [вещами] пользоваться”, “имущество..., которым человек *неприкосновенно* может пользоваться” и т.п.

Примечательно, что 5,2% испытуемых упоминают в своих определениях о том, что собственность не может быть по произволу конфискована. В частности, школьники пишут, что собственность — это “личная вещь человека, на которую, по моему мнению, не должно быть посягательств со стороны других людей”, “то, что можно отобрать в самом крайнем случае”, “то, что принадлежит какому-либо человеку, и у него никто не имеет права забирать его собственность” и др. Такие высказывания, возможно, свидетельствуют о том, что в сознании части российского общества слово “собственность” вызывает ассоциацию с выражением “конфисковать имущество”, что отсылает к истории России 1917-1930-х гг. XX века, когда изъятие частновла-

дельческого имущества в пользу государства перешло в ранг повседневных явлений.

Если исключительность прав подчеркивается в ответах четвертой части респондентов, то другая важная сторона обладания собственностью – ответственность – упоминается только в 2,8% случаев: “когда в твоём распоряжении какая-то вещь и ты *полностью за нее отвечаешь*”, “...то, за что я *несу ответственность*...” и т.п.

Таким образом, понятие собственности в сознании школьников вызывает различные дополнительные смыслы, по которым можно судить о личностных приоритетах, ценностях, установках.

Подводя итоги исследования, отметим, во-первых, что статических характеристик собственности было дано гораздо больше, чем динамических, в то время как для пользы общества, да и для частного объективно важнее пускать собственность в оборот, чем просто ею владеть.

Во-вторых, даваемые определения собственности подчеркивают ее индивидуалистский характер, несмотря на то, что коллективная собственность также играет в жизни людей некоторую роль.

В-третьих, почти все высказывания отражают классическую парадигму понимания собственности как того, что связано с материальными благами, тогда как в последнее время все более возрастает значимость духовной и интеллектуальной собственности. Исключение составляет единственное высказывание о “благе, необходимом для человека”, хотя остается неизвестным, что имелось в виду: одни лишь материальные потребности или само существование индивида как личности, его самость.

Завершив анализ дополнительных смыслов, которые вызывает понятие собственности в индивидуальном сознании, мы обратили внимание на следующее: в то время как одна часть респондентов стремилась уподобить свои ответы словарным определениям, другие подчеркивали свое видение собственности, избегая безличных оборотов. Распределение ответов по данному признаку выглядело так: местоимения первого лица фигурируют в 24,8%, второго лица – в 10,6%, существительные *человек*, *владелец* и пр. – в 48,6% случаев и, наконец, в безличной форме дано 16,1% ответов. На наш взгляд, из полученных данных для анализа важны те, где собственность определяется с использованием местоимений “я” и “мы”. С некоторой долей условности можно утверждать, что для этой группы школьников рассматриваемое понятие чаще выступает в субъективном значении *моя собственность*, нежели *собственность других*, что говорит о

довольно короткой дистанции между испытуемым и анализируемым понятием.

Изучение отношения к собственности, по нашему мнению, должно быть не только целью исследования, но и средством для диагностики того, насколько конструктивными либо деструктивными являются взгляды молодого поколения на этот важный элемент действительности. Анализ ответов по такому критерию предполагает внимание не только к смыслу передаваемой информации, но и к ее оформлению языковыми средствами, поскольку субъективное отношение (в нашем случае отношение к собственности) становится заметным, исходя из коннотации.

Артемяева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С.9

Нерсисянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – С.80.

Язык и художественная картина мира

И.Я.Суханова

Пушкин и Пастернак: метель (сравнительный лексико-семантический анализ)

Вопрос об интертекстуальных связях романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» с произведениями А.С. Пушкина затрагивался исследователями неоднократно (Баевский 1989, с. 231 – 243; Романова 1997). Однако работ, полностью посвященных этой теме, нам встретить не удалось. Принято считать, что, хотя наличие отсылок к Пушкину в «Докторе Живаго» очевидно, они носят исключительно тематический характер и не сопровождаются текстовыми переключками.

Очевидность связей при невыявленности их материальных носителей (скрытых цитат, перифразов, отдельных включенных слов из первоисточника) побуждает заняться этим вопросом на чисто формальном уровне, тем более, что имеющиеся в «Докторе Живаго» прямые упоминания произведения Пушкина, с цитатами в том числе,

сконцентрированные в основном дневнике доктора (ч. IX, гл. 6-8), можно воспринимать как сигнал о наличии и отсылок скрытых.

Учитывая особенности построения текста «Доктора Живаго» – особый характер прозы («проза поэта»), сочетание прозы и стихов, мы выбрали для сравнительного анализа не какой-то один фрагмент текста, а один из важнейших в романе образов-лейтмотивов – лейтмотив метели – и сравнили лексико-семантические средства создания этого образа с таковыми в произведениях Пушкина, где впервые в русской литературе получил развитие образ метели-судьбы.

Следует отметить: у Пушкина мы встречаем одиночные описания метели в отдельных произведениях, у Пастернака в романе «Доктор Живаго» метель является лейтмотивом, она повторяется много раз и, как правило, сопровождает поворотные моменты в жизни героев, то есть достаточно традиционно для русской литературы символизирует судьбу. При этом, хотя у Пастернака метель остается именно с и м в о л о м, символ этот «помнит» образ метели как внешней силы, в прямом смысле распоряжающейся судьбой героев в «Метели» Пушкина и оказывающей серьезное влияние на судьбу героя «Капитанской дочки».

Развернутые описания метели (снежной бури, вьюги) встречаются в «Докторе Живаго» уже с первых глав. Самое первое из развернутых описаний оказывается и самым кратким из них, однако в нем намечены все те моменты, которые будут развиваться в последующих:

«Ночью Юру разбудил стук в окно. /.../ На дворе бушевала вьюга, воздух дымился снегом. /.../ Она (буря) свистела и завывала /.../» (ч. I, 2). [Тексты Б.Л. Пастернака цитируются по изданию: Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман. – М.: Советский писатель, 1989. В скобках римской цифрой обозначен номер части, арабской – номер главы].

Следующее, более подробное описание метели, снежной бури находим в VI части, в эпизоде, когда доктор узнает об Октябрьской революции. В тексте подчеркнуто, что метель эта – та же с а м а я, что в первой части бушевала на пустыре:

«/.../ вдруг снег повалил густо-густо и стала разыгрываться метель, та метель, которая в открытом поле с визгом стелется по земле, а в городе мечется в тесном тупике, как заблудившаяся» (ч. VI, 8).

Третье развернутое описание метели сопровождает эпизод отъезда семьи Живаго на Урал (ч. VII, 5-6). Здесь также эксплицитно родство этой вьюги с самой первой – через олицетворение вьюги, заглядывающей в окно, а также через связь метели с кладбищем, похоронами:

«Снежная буря беспрепятственнее, чем в обрамлении зимнего уютга, заглядывала в опустелые комнаты сквозь оголенные окна» (ч. VII, 5).

Сравним: «Юра /.../ подбежал к окну /.../ // Можно было подумать, будто буря заметила Юру и, сознавая, как она страшна, наслаждается производимым на него впечатлением» (ч. I, 2). Далее в ч. VII: «Каждому она (буря) что-нибудь напоминала. Юрию Андреевичу – детство и смерть матери, Антонине Александровне и Александру Александровичу – кончину и похороны Анны Ивановны» (ч. VII, 5).

Образ метели занимает значительное место в заговоре Кубарихи (ч. XII, 7), причем здесь можно найти отсылку к эпизоду чтения сообщения о революции из ч. VI, сравним:

«Придет зима, пойдет метелица в поле вихри толпить, кружить столбунки» (ч. XII, 7); «И такие же кольца и воронки гнала и завивала метель /.../» (ч. VI, 8). Один и тот же образ вербализован в разных регистрах – в речи авторской (ч. VI) и стилизованной под фольклорную (ч. XII).

Те же образы реализуются еще в одном регистре – в поэтической речи (стихотворении «Зимняя ночь» из Тетради Живаго):

/.../ Слетались хлопья со двора
К оконной раме.
Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.

В стихотворении «Зимняя ночь» находим последнее в романе развернутое описание метели. Метель, однако, упоминается не только в указанных пяти случаях, которые на наш взгляд, представляются наиболее важными, но и во многих других, однако как бы сокращенно или с подчеркиванием одной какой-то стороны. Назовем эпизод чтения письма Тони, где акцентирован белый цвет (ч. XIII, 18); «Валил снег крупными хлопьями» при появлении в Юрятине Комаровского (ч. XIV, 10) рассказ о буране на станции Нижний Кельмес (ч. VII, 14) и др. Метель, снежная буря, вьюга имеет летний аналог – грозу, дивень, дождь – несущий ту же функцию: сопровождать повороты судьбы героев. Наиболее развернуто описание грозы в Мелюзееве (ч. V, 9).

Перекличек с Пушкиным, причем, на наш взгляд, не только тематических, и при этом совершенно очевидных, достаточно много. Так, эпизод вьюги на кладбище и пустыре во 2 гл. I части – «Ночью Юру разбудил стук в окно /.../ На дворе бушевала вьюга /.../» (ч. I, 2) – ассоциируется с хрестоматийным:

То, как путник запоздалый

К нам в окошко застучит.

(Зимний вечер)

(Тема бури, стучащей в окно и принимаемой именно за «запоздалых путников», будет далее развиваться в эпизоде бури в Мелюзееве, но уже летней, грозы как аналога снежной бури).

Смотрим далее:

«Она свистела и завывала /.../ (ч. I, 2).

Сравним:

То, как зверь она завоет /.../ (Зимний вечер);

/.../Как бури слышен зимний свист /.../

(Я пережил свои желанья).

В эпизоде отъезда на Урал:

«Ветер взметал к поднебесью серые тучи вертящихся снежинок, которые белым вихрем возвращались на землю /.../ (ч. VII, 5);

напомним также «кольца и воронки», «вихри» и «столбунки» и сравним:

Буря мглою небо кроет,

Вихри снежные крутя

(Зимний вечер);

«/.../все было мрак и вихорь. /.../ ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели /.../» (Капитанская дочка).

В «зимней ночи» Пастернака –

Как летом роем мошकारа

Летит на пламя,

Слетались хлопья со двора

К оконной раме –

использовано слово рой при описании вьюги, как и в стихотворении Пушкина «Бесы»:

Мчатся бесы рой за роем.

Ведущим тропом при описании метели у обоих авторов является олицетворение природной стихии, в частности, в образах нечистой силы.

Несмотря на явное сходство приведенных выше фрагментов, неизбежно возникает вопрос: не происходят ли отмеченные текстовые переключки просто в результате обращения обоих авторов к одному предмету описания (вербализации одного и того же концепта) и не является ли сходство все-таки чисто тематическим? На наш взгляд, к

решению данного вопроса можно приблизиться, перейдя на еще более формальный уровень анализа, нежели поиски цитат и перифразов.

Сравним лексико-тематические группы (ЛТГ) метели в романе Пастернака «Доктор Живаго» и в ряде произведений Пушкина. Для сравнения с текстом Пастернака мы выбрали следующие тексты Пушкина: повесть «Метель», роман «Капитанская дочка» (глава 2, где описывается буря в степи), очень близкое к этим двум прозаическим произведениям по описанию метели стихотворение «Бесы», а также хрестоматийные «Зимний вечер» и «Зимнее утро» (в последнем метели посвящены всего 4 строки, но они очень характерны).

Границы ЛТГ определяются, разумеется, весьма условно. Мы считаем включенными в ЛТГ: 1) существительные, называющие явления; 2) глаголы, обозначающие действия этих явлений; 3) прилагательные-определения при названиях явлений.

Итак, лексико-тематическая группа метели, вьюги в романе Пастернака «Доктор Живаго» включает в себя следующие существительные: метель, метелица, вьюга, вихрь, буря, завируха, буря, непогода, ветер, туча, снег, снегопад, мгла, хлопья, крупя, снеговорот; наиболее характерные глаголы: бушевать, свирепствовать, заносить, метаться, стелиться, дуть, валить, повалить, завалить, покрывать, сыпать, засыпать, завешивать, разыгрываться, свистеть, завывать; наиболее характерные прилагательные: белый, снежный, мокрый.

Лексико-тематическая группа метели, вьюги в указанных выше произведениях Пушкина включает в себя существительные: метель, вьюга, буря, ветер, туча, снег, вихрь (вихорь), мгла, мрак, хлопья; глаголы: заносить, повалить, выть, завывать, свирепствовать, дуть, засыпать, витья, мчаться, носиться, крутить, злиться, плакать, заплакать, крыть, слипать, зашуметь, застучать, подняться, сделаться, утихать, униматься; прилагательные: снежный, мрачный, летучий, желтоватый, белый, ужасный, свирепый.

Таким образом, совпадает большая часть существительных, можно даже сказать, что пушкинская группа целиком входит в пастернаковскую, за исключением слова мрак. Во времена Пушкина не было слова снегопад, окказионализмом Пастернака является слово снеговорот, слова метелица и завируха представляют собой элементы стилизации под фольклорную речь. В меньшей степени совпадают глаголы, у Пушкина они более разнообразны, больше глаголов со значением начала и конца действия. Более разнообразны у Пушкина и прилагательные, совпадают же у обоих авторов только два: снежный и белый.

Как мы видим, простое сравнение тематических групп также не приближает нас к решению вопроса о случайности или неслучайности схождения описаний. Сходство, тем не менее, налицо.

Обратимся, однако, к особенностям организации текста «Доктора Живаго». По нашим наблюдениям, для него характерно взаимодействие текстовых семантических полей как между собой, так и с основными лейтмотивами романа (Суханова 1997, с. 84-87; Суханова И.А., в печати).

Тематическая группа метели в романе Пастернака входит в обширное текстовое семантическое поле (ТСП) непогоды, бури.

Обычно под языковым семантическим полем понимается «совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значения» (Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 334.) Другие определения поля см. в книге Ю.Н. Караулова «Общая и русская идеография» (М.: Наука, 1976 с. 23-32). Значение используемого нами термина текстовое семантическое поле (далее - ТСП) отличается от приведенного там, что имеется в виду семантическое поле не в языке вообще, а в границах одного текста. С одной стороны, объем ТСП ограничен по сравнению с объемом соответствующего языкового поля, с другой – ТСП может включать в себя единицы, относящиеся к данному полю только в данном контексте.

В качестве наиболее характерных определений к существительному буря в ТСП входят прилагательные снежная, морская и земная. В тех случаях, когда буря является синонимом метели, вьюги, слово может употребляться с определением снежная. Словосочетание морская буря используется в романе чисто метафорически, в виде развернутой метафоры этот образ разрабатывается в стихотворении «Разлука» из Тетради Юрия Живаго. В этой связи отметим, что у Пушкина образ моря – также метафорически – встречается при описании снежной бури в «Капитанской дочке»:

«В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем» и дальше – «Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю».

По нашим наблюдениям, ТСП непогоды, бури в романе «Доктор Живаго» пересекается с ТСП враждебности, куда кроме прочих, входят и образы, связанные с землей. Представим пересечение ТСП

схематически (для пояснения наших дальнейших выводов будет достаточно указать только существительные, входящие в эти ТСП).

Слова, входящие только в ТСП <u>непогоды, бури</u>	Слова, входящие в оба ТСП	Слова, входящие только в ТСП <u>враждебности</u>
Непогода Ненасъе Туча Ураган Дождь Молния Гром Вьюга Метелица Снег Вихрь Буря Снегопад Завируха Снеговорот	Буря Ветер Метель Гроза Ливень Шторм Смерч	Враждебность Вражья сила Смерть Погост Кладбище Могила Яма Крест Подземелье Подвал Землянка Пещера Овраг Дракон Змея Волки Ад Распад Разложение

В романе Пастернака весьма значим образ оврага: в овраге Шутъма в Варыкине воют волки, там же представляется доктору залегший дракон (ч. XIV, 9), который вместе с оврагом перейдет в стихотворение «Сказка»; овраг бушует, как буря, во время таяния снега («И бушует, одурев, овраг» - стихотворение «Март»); в овраг осень сметает листья («И лоскутницы-осени жалко /Все сметающей в этот овраг» – «Бабье лето»).

Заметим, что у Пушкина и в «Метели», и в «Капитанской дочке», и в «Бесах» при изображении снежной бури фигурирует овраг как одна из опасностей, подстерегающей путника во время метели:

«Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами. /.../
Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались /.../»
(Метель);

«Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в
овраг /.../» (Капитанская дочка);

Вон – теперь в овраг толкает

Одичалого коня /.../

(Бесы)

Можем найти даже упоминание «подземелья» в связи со снежной
бурей в «Метели» Пушкина: «Накануне решительного дня» Марья
Гавриловна видит кошмарный сон:

«То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб
ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою
тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие...»

В ТСП враждебности входит слово волки, употребляемое только во
множественном числе. Доктор видит волков за оврагом Шутьма и
предполагает, что там их лёжка:

«Волки, о которых он вспоминал весь день, уже не были волками
на снегу под луною, но стали темой о волках, стали представлением
вражьей силы, поставившей себе целью погубить доктора и Лару или
выжить их из Варыкина. Идея этой враждебности, развиваясь,
достигла к вечеру такой силы, точно в Шутьме открылись следы
допотопного страшилища и в овраге залег чудовищных размеров
сказочный, жаждающий докторовой крови и алчущий Лары дракон» (ч.
XIV, 9).

Реальные волки трансформируются в фантастического дракона,
змею в стихотворении «Сказка».

Как уже отмечалось, слово метель, символизирующее повороты
судьбы героев, может, в тех случаях, когда оно ассоциируется с
кладбищем, смертью, входить в ТСП враждебности, к которому
принадлежит слово волки. Волк и выюга оказываются в одном ряду с
фантастической враждебной силой (бес) в стихотворении Пушкина
«Бесы».

«Что там в поле?» –

Кто их знает? Пень иль волк?» –

и далее:

Выюга злится, выюга плачет;

Кони чуткие храпят;

Вот уж он далече скачет;

Лишь глаза во тьме горят /.../.

Он – т.е. пень иль волк, или бес, который по представлениям
ямщика

/.../вон, вон играет,

Дует, плюет на меня;

Вон теперь в овраг толкает
 Одичалого коня;
 Там верстою небывалой
 Он торчал передо мной;
 Там сверкнул он искрой малой
 И пропал во тьме пустой».

То есть, о н, который «далече скачет; /Лишь глаза во тьме горят», в реальном плане, очевидно, волк, но одновременно в фантастическом плане – бес. И в то же время все стихотворение построено на олицетворении вьюги (метели) в образе бесов, нечистой силы, то есть силы враждебной (враг – традиционный эвфемизм дьявола).

Таким образом, возможно именно в этом стихотворении Пушкина отыскивается зерно характерного для романа Пастернака сближения метели, враждебности, волков, оврага, дракона (змеи) – также, заметим, традиционная метафора дьявола.

Олицетворение метели именно в образе нечистой силы встречается в романе и непосредственно – в «бредовой вязи» Кубарихи:

«Придет зима, пойдет метелица в поле вихри толпить, кружить столбунки. И я тебе в тот столб снеговой, в тот снеговорот нож залукну /.../ А то-то и есть, кума, не ветер это буран, а разведенка оборотенка детеныша ведьмочка своего потеряла, ищет в поле, плачет, не может найти» (ч. XII, 7).

Сравним:
 Закружились бесы разны,
 Будто листья в ноябре...
 Сколько их! куда их гонят?
 Что так жалобно поют?
 Домового ли хоронят,
 Ведьму ль замуж выдают?

Выводы

В образе метели у Пушкина и Пастернака наблюдается не только тематическое сходство, но и текстовые переключки в виде перифразов. Лексико-тематические группы метели у обоих поэтов в значительной степени совпадают. Тем не менее, эти общие черты могут в равной степени объясняться как заимствованием, так и обращением к одному и тому же предмету описания.

С другой стороны, зависимость текста Пастернака от пушкинских текстов может подтверждаться формальными моментами, а именно сближением понятий:

а) метель (снежная буря) и море (морская буря);

б) метель и овраг;

в) метель и волки;

г) волки и враждебная сила фантастического характера (бес, дракон),

а также олицетворением метели в образах нечистой силы (заговор Кубарихи, «Бесы»).

Баевский В.С. Пушкин и Пастернак (К постановке проблемы) // Изв.АН СССР. Сер.литер.и яз. 1989, №3. С. 231 – 243

Романова И.В. Семантическая структура «Стихотворений Юрия Живаго» в контексте романа и лирики Бориса Пастернака. Автореф.дисс. ...канд. филол. наук. – Смоленск, 1997.

Суханова И.А. Текстовое семантическое поле непогоды, бури в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» в свете интертекстуальной природы произведения //Тезисы докладов 5-ой конференции молодых ученых. – Ярославль: ЯГПУ, 1997. С. 84-87;

Суханова И.А. Взаимодействие текстовых семантических полей в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» //Язык русской литературы XX века, вып.2: Сборник статей. – Ярославль (в печати).

Д.В.Красикова

Символическое значение лексемы *роза* в русской и англоязычной поэзии

Проанализировав тексты стихотворений английских, американских и русских поэтов XIX-XX веков, мы ставим задачу выстроить семантическую структуру слова «роза», выявляя как общие, так и национально специфические компоненты значений.

Для анализа англо-американских текстов мы использовали подстрочный перевод, поскольку художественный перевод не всегда сохраняет смысл, вложенный в образ в оригинальном тексте.

Целостный образ цветка, т.е. образ, который сложился на основе всех рассмотренных текстов, является суммой нескольких компонентов.

Первый компонент – **цветок как биологический вид**. Во всей совокупности рассмотренных текстов роза не лишена своего реального образа: на какой бы предмет или явление автор ни переносил название цветка, в нашем сознании в связи с этой лексемой возникает его образ,

закрепленный за лексемой первичной номинацией, т.к. каждое значение лексемы (в том числе и символическое) мотивировано: развивается на основе актуализации биологического признака цветка.

Во-первых, актуализироваться может *сема времени цветения*. Так создается значение: роза – символ весны, лета (теплого времени года).

Трели мая прозвенели, // Что весна опять пришла.

Гнется в зелени береза, // И тебе, царица роза,

// Брачный гимн поет пчела.

(Роза, Фет, 1988, с.464)

Когда пришла весна... Роза оделась в листья и малиновые бутоны...

(Зимний сонет, К.Россетти, ES, 1990, p.488)

Из значения “роза – символ весны” вырастает символика “роза – знак начала нового” и, следовательно, “роза – символ юности”. При создании этого образа в англо-американской и русской поэзии актуализируются различные семы. В русских текстах концептуально значимым оказывается компонент: цветущая роза=красивая, свежая.

Твоя краса, как роза, вянет, // Минуты юности бегут.

(Платонизм, Пушкин, 1985, с.209)

В англо-американской поэзии значимым оказывается признак: цветущая роза - заметная, выделяющаяся среди других.

Оставь юности ее розы...

Я не буду искать других цветов,

Кроме тех, обыкновенных, что цветут среди пшеницы...

Юность ушла.

(«Юность ушла...», К.Россетти, ES, 1990, p.490)

Яркий, броский цветок – воплощение максимализма и амбициозности молодого человека в оппозиции с умеренными потребностями человека в среднем возрасте (что воплощается в образе полевых цветов).

Таким образом, анализ значения «роза-юность» позволяет выявить специфические релевантные компоненты значения слова молодой в двух языках: в русском - молодой =свежий, красивый; в английском – молодой =амбициозный, активный.

Более того, образ розы в русских стихотворных текстах может выражать идею пассивного ожидания лучшего в будущем (смысл прямо противоположный идее активности, заключенной в английском образе цветка).

Розы расцветают // - Сердце уповай,

Есть, нам обещают, // Где-то лучший край.

(Песня, Жуковский, 1973, с.69)

Актуализироваться может сема цвета: роза становится воплощением, эталоном красного цвета. По признаку цвета с ней сравниваются другие предметы, что становится базой для возникновения метафор: розы-щеки, губы, пальчики, пламя /костер /огонь, заря /день, кровь – общие значения для англо-американской и русской поэзии.

Только что раскрывшиеся розы моих губ...

(Вновь раскаяние, Уайльд, ES, 1990, р.520)

Нынче мой румяный рот, // Завтра твой...

Друг у друга вырывать // Розу цвет –

Можно розу разорвать: // Хуже нет!

Чем за розовый за рот // Воевать-

Лучше мальчика в черед // Целовать.

(Из цикла «Стихи к Сонечке», Цветаева, 2000, с.270)

Также релевантной оказывается сема структуры цветка. В русских стихотворных текстах роза оказывается антропоморфной (у розы появляются губы, горло, голова, веки). В англо-американской поэзии антропоморфен подсолнечник.

И сорок миллионов роз

Раскрыли веки...

(«Виднее в чаше жизни дно...», Дудин, 1985, с.209)

Кроме биологического компонента значения выделяется также **мифологический компонент**: символика рождается на основе мифа, развивает его сюжет или основные мотивы. Так как античная поэзия в равной мере повлияла на русскую и английскую поэзию, то символические значения с мифологическим компонентом значения оказываются общими для русской и английской поэзии. В этом аспекте мы выделяем следующие символические значения.

Роза - символ любви.

Основанием для возникновения этой символики становится миф, согласно которому роза является цветком, посвященным богине любви Афродите (роза впервые расцвела, когда Афродита родилась из морской пены, или, по другой версии мифа, Афродита оцарапала ногу о шипы розы, торопясь к умирающему возлюбленному Адонису, и ее кровь окрасила белую розу красный цвет. Еще один вариант: роза выросла из крови Адониса)

Роза – символ пирра, вакханалии.

Символика связана с тем, что роза, вино, козленок - это атрибуты бога Вакха.

...Идут они с жертвами к Вакху,

Роз, молока и вина молодого,

Меда несут и козленка молочного ташат...

(У храма, Майков, 1984, с.127)

Мы смеемся сквозь вино,

Вином мы отупляем наши души...

Наши чаши - отполированные черепа,

Оплетенные розами.

(Картузианцы, Доусон, Ant., 1961, p.68)

Историко-литературный компонент образа (символика заимствована из литературы предшествующих периодов) реализуется в двух мотивах.

Мотив пиришества и разгула, заимствованный из анакреотической лирики (перекликается с рассмотренным выше мифологическим компонентом значения).

Мотив: соловей и роза – символ влюбленных. Этот мотив заимствован из восточной поэзии. Согласно персидской легенде, соловей, влюбленный в белую розу, умирает от «шипов любви» (аллегория недостижимости объекта любви), окрашивая розу своей кровью.

Азлис, о роза, внемли,

Внемли соловью...

Все отдам святыне земли

За любовь твою...

(Песня Аниксана, Блок, 1975, с.49)

В рамках **религиозного компонента** образа выделяются следующие значения.

Роза – символ рая. Символика основывается на традиционных представлениях о райском саде как идиллии, и о розе как райском цветке. Кроме того, согласно легенде, в раю была роза без шипов, после падения человека на розе появились шипы, и они напоминают человеку о его падении, а запах и красота цветка служат напоминанием о потерянном рае. Венки из роз, изображаемые на головах ангелов, святых и умерших, означают небесную радость.

Господи! Я нерадивая, //Твоя скупая раба.

Ни розою, ни былинкою // Не буду в садах отца.

(«Дал ты мне молодость трудную...», Ахматова, 1989, с.88)

Сад – прекрасная вещь, видит Бог

Роз делаянка,

Пруд, заросший папоротником грот, -

Вот истинная школа спокойствия...

(Мой сад, Т.Е.Браун, Ant., 1961,p.33)

Роза – символ чистоты, святости, непорочности. Роза - символ Девы Марии /Богородицы. На иконах Богородицу часто изображают с розой в руке или на фоне беседки из роз. Деву Марию часто называют «розой без шипов», «розой таинства», «Розой, принесшей в мир спасение тем, кто к этому стремится». Это символическое значение приобретает белая роза, поэтому, помимо религиозной мотивации, символика включает традиционную символику белого цвета.

Ее не украшают никакие цветы,

Кроме белой розы, дара Марии.

(Пресвятая Дева, Д.Г.Россетти, Krajewska W., 1988, p.202)

В белом венчике из роз

Впереди – Иисус Христос.

(Двенадцать, Блок, 1975,с.166)

С английской пуританской традицией связана символика *«роза-порочность»*.

Все прелести Далилы раскроются, как роза.

(Моряк, старая женщина и девочка, Браун, Ап.ХХ, 1984,с.412)

Имя Далилы, выдавшей своего мужа Самсона филистимлянам, в английском языке стало нарицательным для обозначения соблазнительной и вероломной женщины. В русских стихотворных текстах также создается значение «роза-девушка», но при этом актуализируется сема «красивая», т.е. имеет место положительная коннотация, в отличие от явно негативной в английском тексте.

Полюбилась мне девица,

Роза первая Стамбула

(Поцелуй, Майков, 1984, с.375)

Таким образом, в русских поэтических текстах резко отрицательная коннотация отсутствует. Образ розы (и цветка вообще) в русской поэтической традиции представляет собой «положительный» полюс во всех оппозициях: жизнь-смерть, добродетель-порок, радость-печаль, природа-цивилизация.

В английской поэзии роза может быть символом порока (развращенная женщина, сознательно культивируемое наслаждение, разнузданное веселье, явно воспринимаемое как грех). Это можно объяснить пуританской традицией восприятия радостей жизни, наслаждений как греховных.

Исторический компонент значения включает национально специфичную символику: роза (вернее, ее изображение) – символ войны Алой и Белой Розы. В русской поэзии образ розы может также иметь это значение, но оно явно заимствовано.

Во мне расщеплен атом винограда,

Во мне горит двух разных роз война.

(Сказка о дожде, Ахмадулина, 1988, с.79-80)

Следовательно, образ розы в англо-американской и русской поэзии содержит в себе ряд «общекультурных» смысловых пластов: мифологический, религиозный, исторический, историко-литературный. Это – наиболее частотная символика. Менее частотны национально специфические компоненты значений. Они обусловлены особенностями восприятия мира каждой нацией.

Ахмадулина Б. Избранное. – М.: Советский писатель, 1988.

Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. - М.: Современник, 1989.

Блок А.А. Избранное. Стихотворения и поэмы. – М.: Дет. лит., 1975.

Дудин М. Все с этим городом навеки: Ленинградская книга. – Л.: Лениздат, 1985.

Жуковский В.А. Избранное. Л., 1973.

6.Майков А.Н. Сочинения в 2х т. – М.: Худ. лит., 1984. – Т.1: Стихотворения 1838-1855гг.-719с.

Пушкин А.С. Сочинения в 3х. т. – М.:Худ. лит., 1985.- Т.1: Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила.

Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. – М.: Советская Россия, 1988.

Цветаева М.И. Сочинения.- М.: Вече, 2000.

Английская поэзия в русских переводах. XX век. Сборник./ Сост. Л.М.Аринштейн, Н.К.Сидорина, В.А.Скороденко. На англ. и русс. языках. – М.: Радуга, 1984.

An Antology of Modern Verse 1900-1920. – London: Methuen & Co LTD, 1961.

English Sonnets 16th to 19th centuries. – Raduga, 1990.

Krajewska W. English poetry of the Nineteenth Century. – Warszawa: Panstwowe Wyga Naukowe, 1980.

Список условных сокращений

Ап. XX – Английская поэзия в русских переводах. XX век. Сборник. / Сост. Л.М.Аринштейн, Н.К.Сидорина, В.А.Скороденко. На англ. и русс. языках. - М.:Радуга, 1984. –848с.

Ant.1961 – An Antology of Modern Verse 1900-1920. – London: Methuen & Co LTD, 1961. – 254p.

ES – English Sonnets 16th to 19th centuries. – М.: Raduga, 1990. – 698p.

«ВРЕМЕННОЙ ПОРЯДОК» И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Механизм художественной (литературной) коммуникации остается до настоящего времени объектом пристального внимания не только лингвистов, но и литературоведов, семиологов, психологов и др. Особо трудоемким представляется анализ художественного произведения как эстетического целого через взаимосвязь лингвистических и нелингвистических составляющих.

Язык художественной литературы выступает не только как средство передачи эстетической информации, но и как её составная часть. В пределах художественного текста (ХТ) язык становится активным проводником информации (Лотман 1970, с. 362). Осознавая специфику языка художественного произведения, В.В. Виноградов выступал за выделение особой филологической дисциплины – науки о языке художественной литературы. Язык ХТ, по мнению исследователей, представляет собой особую знаковую систему, но при этом единую для разных языков (Тураева 1986, с.13). Для автора и читателя литературного текста код является общим лишь частично, даже при условии, что и тот и другой пользуются одной знаковой системой. Код выделяется читателем постепенно, по мере восприятия произведения, тогда как вначале читатель знает только то, что такой код существует. Использование языка в эстетической функции раскрывает совершенно новые отношения языковых знаков (Delas, Filliolet 1973, с. 107).

Успешность дешифровки глубинных пластов художественной информации в рамках ХТ, по нашему убеждению, зависит от уровня сформированности подобных умений и навыков у читателя. Так, уровень владения системой родного языка, как, впрочем, и чужого, открывает читателю широкие горизонты для более быстрого и, главное, адекватного восприятия заложенных в художественном произведении смыслов.

Одним из способов проведения такой дешифровки на языковом уровне является *временной порядок* (ВП), особая текстовая категория, посредством которой отображается художественное «время в событиях»: «возникновение новой ситуации» (ВНС) и/или «данная ситуация» в различных комбинациях (Бондарко 1996, с. 167). Основным средством выражения данной категории является

последовательность видо-временных форм глагола (в частности, для выражения ВНС, прошедшее совершенного вида в русском языке и *passé simple* во французском), подчеркиваемая специальными маркерами, которые указывают на порядок их представления в условиях текста.

Переходным вариантом между секвентной и автономной разновидностями ВНС во французском языке мы считаем **инфинитивную конструкцию** (*la proposition (construction) infinitive*). Особенностью данной конструкции является то, что в роли сказуемого могут выступать только глаголы чувственного восприятия (*écouter, sentir, voir, regarder, entendre, s'apercevoir*), при этом существительное или местоимение как прямое объектное дополнение сказуемого обозначает агента действия, выраженного зависимым инфинитивом. По сути, в такой конструкции наличествуют два реальных действующих субъекта, один из которых воспринимает тем или иным образом действие, производимое другим. В некотором смысле инфинитивная конструкция представляет собой слияние («*fusion*») двух конструкций (Steinberg 1966, с.105).

По структуре данная конструкция сходна с латинским оборотом *accusativus cum infinitivo*. В отличие от французского инфинитивного оборота, в латинском языке он мог управляться как глаголами чувственного восприятия, так и глаголами речи, мыслительной деятельности, волеизъявления и эмоциональной реакции, то есть он представляется менее конкретным по своей семантике (Сабанеева 1990, с. 82).

Существует также мнение, что *la proposition infinitive* представляет собой яркий пример переходной конструкции между инфинитивным оборотом и придаточным предложением (Реферовская, Васильева 1964, с. 193; Гак 1989, с. 136). Однако рассматривать эту конструкцию как придаточное предложение не следует, так как в ней остается невыраженной синтаксическая категория предикативности (Нехендзи, Благовещенский 1964, с. 267).

Elle vit le capitaine prendre la main de sa mère et y déposer un baiser (Wiazemsky) - Она увидела, как капитан берёт руку матери и целует её.

Как правило, в зависимой позиции встречаются инфинитивы таких акциональных глаголов, как глаголы перемещения в пространстве (*marcher, passer, partir, s'éloigner, apparaître, disparaître, monter*), глаголы речи (*répondre, parler, crier, hurler, gueuler*), глаголы направленного / ненаправленного действия (*prendre, déposer, couler,*

perler, trembler, tambouriner), то есть те глаголы, действия которых можно увидеть, услышать, почувствовать и т.д.

На наш взгляд, зависимость инфинитива закладывается на коммуникативном уровне, так как передаваемое им действие описывается с точки зрения наблюдателя - субъекта глагола в личной форме.

*L'instant suivant, il vit **apparaître** devant lui un gros homme ventru qui portait une camisole blanche (Lous) - В следующее мгновение он увидел перед собой крупного мужчину с брюшком в белой рубашке.*

*Je sentis une sueur glacée **perler** sous ma chemise (Bouchard) - Я почувствовал, как ледяной пот выступает под рубашкой.*

В поле зрения наблюдателя может попасть не одно, а несколько последовательных действий:

*Il la regarda **gagner** la porte, **sonner**, **disparaître** presque aussitôt dans le grand hall d'entrée (Lous) - Он увидел, как она подошла к двери, позвонила и практически в то же мгновение исчезла в большом холле.*

Таким образом, один субъект сопresents при действии другого субъекта, находясь с ним в едином пространственно-временном поле. Указание на то, что ситуация имеет место в ментальном пространстве, а следовательно, является фиктивной с оттенком ирреальности, может содержаться в семантике личной глагольной формы:

*Roséliane **imagina** son père en train d'embrasser la señorita Rosita (Wiazemsky) – Розельяна представила, как её отец целует сеньориту Розиту.*

Как видим, в подобных конструкциях употребляются только инфинитивы настоящего времени в активной и возвратной формах, в значение которых входит сема незавершенности, что позволяет им выражать отношение одновременности к личной глагольной форме. Сложная форма инфинитива в данной конструкции не употребляется, так как слышать, видеть и ощущать можно только то, что происходит в тот же отрезок времени (Реферовская, Васильева 1964, с. 195).

В современном русском языке подобные конструкции отсутствуют, но тем не менее в нем существуют средства, с помощью которых передается смысл французской *construction infinitive*: придаточные определительные, причастные обороты, отглагольные существительные. Однако следует учитывать, что при переводе инфинитивного предложения, например, причастным оборотом коммуникативный акцент смещается с действия на деятеля (ср. пример выше – *Розельяна представила своего отца, целующегося с сеньоритой Розитой*) (Халифман, Кузнецова, Козлова 1981, с. 199).

Следует отметить, что французский инфинитив широко используется как самостоятельно, так и в составе инфинитивных оборотов и предложений, поэтому иногда встречаются следующие построения: *Elle demeura sur place, sans bouger, à le regarder s'éloigner* (Wiazemsky) - Она осталась на месте, не двигаясь, глядя, как он удаляется.

В приведенном примере три инфинитивные формы участвуют в передаче совершающихся действий: инфинитив *regarder* входит в состав конструкции с глаголом состояния *demeurer*: *demeurer à regarder*, которая выражает действие, производимое субъектом (*elle*); инфинитив *s'éloigner* зависит от глагола восприятия *regarder* и выражает наблюдаемое субъектом действие; инфинитив *bouger* с предлогом *sans* привносит дополнительные оттенки в характеристику действия, выраженного *demeurer à regarder* (неподвижность, сконцентрированность на наблюдаемом действии).

Таким образом, знание особенностей «чужой» знаковой системы обогащает понимание и обогащает восприятие своей собственной, что, несомненно, влияет и на качество дешифровки художественной информации.

Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб, 1996.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.

Нехендзи Б.Д., Благовещенский В.В. Грамматика современного французского языка. М., 1964.

Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч. 1. М. – Л., 1964.

Сабанеева М.К. Факты исторической грамматики и методология их интерпретации (на материале романских языков) // ФН. 1990. № 1. С. 79-92.

Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979.

Халифман Э.А., Кузнецова И.Н., Козлова З.Н. Пособие по сопоставительному изучению грамматики французского и русского языков. М., 1981.

Steinberg N.A. Grammaire française. М. – Л., 1966.

Delas D., Filliolet J. Linguistique et poétique. P., 1973.

**Особенности воплощения художественной мысли
в произведениях Пушкина
на национальном и инонациональном фольклорном
материале**

Два произведения пушкинского творческого наследия связаны между собой близким сюжетом и ориентацией на фольклорные истоки. В 1832 году Пушкин закончил работу над драмой "Русалка", а в 1834 году возвращается к уже использованному сюжету в одной из "Песен западных славян" – балладе "Яныш-корольевич". Драма "Русалка" осталась незаконченной, а через два года Пушкин обращается не к родной, а к родственной народной культуре, с ее традиционными представлениями, закрепленными в фольклоре в виде мифологем.

Филологи постоянно отмечают поразительную точность отражения Пушкиным фольклорных образов, народных обрядов, поверий. Действительно, русалки в его драме изображаются в соответствии с восточнославянским фольклором. Они ночью "показываются над водой" ("Мы ночью всплываем, / Нас греет луна"), разговаривают и поют (Любо ... / Подавать друг дружке голос, / Воздух звонкий раздражать...), имеют "влажный зеленый волос". Они осторожны ("Тише, тише! под кустами / Что-то кроется во мгле"), при приближении человека они "прячутся", однако любят поугаать "плеском, хохотом и свистом" людей и их коней. Они прядут пряжу (ремарка "Русалки прядут около своей царицы"), могут "пешехода щекотать", "отягчать травой и тиной" невод рыбаков, "заманивать" детей рассказами о рыбаках.

Став русалкой, героиня драмы приобретает черты, закрепленные за этим образом традицией народного творчества восточных славян. Характерно, что Пушкин отказывает своей героине в личном имени: он сначала именует ее "дочь" (в диалоге с отцом), затем "Она" (в диалоге с князем), наконец, "русалка", "старшая русалка" – в фантастической части драмы. Русалки называют ее "строгая сестра", "царица". В драме отсутствует описание ее внешности, реалистической или фантастической. В ранней редакции княгиня говорит, что князь до свадьбы любил "какую-то *красавицу*, простую / Дочь мельника". В окончательном тексте эта характеристика отсутствует. О внешности героини, уже русалки, читатель может судить по описанию ее "сестер",

а также на основании известного из фольклора, хотя в вариантах драмы есть монолог князя, где упомянуты ее "зеленые волосы" и "стройные белые ноги", "мерцающие глаза", "синие уста без дыхания", "журчащая речь" и сама она, "как рыбка золотая". Героиня драмы после гибели, завершившей реалистическую часть сюжета, становится именно русалкой, "холодной и могучей". Наивная, доверчивая, верная и самоотверженная в любви дочь мельника, теперь она становится заложницей всепоглощающего чувства ненависти и жажды мщения ("Прошло семь долгих лет – я каждый день / О мщеньи помышляю..." – такова ее самохарактеристика).

Из восточнославянского фольклора известно, что русалки – существа, как правило, опасные для человека, а порой и вредо- и даже смертоносные. Е. Г. Кагаров упоминает о том, что "особенно охотно русалки замучивают людей щекоткою", а в Воронежской области крестьяне говорили, что русалки щекочут людей "до тех пор, пока человек не умрет от принужденного хохота"; "такие же представления записаны на Украине" (Кагаров 1999 [1937], с. 32). В Словаре Даля представлена неоднозначная оценка этого традиционного образа: "на юге русалки, мавки и майки, веселыя, шаловливыя создания, на севере и востоке злыя, из числа нежити"; в Малороссии "прельщают, заманивают, щекочат до смерти, топят и пр." В Словаре говорится также о запрете на русальную неделю, следующей за троицкой, ходить "порозь" в лес: "тут гуляют русалки". В народном представлении, таким образом, русалки преимущественно рисуются как вредоносные существа, опасные для человека (Мифы ... т. 2, 1982, с. 390). В системе русского языка закрепились семы "холодный", "манящий" в семантике лексемы "русалка" и ее дериватов (МАС: "русалочий взгляд", "русалочья кровь").

Героиня драмы Пушкина "семь долгих лет" готовится к отмщению. "И ныне, кажется, мой час настал", – говорит она и подробно расписывает русалочке сценарий осуществления мести: русалочка выйдет к князю ("придет мужчина"), расскажет ему "все про свое рожденье" и скажет ему, что ее мать помнит и любит его и – это главное – *ждет его к себе*. Действие по расписанному русалкой плану начало осуществляться: князь, влекомый "неведомой силой", пришел на берег Днепра, встретился с русалочкой. Далее должна последовать сцена возмездия. Завершающая картина оперы А. С. Даргомыжского в точности отражает этот сценарий: "Во власти непонятных чар Князь послушно идет за Русалочкой... Подоспевший Мельник сталкивает Князя в воду. Русалки влекут Князя к стопам своей царицы" (Оперные либретто 1971, т. 1, с. 36).

Таким же путем шли авторы многочисленных "продолжений" драмы, так заканчиваются и мистифицированные, якобы найденные пушкинские завершения произведения (Виноградов 1959, с. 272-287). А. А. Ахматова видит "высшую справедливость" Пушкина в том, что он "отдает князя в руки погубленной им девушки" (Ахматова 1990, с. 132). "Открытое" окончание драмы, таким образом, не привело к разнообразию в ее "продолжениях" и "завершениях": такова сила инерции фольклорного образа русалки и созданного Пушкиным художественного образа.

Однако сам Пушкин отказывается от описания сцены возмездия и обрывает действие, останавливая его в тот момент, когда описание картины возмездия должно принять наглядно-чувственную форму. Пушкинская эстетика, его высоконравственная среда отторгает логику развития фольклорного образа. Русалка планирует продолжить цепь зла, вписав в ее бесконечный ряд новые звенья: ее собственная гибель – горе и сумасшествие отца-ворона – гибель князя – несчастье его любящей жены ... Но такой исход, очевидно, противоречил пушкинской жизненной философии. И в подтексте драмы вычитывается мысль о непродуктивности мщения как выхода из сложной жизненной коллизии. А через два года появляется песня "Яныш-королевич", в которой мотив мести снимается полностью, а на первый план выдвигаются другие проблемы и решаются Пушкиным уже на инациональном фольклоре "Песен западных славян".

Стилистическую структуру "Песен западных славян" акад. Виноградов В. В. определяет как "сложный сплав разных систем народно-поэтической фразеологии с выражениями устной речи и книжно-поэтического языка (Виноградов 1938, с. 263). Песня "Яныш-королевич" написана свободным стихом, хорошо известным в славянской поэзии, – это трехударник с двусложной клаузулой. В лексике, фразеологии, грамматике на фоне общеупотребительных языковых средств выделяются собственно фольклорные лексические единицы ("люба", "млада", "молвил", "черес"), именные части речи с двусложными флексиями ("водяною царицей", "студеною водою", "могучею рукою", "с молодой женою"), разговорные и диалектные языковые средства ("выдь", "не выду", "наземь", "хвать", "осталася") и книжно-литературные ("чуть зорька зарделась", конструкции с деепричастными оборотами).

В песне нашли отражение элементы славянского народного поэтического творчества: постоянные эпитеты ("красное лето", "конь вороной", "море синее"), парные синонимы, многочисленные повторы (слов, словоэлементов, союзов, предлогов, синтаксических

конструкций), психологический параллелизм, ретардация, стык, перенос и т. д. Весь текст пронизывает мотив числа "три": в лексике (" в *третье* лето", "*три* года и боле", "*тройное* ожерелье"), в количестве повторов (трижды повторяются "конь вороной", "зеленый берег", трижды описываются три подарка Яныша), наконец, в композиции песни, состоящей из трех частей. Символика числа "три" имеет интернациональный характер и отражается в фольклоре разных народов, в том числе и у западных, южных и восточных славян.

Таким образом, Пушкин в песне "Яныш-королевич" активно использует общие для всех славян особенности народного творчества. Инонациональная специфика сказывается преимущественно в регионализмах, отражающих именование лиц и фантастических существ и их регалий ("королевич Яныш", "Елица", "королевна Любуся", "Водяница", "водяная царица", "Вила", "Див-Рыба"), а также в географической лексике ("*чешская* королевна", "река *Морава*") и в некоторой необычности для восточнославянской народной поэзии отдельных образов ("усердный поклон посылает", "свидания просит"). В. Я. Брюсов говорит о том, что Пушкин сумел верно угадать истинную сущность "сербской песни", преодолев неверность французского перевода "Песен", так что Пушкин в отдельных местах стоит "ближе к подлиннику (ему неизвестному), чем перевод Мери́ме" (Брюсов 1937, с. 244).

В передаче инонационального колорита песни Пушкин остается верен собственной творческой манере – лаконичному, интенсивному использованию языковых средств и стилистических приемов при минимальной экзотике, а в некоторых случаях, описывая инонациональный мир, он прямо обращается к образам, навеянным русским фольклором. В одной из песен, записанных Пушкиным в Михайловском ("Ах ты, молодость, моя молодость"), есть такие слова: "Что не греть солнцу зимой против летнего, / Не светить месяцу летом против зимнего, / Не любить тебе меня пуще прежнего!" (Пушкин 1977, с. 398). Ср. в песне о Яныше: "Против солнышка луна не пригреет, / Против милой жена не утешит" (слова Яныша); "Крепче прежнего меня не полюбишь" (слова Елици).

Пушкин, с его "всемирной отзывчивостью" (Ф. М. Достоевский), глубоко проникает в мир инонационального народного творчества. Хотя образы "речных дев" в фольклоре чехов, болгар, сербов так же сложны и неоднозначны, как и в восточнославянской народной культуре, все-таки вилы, самовилы, самодивы более дружелюбны к людям, "особенно к мужчинам" (Мифы... 1980, т. 1, с. 236), а Е. Г. Кагаров упоминает о том, что вилы и другие речные девы у сербов,

болгар могут даже вступать в брак с людьми, становятся "посестримами" героев (Кагаров 1999 [1937], с. 28). Только водяницы у южных славян "увязываются, как русалки, с представлениями о вредоносных покойниках – "заложных покойниках", становящихся упырями и злыми духами" (Мифы... 1980, т. 1, с. 240). Пушкин ориентируется в песне "Яныш-королевич" на семантику мифологического образа водяной царицы, не враждебной человеку, хотя и наделенной властью (но не холодностью, как героиня "Русалки"). Водяная царица, в которую превращается Елица, отличается от других "речных дев" тем, что она сохраняет все "человеческие" черты, начиная с земного ее имени.

Пушкин дает бережное, деликатное описание внешности своей героини в фантастической части песни: мы "видим" ее скульптурный портрет ("Вдруг из речки, по белые груди, / Поднялась царица водяная..."). "По белые груди поднялась" – это не только дань фольклорному образу, но и стремление скрыть приметы новой внешности героини, приблизить ее к человеку (ведь она была в "земной" жизни "молодая красавица"). На материале родственного славянского фольклора Пушкин описывает встречу главных героев, которая в "Русалке" не состоялась, а если бы состоялась, она по логике фольклорного образа восточных славян должна была закончиться гибелью человека.

Отказ в песне от неконструктивной идеи возмездия позволил Пушкину на инонациональной мифопоэтической основе обратиться к крупнейшим общечеловеческим проблемам. Песня уже приближается к концу, а читателю неясно, зачем Елица соглашается на свидание с Янышем. Уже понятно, что она не намерена ему мстить: ведь она сама "поднялась из речки", а не ждет его к себе, как это делает ее литературная предшественница. Елица не рассчитывает и на возможность прежнего счастья: она, в отличие от Яныша, понимает, что они *разноприродны* (как при этом помогает семантика фольклорного образа выразить сложность человеческих отношений: "Нет, *не выду*, Яныш, / Я к тебе на зеленый берег"). Может быть, она пришла только для того, чтобы убедиться в любви к ней Яныша. Интересно, как тонко это показано в песне: обращаясь к Янышу, Елица упоминает его "новую любовь", но не забывает добавить, что та является формальной любовью, по праву жены, а уже в следующей реплике Яныш подтверждает, что *милая* и *жена* не одно и то же лицо.

Только в заключительной части монолога Елицы становится ясно, что ее устами Пушкин задает вечный, трудный вопрос: возможно ли построить счастье на несчастье другого ("Каково, счастливо ль

поживаешь / С новой любовью, с молодой женою?"). Для Пушкина этот вопрос не нов, а отрицательный ответ на него был уже дан в его романе "Евгений Онегин". Именно так Ф. М. Достоевский объясняет, "почему Татьяна не пошла с Онегиным", и, читая поступок Татьяны, излагает одну из своих заветнейших мыслей о возможности возвести "здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей", но при этом "необходимо и неминуемо надо замучить всего только одно человеческое существо" (Достоевский 1937, с. 230).

Обе героини, Русалка и Елица, в своей фантастической ипостаси очень сильны и могущественны (а Русалка еще и "холодна"). Фантастический сюжет допускает такую "расстановку сил", когда слабый получает власть над человеком, ставшим причиной его несчастья. Одновременно здесь скрывается еще одна нравственная проблема: как будет использовать человек полученную власть. Русалка направляет свою силу и свое могущество на мщение, возмездие, а Елица отказом от возмездия останавливает нескончаемую лавину несчастий и размыкает цепь зла. Так образом Елица Пушкин утверждает свой нравственный кодекс, свою жизненную философию.

Фольклорный образ обладает исключительной силой обобщения. В песне "Яныш-королевич" Пушкин использует инонациональные фольклорные ресурсы для размышления над вненациональными, неэтническими, общечеловеческими дилеммами (добро и зло, человек и власть, возмездие и прощение, мстительность и великодушие), творчески использует этнографический материал, усложняя его функции и мобилизуя его на воплощение глобальных художественных замыслов.

Ахматова А. А. "Каменный гость" <Дополнения к статье "Каменный гость" Пушкина>" // А. А. Ахматова. Сочинения. – В 2-х т. – Т. 2. – М., 1990.

Брюсов В. Я. Пушкин – мастер // Пушкин. Сборник критических статей. – М., 1937.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. – М., 1938.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Достоевский Ф. М. Пушкин // Пушкин. Сборник критических статей. – М., 1937.

Кагаров Е. Г. Этнографические мотивы в поэзии А. С. Пушкина. – Этнографическое обозрение. - № 3. – 1999. (Текст в редакции

оригинала, опубликованного в журнале "Советская этнография". - № 1. – 1937).

Мифы народов мира: Энциклопедия. – В 2-х т. – Т. 1, 1980; Т. 2, 1982.

Оперные либретто: Краткое изложение содержания опер / Редакторы-составители В. А. Панкратова, Л. В. Полякова. – В 2-х т. – М.: Музыка, 1971.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. – В 10 т., изд. 4-ое. – Т. 3, Л., 1977.

Н.С.Попова

Традиционные прототипы ВРЕМЕНИ в русской поэзии XIX – XX веков

Для мыслительной и предметно-познавательной деятельности человека нет ничего более основополагающего, чем его способность к категоризации, то есть к процессу образования категорий как отражающих самые существенные, самые общие итоги своеобразной сортировки всей доступной человеку информации и сведения ее разнообразия и многообразия к определенным классам, разрядам и рубрикам (Кубрякова 1998, с.7).

По Э. Рош, категории представляют собой не просто множество единиц, а множество с отклонениями, формирующее систему, в которой выделяется «центр» и «периферия», причем «центр» называется *прототипом*. Целостность категории определяется равенством ее членов на *лучший образец – прототип*, концентрирующий в себе оптимальным образом самые очевидные признаки категории.

В наиболее общем виде многие ученые определяют *прототипы* как *некие* онтологически существующие *отношения* между предметами или предметом и его свойством и осмысленные как таковые в голове человека (Е.С. Кубрякова).

С точки зрения В.З. Демьянкова, люди формируют *конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некоей категории*. Этот образ называется *прототипом*, если с его помощью человек воспринимает действительность: член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипичный экземпляр, чем все остальные.

По мнению Л.А. Араевой, *прототип* – это такая *языковая категория*, которая рассматривается с *когнитивных* позиций, ядро как языковая реальность. Любая категория, являясь относительно открытой, оказывается построенной по принципу поля: имеет ядро и

периферию. К ядру относятся те члены категории, для которых характерны признаки, положенные в основу выделения этой категории. Если элементы не обладают набором этих признаков, они периферийны (Араева 1998, с.33-34).

С собственно когнитивной точки зрения, *прототип* – это *ментальная репрезентация*, или *когнитивный ориентир категории*: какой – либо образ, схема, идеал, стереотип, набор общих характеристик, гештальт, то есть разные типы концептов. *Прототип – это концепт, лежащий в основе категории и определяющий ее содержание*, концепт категории или элемент категории (Болдырев 2000, с. 82-83).

Прототипы – инструменты, с помощью которых человек справляется с бесконечным числом стимулов, поставляемых действительностью. Прототипы могут меняться с течением времени, в частности, в результате метафорического употребления терминов, когда категория приобретает новых представителей. Гибкость категории (организованной вокруг прототипов), реализованная в столкновении человека с различными окружениями – личностным, социальным, коммуникативным и биологическим, – проявляется не только при усвоении языка, при эволюции и при изменениях языка, но и в индивидуальном употреблении человеком (Демьянков 1996, с.143-144).

Прототипы *конкретных* концептов легко определяемы. Например, прототипом концепта «птица», по данным лингвистических исследований, у русских является «воробей», а у англичан «воробей» и «малиновка» (Архипов 1998, с. 3-4). Сложнее обстоит дело с прототипами *абстрактных* понятий (таких, как ВРЕМЯ), так как за ними нет никакого вещного референта. По определению З.Д. Поповой, «абстрактные понятия – это концепты из обобщенных семантических признаков, отвлекаемых от конкретных реалий» и определяемых «только словами, описаниями; за ними нет никакого вещного референта». «Отсутствие во внеязыковом мире вещного референта делает такие концепты трудными для определения и толкований, текущими, допускающими достаточно свободные интерпретации» (Попова 2003, с.14-15).

Концепт ВРЕМЕНИ многослоен, и в нем сложно переплетаются разные аспекты: естественно-научное время, социальное время, субъективное, психологическое, личностное время индивида, историческое время, метрическое время. Однако философы, давая толкование категории ВРЕМЕНИ – «атрибут, всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность

смены состояний всех материальных систем и процессов в мире», - «очистили» общенародный концепт от всего конкретного: от пространственных ассоциаций, от заполненности событиями, жизненными обстоятельствами, которые были до момента речи и будут после него, от эмоциональных коннотаций полезности и важности для дела» (Попова 2003, с.16).

Будучи естественной составляющей бытия, ВРЕМЯ входит в число неотъемлемых элементов как научной, так и «наивной» картины мира, а темпоральный фрагмент образа мира представляет собой сложно структурированное образование, являющееся результатом взаимодействия ряда факторов рационального и чувственного, индивидуального и социального, языкового и неязыкового характера.

Носители «наивной» картины мира стараются подвести какой-то конкретный прототип и под абстрактные понятия. Языковое сознание носителей той или иной культуры ищет для выражения концепта ВРЕМЯ «какой-то конкретизации, подставляя под философское определение более понятные прототипические образы» (Попова 2003, с.16).

Целью нашей работы является рассмотрение традиционных, общих прототипов ВРЕМЕНИ, типичных в целом для русской поэзии XIX – XX веков.

Однако необходимо отметить, что у разных поэтов они довольно разнообразны, поскольку образы ВРЕМЕНИ, рождаясь и отражаясь в сфере человеческого сознания, претерпевают те или иные субъективные трансформации, которые могут быть и национальными, и групповыми, и индивидуально-авторскими (З.Д. Попова). Но в данной статье мы рассматриваем только национальные и групповые прототипы, отразившиеся в русской поэзии.

Итак, наиболее часто употребляемым прототипическим образом ВРЕМЕНИ является *человекоподобное* существо, представленное в основном *мужскими* образами:

- *ЯМЩИКА*

Ямщик лихой, седое время, Везет, не слезет с облучка. ... И дремля, едем до ночлега – А время гонит лошадей (А.С. Пушкин. Телега жизни);

- *БОГА*

Пока бежит за нами Бог времени седой, И губит луг с цветами Безжалостной косою, Мой друг! Скорей за счастьем В путь жизни полетим... (К.Н. Батюшков. Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому);

- *СТАРИКА*

А Время, Старик косматый, Над нами плачет (А. Белый. Время. 4.).

У ВРЕМЕНИ есть

- *тело и его части* (внешние признаки человека)

Что память? Черная доска На коей *времени рука* Всю нашу жизнь изображает... (Ф.А. Туманский. Родина);

... створку моллюска пустив ко дну, *пряча лицо, но спиной пленяя, Время выходит из волн*, меняя стрелку на башне – ее одну (И. Бродский. Лагуна VI);

- *ВОЗРАСТ*

Но время шло и старилось, и глохло... (Б. Пастернак. Сон);

Судьбы и *времени седого* Не бойся, молодой певец! (Ф.Н. Глинка. Послание к А.С. Пушкину);

Там *дряхлое время, Бродя* по лугам, Все русское племя Сзывает к столам (С. Есенин. Отчарь. 5.).

ВРЕМЯ имеет

- *собственность*

Преданье в безлиственную *книгу времен* Навек занесло свои строки... (И. Северянин. Баллада);

Мы лошади на *привязи времен*, Ослепшие, бегущие по кругу, Работа, дом... (А.Серегин. «Скорый поезд любви отползет от перрона...»);

Вожжи времени хлещут меня, Поминутно звенят удары. ...*Вожжи времени гонят* меня По планете покинутых судеб (А. Серегин. «Вожжи времени хлещут меня...»).

ВРЕМЯ способно

- к физиологическим проявлениям и ощущениям

... а *Время* *взирает* с неким холодом в кости на циферблат колониальной лавки... (И. Бродский. «Осенний вечер в скромном городке...»);

- к *речевой, мыслительно-интеллектуальной и коммуникативной деятельности* (к нему обращаются как к собеседнику)

Кто без тоски внимал из нас, Среди всемирного молчанья, *Глухие времени стенанья, Пророчески – прощальный глас?* (Ф. Тютчев. Бессонница);

Да! *Времени* – о собственной судьбе кричу все громче голосом печальным. Да. Говорю о времени себе, но *время мне отвечает молчаньем*. ... Пусть *время обо мне молчит*... (И. Бродский. «Бессмертия у смерти не прошу...»);

И если *время*, ветром разметая, *Сребет их [грустные слова – Н.П.] все в один ненужный ком...* (С. Есенин. Рябиновый костер: «Отговорила роща золотая...»);

Нет сил сказать, нет сил услышать, Невластно ухо, мертв язык. Лишь *время знает, чем утешить* Безумно вопиющий крик (В. Брюсов. Одиночество);

Там *время* мудрое людей К высокой думе *приучило* (В.С. Филимонов. Дурацкий колпак. Глава 5.2);

... *время*, столкнувшись с памятью, *узнает о своем бесправии* (И. Бродский. «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...»);

Время! ... Веди мне коня ты любимова, Крепче держи под уздцы! (А.Ф. Вельтман. <Песня разбойников>);

Промчалось ты, златое *время!* (Е.А. Баратынский. Стансы);

Ты, *время*, *дряхлою рукою Свои часы останови!* (Я. Полонский. «Пришли и стали тени ночи...»);

О время! Время! Враг! Губитель! И благодетель и целитель! Твой яд врачующий помог душе больной... Одно лишь *время* в том успело, В чем не успел рассудок мой: Томился я – оно летело, Что изменялось, что старело... (В.С. Филимонов. Дурацкий колпак. Глава 3.4.1.);

- к эмоциональным переживаниям и состояниям

И *ВРЕМЯ* проглотило эту месть (И. Бродский. Одному тирану);

- к перемещению в пространстве

Не *Время* в вечность *убегает*, А нашей жизни бледный сон! (И. Бунин. В горах);

Ах, несмотря, что *время скоро мчится*, Мгновенья есть, когда оно *влачится* (М.Н. Муравьев. «Товарищи, наставники, друзья...»);

- к действиям с предметами (объектами); к участию в разного рода занятиях; к поступкам, присущим людям

Я знаю – *Время* даже *камень крошит...* (С. Есенин. Письмо деду);

В пряже солнечных дней *время выткало нить...* (С. Есенин. Подражанье песне);

Время гонит меня. Время тонет! Не дает ощущать бытия... (А. Серегин. «Время гонит меня. Время тонет...»);

Видно, такая у нас тропа. *Время нас и должно терзать* (А. Жигулин. «Ветер свистит в сухом камыше...»);

И ваши имена не *пощадило время!* (Е.А. Баратынский. Финляндия).

Следующим прототипическим образом ВРЕМЕНИ, который традиционно употребляется в русской поэзии, является образ

- *текущей* или остановившей свой бег *воды, потока, волны, капли*

Урна *времен* часы *наливает каплям* подобно: *Капли в ручьи собрались*; в *реки ручьи* возросли И на дальнейшем берегу *изливают*

пенистые волны Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов; Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит, Веки в него протекли, в нем исчезает их след (А.Н. Радищев. Осьмнадцатое столетие);

Я наслаждаться меж вами прихожу И время течь скорее обяжу (М.Н. Муравьев. «Товарищи, наставники, друзья...»);

И время задумчиво в песнях текло... (И.И. Козлов. Бейрон);

... и по течению вращающихся времен, Как капля в океан, он [1815 год – Н.П.] в вечность погрузился! (Ф. Тютчев. На Новый 1816 год);

Время жизни скоротечно... (А. Фет. «Мы с тобой не просили чуда...»);

Друг мой! река – это время... (А.Н. Майков. «Вдоль над рекой быстроводной...»);

Бессмертие ль? О том ни слова, Но чувствует его тоска, Что реет к родникам былого Времен возвратная река (В. Иванов. Могила);

И в нем [об истинном поэте – Н.П.] ни образа, ни звука Не унесет поток времен... (А.Н. Майков. А.П. Милюкову);

По слову Извечно-Сущего Бесменен поток времен... (З.Н. Гиппиус. Непредвиденное);

Иное - могучее племя Здесь грозно когда-то царило, но скрыло бегущее время Все то, что свершилось, что было (В. Брюсов. На острове Пасхи);

Вас не зальет волной свинцовый Поток мятущихся времен (А. Белый. Сергею Соловьеву);

Неизменен, одинаков. Режешь времени поток (А. Белый. Созидатель);

Затопили нас волны времен, И была наша участь мгновенна (А. Блок. Петр);

Смыкаются, как воды, времена (А. Тарковский. Марине Цветаевой);

Бывают у него [времени – Н.П.] застои, А иногда оно течет, Ненагруженное, пустое, Часов и дней напрасный счет (С. Маршак. «Мы знаем: время растяжимо...»);

Я хочу, чтоб, времени фарватер Не оставив где-то в стороне, Жизнь промчалась, как торпедный катер, Мчит навстречу взмыленной волне! (Н. Рубцов. Желание);

Жаль, что время, время, время разбивается в капель (А. Жигулин. «Заколотые дачи...»);

Словно мое уходящее время, - Тихо в затворе струится вода (А. Жигулин. «Осень, опять начинается осень...»);

Время, текущее в отличие от воды горизонтально от вторника до среды, в темноте там *разглаживало* бы морщины и *стирало* бы собственные следы (И. Бродский. Развивая Платона);

А мы – на середине моста, Не взявшись за руки пока... Не думайте, что это просто: *Под нами времени река!* (А. Серегин. «Я Пушкинским «томленьем» грусти...»).

Традиционными прототипами ВРЕМЕНИ в русской поэзии являются также образы

- *дороги*, идущей по холмистой местности; бесконечной *протяженности*; *отрезка* пути

Ты ль на *распутии времен* Стоишь в позорище племен, Как пышный саркофаг погибших поколений? (Е.А. Баратынский. Рим);

Он скажет: *В пропасти времен* Есть изысканья и приметы (С. Есенин. Поэтам Грузии);

Привязало, осаднило слово *Даль твоих времен* (С. Есенин. «Проплясал, проплакал дождь весенний...»);

Твоих светлых надежд вдохновенье Я заставлю безмолвно биться Об *углы пространства и времени...* (А. Серегин. «Неизвестность наматывает душу...»).

Таким образом, как видно из исследования, к традиционным прототипам в русской поэзии XIX – XX веков можно отнести образы человека, воды, дороги.

Араева Л.А. Когнитивная интерпретация языка // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60 - летию БИГПИ, 290 - летию г. Бийска, 70 – летию В.М. Шукшина. В 2 т. Бийск: НИЦ БИГПИ, 1998. – т. 1. – С. 31-36.

Архипов И.К. Лексический прототип и его исторические корни // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Минск: МГПУ, 1998. – Ч. 1. – С. 3-4.

Болдырев Н.Н. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа // Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – С. 73-84.

Демьянков В.З. Прототипический подход // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: 1996. – С. 140-145.

Кубрякова Е.С. О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении (Вступительное слово) // Общие проблемы

строения, организации языковых категорий (Грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые): Материалы научной конференции. Научное издание. – М.: 1998. – С. 7-12.

Попова З.Д. Абстрактные понятия в языковом сознании народа // Филология и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года. - Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2003. – С. 14-16.

О.В.Волощенко

Особенности репрезентации знания в русской волшебной сказке

В обширной литературе, посвященной семантическому полю знания и специально глаголу *знать*, знание предстает либо как концепт, к которому неприложима оценка, либо как безусловная ценность, независимая от содержания знания, его источника и его обладателя.

Под наивной картиной мира понимается определенный способ восприятия и организации мира, нашедшей отражение в основных концептах языка. Данные концепты «складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка < > Способ концептуализации действительности «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивные < > Они отражают опыт интроспекции десятков поколений говорящих и способны служить надежным проводником в этом мире» (Апресян, 1995, с.44-45).

Ю. Д. Апресян различает научное (логическое) и наивное знание (наивное знание – одна из областей наивной картины мира), отмечая следующие особенности наивного знания.

1. Относительная градуируемость наивного знания (логическое знание абсолютно).
2. Трансцендентность наивного знания. Истинное логическое знание имеет какой-то эмпирический источник. Для наивного знания это утверждение не всегда верно. «С одной стороны, существуют типы знания, которые принципиально не имеют идентифицируемого рационального источника (озарение, интуиция). С другой стороны, в наивной картине мира есть место для сверхъестественного (провидческого или другого трансцендентного знания), свойственного существам, которым открыто будущее.

3. Размытость наивного знания, близость другим ментальным состояниям (пониманию, уверенности, вере, убеждению)» (Апресян, 1995, с.56-58).

Особый интерес представляет репрезентация поля знания в народной традиции. С. М. Толстая отмечает, что «в славянской народной традиции мы встречаемся с отношением к знанию, существенно отличным от привычного нам». Здесь иное «по сравнению с «элитарным» типом культуры соотношение эмпирического (профанного) и сакрального знания: в народных представлениях роль второго неизмеримо выше, однако в сферу сакрального знания включается не только (и не столько) божественное озарение, но и в первую очередь «тайное» знание, источник которого мыслится как иномирный, сверхъестественный» (Толстая, 2000, с. 236).

В русле приведенной информации интересный материал представляет сказка. Наши наблюдения показали, что в репрезентации знания сказка следует за славянской народной традицией, но народные представления здесь преломляются через семиотические оппозиции, составляющие основу сказочного действия, и в частности через основную семиотическую оппозицию «свой/чужой». «На центральное место в сказке выступает преломленная оппозиция свой/чужой. В сказке эта оппозиция является центральной, потому что она моделирует соотношение героя с его врагами < >. При этом «старая» оппозиция свой/чужой по сравнению с мифом испытывает определенный сдвиг в сторону противопоставления сил враждебных и дружественных герою» (Мелетинский и др., 2001, с. 36-37).

В результате анализа типов и функций сказочного знания, нами было выявлено две его разновидности, которые мы обозначили как характеризующее знание (термин «характеризующее» выбран нами потому, что обладание магическим знанием является отличительной чертой некоторых персонажей сказки, т. е. характеризует персонаж, выделяет его среди других), и функциональное знание (в данной статье мы рассматриваем только первый тип, т. е. характеризующее знание).

Характеризующее – знание магическое, оно является атрибутом определенных персонажей – «истинного» героя или представителей «чужого» пространства. Как показали наши наблюдения, по наличию/отсутствию знания у персонажей в сказочном мире разграничиваются представители «своего/чужого» пространства, «истинные/неистинные» герои. При этом наличие знания в «чужом» пространстве является нормой, в «своем» - исключением из правила, антинормой. Именно это знание выступает идентифицирующим

атрибутом истинного героя, свидетельствующим о сакральных свойствах последнего, и является нормой для него.

Как правило, герой либо приобретает способность знать (обычно в награду за оказанную помощь, т. е. пройдя испытание), либо наделен чудесной способностью от рождения. При этом указанная чудесная способность героя – атрибут помощника перешедший к герою. При классификации действующих лиц мы ориентируемся на схему персонажей волшебной сказки, предложенную В. Я. Проппом (Пропп, 2003, с. 73), согласно которой в сказке действуют семь персонажей: герой, искомая царевна и ее отец, антагонист, даритель, помощник, отправитель, лжегерой.

В. Я. Пропп отмечает: «Один из важнейших атрибутов помощника – это его вещая мудрость <>. Это качество при отсутствии помощника переходит на героя. Получается образ вешего героя» (Пропп, 2003, с. 76). Явление перехода атрибута от одного персонажа к другому объясняется тем, что «семантические признаки персонажа не только определяют характер сказочных коллизий, они могут меняться по ходу сюжета в силу того, что персонаж представляет собой пучок признаков, т. е. является многосоставным образованием, легко распадающимся и столь же легко комплектуемым в новое» (Новик, 2001, с.157). Помощник, представитель «чужого» мира (см. об этом (Черванева, 2001), находится на стороне героя (последний является хозяином первого).

Ситуация подчинения либо задана изначально (царевич и его слуга), либо герой показывает свою способность управлять помощником. В этом отношении разграничиваются «истинный» и «неистинный» герои. Таким образом, можно утверждать, что характеризующее знание в сказке семиотично: оно реализует наиболее значимую для сказочной концептосферы оппозицию «истинный/неистинный» герой.

Особого внимания в сказке заслуживает характер магического знания. Обычно это умение понимать язык зверей, птиц или способность к трансфигурации:

«Жил-был купец с купчихою, и было у них одно детище любимое; отдали они его учиться на разные языки к одному мудрецу аль тоже знающему человеку, чтоб по-всячески знал – птица ли запоет, лошадь ли заржет, овца ли заблеет; ну, словом, чтоб все знал!» [II, 235]. Материалом исследования послужило собрание сказок: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки в 3-х т. – М.: Наука, 1985.

«Ну, коли уж ты похотел идти в царскую службу – мы тебя благословляем!» - сказали старцы Семену, наложили на него свои руки

и обратили в оленя быстроногого <...>, в зайца <...>, в маленькую птичку золотая головка. < > «Теперь, Семен малый юныш, иди на царскую службу. Если тебе понадобится сбежать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкой золотая головка: мы тебя научили» [II, 247].

Представление знания как определенной способности не случайно. С. М. Толстая отмечает, что в славянской народной традиции знание мыслится как сакральное – оно основано не на опыте, а на неких сверхъестественным путем приобретенных способностях (Толстая, 2000, с. 236, 237), при этом такое знание трактуется как способ владения объектом, как власть над ним. Именно данная способность позволяет человеку влиять на мир природы, преобразовывать его в своих интересах. То, о чем пишет С. М. Толстая, приобрело в сказке характер магического знания, которое из представителей «своего» мира доступно лишь «истинному герою». Получив магическое, тайное знание, «истинный герой» преодолевает все беды и препятствия и достигает желаемого результата.

Таким образом, в сказочном нарративе нашла отражение народная трактовка знания как идеальной способности, которой наделены представители иного мира. Мечта об обладании этой способностью в «своем» мире воплотилась в атрибутах «истинного героя», который может приобрести ее (в отличие от «неистинного героя»).

Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Авт. Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон. – М.: Русские словари, 1995.

Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995 а). - № 4. – с. 43-63.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1981.

Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки / Е. М. Мелетинский и др. // Структура волшебной сказки. – М.: Российский госуд. гуманитарн. ун-т, 2001.

Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки / Е. С. Новик // Структура волшебной сказки. – М.: Российский госуд. гуманитарн. ун-т, 2001.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. - М.: Лабиринт, 2003.

Толстая С. М. Опасность знания (Из народной гносеологии) / С. М. Толстая // Слово в тексте и словаре: Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. – М.: Яз. русск. культуры, 2000. – с. 236-241.

Черванева В. А. Семиотический аспект концептуализации размеров тела человека и антропоморфных персонажей волшебной сказки // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж: ВГПУ, 2001. – с. 251-255.

В.В. Поталуй

Наименования руководителей в английском художественном и публицистическом текстах

Предметом исследования является лексико-фразеологическое поле "Наименования руководителей" в английском языке. Материалом для исследования послужили художественные произведения английских авторов (один миллион словоупотреблений), британские периодические издания (один миллион словоупотреблений), а также толковые, синонимические и фразеологические словари.

Методом ступенчатой идентификации были выделены следующие идентификаторы: person in charge, leader, head, chief, director, manager.

Состав ЛФП расчленился на две подгруппы на основании оппозиции наличие/отсутствие семы "сфера руководства": "общие названия руководителей" и "специальные названия руководителей". В подгруппу "общие названия руководителей" вошли единицы, не содержащие указания на сферу руководства, например : leader, chief, director, manager, administrator, organizer, authority-figure, chairperson, chairman, chairwoman, ruler, head, figure-head, guide, governor, master, paymaster, official, supervisor, superintendent, boss, patron, superior, supremo, big shot, bigwig, big gun, big noise, big bug, father, lord, captain, directing brains, leading figure, high and mighties, big man, big person, Mr. Big, Number One, the powers that be, man of rank., key-man, top dog, king for a day, leading light, lord and master, VIP.

Подгруппа "специальные названия руководителей" делится на семантические микрогруппы.

1. Руководители государств (president, monarch, sovereign, suzerain, king, queen, emperor, crowned head, potantate, tsar, kaiser, sultan, dictator,

despot, tyrant, satrap, absolutist, autocrat, Shah, doge, the Father of Faith, leader of laws).

2. Руководители правительств (prime-minister, chancellor, premier).

3. Руководители министерств (Chancellor, minister, secretary).

4. Местные исполнительные власти (viceroy, governor, mayor, mayoress, prefect, alderman, councillor, city fathers, conscript fathers).

5. Главы племен, родов (chieftain, headman, patriarch, matriarch, elder).

6. Руководители предприятий, учреждений и их подразделений (president, chief executive, general executive, manager, top manager, team leader, managing director, senior partner, governor, postmaster, stationmaster, banker).

7. Религиозные и духовные руководители (hierarch, archbishop, bishop, archdeacon, dean, cardinal, Prince of the Church, prelate, rector, provost, Pope, archimandrite, abbot, abbess, superior, elder, prior, prioress, mother superior, churchwarden, ayatollah, guru, imam, rabbi, the Fathers of the Church, teacher, master, preceptor, spiritual director).

8. Непосредственные руководители производственных коллективов (foreman, gaffer, taskmaster, taskmistress, ganger, straw boss, father of the chapel).

9. Руководители творческих коллективов (conductor, director, chief editor, stage-manager, bandmaster, ballet-master).

10. Руководители слуг, обслуживающего персонала (steward, butler, maitre d'hotel, headwaiter, chef, major-domo, matron).

11. Руководители в научной и учебной сферах (provost, rector, dean, chairman, chancellor, principal, director of studies, supervisor of studies, form-master, headteacher, headmaster, headmistress, regent, housemaster, registrar).

12. Руководители политических и профсоюзных организаций (leader, floor leader, major leader, secretary, Secretary-General, the man higher up).

13. Руководители стихийных группировок (ringleader, chieftain).

14. Судебные руководители (Chief Justice, Attorney-General, Solicitor-General).

15. Руководители детских организаций (prefect, head boy, head girl).

16. Военные руководители (commander, commander-in-chief, commanding officer, brigadier, commandant, warlord, commandore, big (top) brass, brass hat, leader in war, general, General-in-Chief).

17. Руководители полицейских подразделений (superintendent, sheriff, Chief Constable, Chief Inspector, marshal).

18. Спортивные руководители (captain, coach, commissioner).

19. Полномочные представители (consul, ambassador, attache, emissary, plenipotentiary, representative, agent, Governor-General, nuncio, High Commissioner, doyen).

20. Руководители уголовных (преступных) группировок (godfather, big gun, big fish, kingpin, Mr. Big, mastermind).

21. Руководители плавсредств (skipper, sea captain, boatswain, bosun).

22. Лица, осуществляющие надзор (regulator, supervisor, superintendent, mentor, warder, warden, watchdog, caretaker).

23. Руководители территорий, провинций (maharaja, rajah, nabob, sheikh).

24. Руководители в домашней сфере (paterfamilias, patriarch, matriarch, master of the house, mistress of the house).

25. Временные руководители (prince-regent , caretaker (leader).

26. Руководители собраний, заседаний (speaker, chairman).

27. Руководители-владельцы (земли, предприятий и т.п.) (owner, proprietor, landowner, lord of the soil, lord of the harvest, farmer, feudal lord, vassal, hotelier, keeper, hotel-keeper, inn-keeper, landlord, landlady, manufacturer, factory-owner, mill-owner, ironmaster, slave-owner, publican, magnate, captain of industry, (oil, etc) king, baron, publisher, oligarch, tycoon).

28. Тюремные руководители (jailer, warder, governor, matron).

29. Руководители лечебных учреждений (head physician, sister).

30. Руководители торжеств, мероприятий (Master of Ceremonies, the master of misrule, the abbot of misrule, the lord of misrule).

Рассматриваемое поле хорошо структурировано. В нем четко выделяются ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Ядро поля составляют единицы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, в прямом значении, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений и в минимальной степени зависящие от контекста.

В ядре выделяется центр: гипероним "leader" с частотностью употребления 154 (на два миллиона словоупотреблений). В словарных дефинициях данная лексема часто служит идентификатором, содержит минимальное количество сем и поэтому является наиболее абстрактной по значению. Ее отличает способность к замещению большинства единиц ЛФП. В ядро входят стилистически нейтральные лексические единицы: head (83), chief (231), official(112).

Основными признаками единиц, относящихся к ближней периферии, являются: меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в

употреблении, минимальная зависимость от контекста. К ближней периферии относятся единицы с конкретным семантическим содержанием: director (170), manager (148), managing director (91), president (197), chairman (115), chief executive (170), minister (102), prime-minister (84), secretary (78), Chief Inspector (167).

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. В эту группу вошли преимущественно профессиональные, узкоспециальные единицы: ambassador (21), consul (4), premier (8), conductor (4), commander (12), commander-in-chief (3), governor (28), mayor (23), mayoress (1), chancellor (17), Chief Justice (1), Chief Constable (4), prefect (1), headmaster (16), headteacher (7), headmistress (2), principal (5), provost (4), dean (3), director of studies (2), chief physician (3), sister (1), rector (1), editor (35), stage-manager (4), bandmaster (2), ballet-master (2), butler (6), major-domo (1), maitre d' (2), chef (2), coach (5), skipper (1), captain (22), foreman (6), postmaster (1), stationmaster (1), banker (1);

стилистически ограниченные: boss (40), superior (12), bigwig (1), big shot (1), tycoon (3), top dog (3), gaffer (1), supremo (1), kingpin (1), patron (5), patroness (1), cap (2) - (inf.); ambassador plenipotentiary (1) - (formal);

эмоционально окрашенные с яркими оценочными семами: tyrant (4), despot (1), dictator (9), Caesar (2), satrap (1).

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство единиц имеют яркие стилистические и эмоциональные экспрессивные семы. К крайней периферии относятся единицы, характеризующиеся наличием периферизирующих сем "историческое" или "устаревшее", "характерность для зарубежной действительности", "малоупотребительная": tsar (-), tsarina (-), doge (-), emir (-), maharaja (-), sheikh (3), sultan (3), rajah (-), nabob (1), pharaoh (-), khan (-), caliph (-), padishah (-), Shah (-), Negus (-), kaiser (-), feudal lord (-), vassal (-), slave-owner (-), the Father of Faith (-), leader of laws (-), viceroy (-), alderman (-); единицы, у которых сема "руководство" является не ядерной, а периферийной: master (28), chair (10), lord (1), doyen (1), matron (6), (oil, etc) king (1), (oil, etc) baron (1), steward (1), teacher (1), mentor (1), guru (-), preceptor (-), spiritual director (-), owner (12), proprietor (-), landowner (1), lord of the soil (-), lord of the harvest (-), farmer (-), hotelier (-), keeper (-), hotel-keeper (-), inn-keeper (-), landlord (2), landlady (1), manufacturer (-), ironmaster (-), factory-owner (-), mill-owner (-), publican (-), magnate (1), tycoon (3), captain of industry (1), publisher (-), jailer (-), warder (-), warden (-), watchdog (3).

Единицы, не попавшие в круг, ограниченный двумя миллионами словоупотреблений, автоматически попадают в крайнюю периферию.

Гипероним "leader" образует множество сочетаний: religious leader, spiritual leader, born leader, natural leader, undisputed leader, political leader, floor leader, opposition leader, majority leader, minority leader, team leader, military leader, labour leader, troop leader, squadron leader.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ЛФП "Наименования руководителей" в английском языке количественно преобладает периферийная лексика.

Русское коммуникативное поведение как предмет описания

Н.М.Вахтель

Книга о русском коммуникативном поведении

В 2002 году в Институте русского языка им. А.С.Пушкина вышла монография Ю.Е.Прохорова и И.А.Стернина «Русское коммуникативное поведение».

Она посвящена рассмотрению национальных особенностей русского коммуникативного поведения, является очень своевременной, интересной и важной книгой для всех, чьи интересы лежат в области речевой деятельности, восполняет пробел в социалингвистическом и психолингвистическом описании общения.

Монография дает ответы на многие вопросы, связанные с теоретическим осмыслением коммуникативного поведения. Она дает в руки будущим исследователям аппарат научного описания речевого поведения, показывает, в каких аспектах и какими методами и приемами это поведение может быть проанализировано, в каких терминах оно может быть описано.

В книге под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения, авторы выделяют два аспекта: вербальный и невербальный, которые (каждый в отдельности) получают в работе смысловую значимую интерпретацию и оказывают влияние на бытовое коммуникативное поведение.

Приведенные в работе формулировки понятий представляются очень удобными для описания коммуникативного поведения. Однако вместе с тем такие понятия, как *коммуникативная категория*, *фактор*,

параметр и некоторые другие, остались не совсем четко дифференцированными.

В монографии есть все для того, чтобы, опираясь на нее, использовать многие методы и приемы для исследования коммуникативного поведения разных народов. В книге приведены образцы опросников и анкет. Авторы предлагают разные модели описания коммуникативного поведения людей. К ним относятся ситуативная, аспектная и параметрические модели, что представляется очень ценным, так как с помощью этих моделей может быть достигнута системность описания, кроме того, такое описание может быть формализовано. Показана связь коммуникативного поведения с менталитетом русских людей.

В содержательном варианте описания авторы выделяют 13 коммуникативных параметров и почти 90 конкретных коммуникативных признака, по которым можно объяснить русское коммуникативное поведение.

Даны рекомендации по описанию коммуникативного поведения для учебников русского языка как иностранного в рамках страноведения и лингвокультурологии.

В представленной монографии, пожалуй, впервые в области изучения коммуникативного поведения дана стройная теория, описан терминологический аппарат, указаны приемы и методы изучения коммуникативного поведения и доказана необходимость этой научной области и внедрение ее в преподавание наряду с речевым этикетом, в чем и заключается ее ценность.

Однако, когда речь идет о национальных особенностях, то всегда есть некий риск показаться слишком критически настроенным или, напротив, заносчивым в оценке тех или иных качеств народа. Заслуживает одобрения то, что авторам удалось избежать и того, и другого.

Возможно, что при чтении монографии у кого-то могут возникнуть сомнения по поводу понятия «соборность» в связи с привычным его использованием в религиозно-богословской среде. В контексте типичных черт для русских оно может показаться не вполне уместным. Думается, однако, что авторы, сближая это понятие с понятием «коллективизм», под словом «соборность» понимали то, что зафиксировано В.И. Далем в его словаре, где можно прочесть, что оно имеет значение «собирать», «приобщать к одному», а «соборно» значит «сообща», «общими силами». Отсюда вытекает возможность использования этого слова в значении, близком к слову «коллективность».

В работе соборность противопоставлена индивидуализму, который, разумеется, не свойственен русскому человеку, более того, всегда казался подозрительным.

В работе не продемонстрирована противоречивость черт характера русского народа, поэтому некоторые качества его, выделенные авторами, кажутся или несправедливо приписываемыми, или возведенными в абсолют. Это касается прежде всего таких черт, как нелюбовь к труду, пренебрежение к закону и к деньгам.

Вероятно, и скорее всего следует воспринимать некоторые негативные черты русских как проявление их в большей степени по сравнению с другими народами.

Кроме того, в монографии, как и всегда в настоящем научном исследовании, есть спорные моменты, дающие питательную почву для интересных и плодотворных дискуссий. Так, читая об идеальном коммуникаторе, с некоторыми параметрами можно не согласиться, т.к. как результаты опроса не отражают в полной мере эталонные черты идеального собеседника, а только дают пищу для размышлений.

Вместе с тем представляется несомненным то, и это доказывает вышедшая книга, что изучение коммуникативного поведения должно занять достойное место в науке о языке, о речевой деятельности, а созданная авторами работающая модель описания приложима к изучению коммуникативного поведения различных народов.

А.Г.Лапотько

Коммуникативное поведение народа и менталитет

Вышедшая в 2002 году в Москве монография Е.Ю. Прохорова и И.А. Стернина «Русское коммуникативное поведение», без сомнения, представляет большой интерес и для лингвистов, и для культурологов, и для преподавателей русского языка как неродного, и для рядовых носителей русского языка.

В той задаче, которую поставили перед собой и успешно решили авторы, было много неизвестных.

Прежде чем описать коммуникативное поведение русских, нужно было выяснить, что такое коммуникативное поведение вообще, как и в каких аспектах его исследовать, какие методы и приемы использовать при изучении, в каких терминах описывать и как применять результаты этого описания в практике преподавания русского языка иностранным учащимся, иначе говоря – разработать теоретические основы описания коммуникативного поведения языковой общности.

Теоретический аппарат описания представлен в I главе монографии.

Под коммуникативным поведением авторы понимают совокупность норм и традиций общения, принятую в определенной национально-языковой общности и представляющую собой компонент национальной культуры.

Коммуникативное поведение народа, отмечают авторы, имеет два аспекта: вербальный и невербальный.

Первый связан с речевыми формами выражения мыслей, а второй с неречевыми (мимика, жесты, дистанция, позы).

В связи с коммуникативным поведением следует, по мнению авторов, рассматривать и коммуникативно значимое бытовое поведение, то есть совокупность предметно-бытовых действий, получивших в данном обществе смысловую интерпретацию и влияющих на поведение и общение людей, или социальный символизм.

Коммуникативное поведение и необходимые для его описания понятия, содержание которых четко сформулировано в пятом разделе главы, рассматриваются в соотношении с такими понятиями, как культура и речевой этикет.

II глава посвящена определению принципов, методов и приемов описания коммуникативного поведения.

Здесь раскрываются (применительно к описанию коммуникативного поведения) принципы системности и контрастивности, принцип использования ранжирующего метаязыка, разграничения и учета общественной нормы и общественной практики, намечен круг источников исследования.

Особенно важно, что авторы дают описание методов и приемов исследования, приводят примеры опросников, анкет, таблиц.

Большую ценность представляют предложенные в работе модели описания коммуникативного поведения – ситуативная, аспектная и параметрическая, применение которых обеспечивает системность этого описания.

Первая модель предполагает описание коммуникативного поведения в стандартных ситуациях общения. Она важна в дидактических целях.

Вторая позволяет представить коммуникативное поведение в нормативном и реактивном, рецептивном и продуктивном, вербальном и невербальном аспектах общения.

По третьей модели, отмечают авторы, следует описывать параметры и факторы общения на основе анализа релевантных для

анализа действий и фактов (коммуникативных признаков) причем описание может вестись как в содержательном, так и в формализованном варианте.

Переходом от теоретического обоснования описания к конкретному поведенческому «портрету» русских является III глава, в которой авторы рассматривают черты русского менталитета, определяющие коммуникативное поведение русских.

Здесь также есть блок чисто теоретической информации: уточняются понятия *менталитет*, *национальная концептосфера*, *национально- коммуникативное поведение*, *языковая картина мира*, *когнитивная картина мира*, *языковое сознание*, *коммуникативное сознание*, *речевое мышление*, вводится понятие *коммуникативные категории* («понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления»).

Сам поведенческий образ русских представлен в IV главе. Здесь дано описание русского коммуникативного поведения по двум моделям – ситуативной и параметрической.

Оно предваряется перечнем стандартных коммуникативных ситуаций и коммуникативных сфер, в которых целесообразно рассматривать русское коммуникативное поведение в сравнении с западным стандартом поведения, определяются виды невербальных сигналов (симптомы – движения, действия, осуществляемые бессознательно и отражающие физическое или психическое состояние; символы – предметы, действия, которым приписывается определенное символическое значение; знаки – сознательно продуцируемые невербальные действия, имеющие в данной культуре определенное значение).

Невербальные сигналы подробно описаны как элементы невербальных коммуникативных средств языка. Особенно интересно представлена специфика русской улыбки и роль молчания в общении.

Параметрическая модель описания в двух вариантах – содержательном и формализованном – дает представление о наиболее ярких чертах русского коммуникативного поведения.

Содержательный вариант описания учитывает тринадцать коммуникативных параметров и около девяноста конкретных коммуникативных признаков, среди которых определяющими для русского коммуникативного поведения, по мнению авторов, оказываются такие, как общительность, эмоциональность, искренность, откровенность, предпочтение неформального общения, свобода вступления в контакт, широта тематики общения, скромность

в представлении своих достижений, возможность модификации поведения собеседника и некоторые другие.

Продемонстрирована и возможность формального варианта описания, очерчивающего контур поведенческого «лица» русских.

В V главе намечены подходы к предъявлению вербального и невербального материала по коммуникативному поведению в учебниках русского языка для иностранцев.

По мнению авторов, эти материалы могут быть представлены в рамках культуроведения, страноведения и лингвострановедения, при этом подчеркивается роль системы культуроведческих текстов, отражающих коммуникативное поведение русских.

В целом в монографии Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина представлена стройная теория коммуникативного поведения: определено его понятие, выявлены составляющие, дан терминологический аппарат описания, указаны методы и приемы исследования, разработаны модели описания, показана необходимость включения материалов по коммуникативному поведению в учебные пособия для изучающих русский язык как неродной.

Несомненно, эта монография – результат большой, многоаспектной и хорошо спланированной работы авторов и их учеников.

Вместе с тем в ней есть такие моменты, которые могут быть осмыслены и интерпретированы иначе, чем это сделано авторами.

Речь идет о содержании и соотношении некоторых понятий, используемых в основном в III главе монографии, в которой рассматриваются коммуникативно релевантные черты русского менталитета.

Одной из таких черт авторы считают соборность, при этом они понимают ее как общность, коллективность сознания и бытия и даже артельность.

На наш взгляд, не следует использовать этот термин для обозначения тех черт менталитета, которые сформировались у русских под влиянием крестьянской общины, определявшей уклад жизни в России вплоть до начала XX века. Соборность – понятие религиозно-богословное; его содержание, по А.С. Хомякову, таково: «множество, соборное *силой любви в свободное органическое единство*».

Кроме того, неправомерно ставить знак равенства между соборностью и коллективностью и артельностью. На с. 95 авторы пишут: «Соборность заключается в приоритете общих, коллективных интересов, целей над личностью».

Русские философы неизменно подчеркивали несходство и даже противоположность понятий *соборность* и *коллективность*. Н.А.

Бердяев отмечал, что для Хомякова дух соборности был духом свободы, он был решительный противник принципа авторитета. «Собор» и «коллектив» противопоставлены именно по этому признаку: в коллективе с его принципом демократического централизма очевиден примат общества над личностью.

С понятием *соборность* в работе связывается ряд специфических (по большей части негативных) черт жизни русского народа (с 100-111).

По мнению авторов, соборность, с одной стороны, обеспечивает общую защищенность, минимальный, но равный достаток для всех, взаимопомощь людей; с другой – нарушается личная независимость, формируется зависимость человека от других людей, стремление к перераспределению богатства и т.д. Здесь, думается, уместно заменить слово *соборность* словом *социализм*, так как этот перечень имеет отношение скорее к «благам» и идеологии социалистического общества, чем к соборности. Раскулачивание также не может быть объяснено соборностью сознания: это чисто политическая акция.

Далее авторы утверждают, что одной из черт русского народа является негативное отношение к инакомыслию, и причину этого видят в той же соборности. Но разве не опровергает это утверждение отмеченная в монографии этническая и конфессиональная терпимость русских, пословицы: Что голова, то и разум (рбзум), Что человек, то и разница; На вкус и цвет товарища нет; У каждого свой вкус: один любит арбуз, другой – хрящик свиной и др.? И не народ «упрятывал в психбольницы» инакомыслящих, а власть предрержащие. Отрицательное отношение к инакомыслящим формировалось официальной пропагандой.

И то, что у некоторой части русских существует представление о справедливости как уравнительности, о дозволенности насильственного перераспределения богатств, – тоже не исконное явление, а результат усвоения идеологии социализма.

Кстати, интересно было бы представить такие концепты, как *коллективизм*, *инакомыслие*, *справедливость* в их становлении, историческом развитии содержания.

Соборным менталитетом объясняют авторы и наличие отрицательного оценочного компонента во фразеологизме *белая ворона*: «Выделяться в русской культуре не принято... Белая ворона – неодобрительная характерна в России. Характерно, что в русском языке нет фразеологизма, который бы положительно оценивал выделяющихся людей». Есть такие фразеологизмы. И называют они людей выдающихся, которых выделяют из ряда, «выдают» их

достоинства: ум, красота, способности, сила и др.: семи пядей во лбу; золотые руки, косая сажень в плечах и др. Даже гром-баба содержит положительную оценку (крепкая, сильная, рослая). У И.Шмелева («Богомолье») встречается фразеосочетание *из выборов изборо*.

А *белые вороны* – это или те, кто оказался в необычном для себя окружении, не соответствует ситуации, или те, кто старается выделиться (одеждой, манерой поведения и т.д.), т.е. претендует на необычность. Отсюда и отрицательный оценочный компонент во фразеологизме.

Вызывает сомнение соотнесение некоторых из рассматриваемых в III главе категорий. Так, неожиданно соединены отношением следствия *второстепенность материального и нелюбовь к напряженному систематическому труду*.

Во-первых, вывод о нелюбви русских к напряженному систематическому труду авторы делают на основе таких стереотипов, как Ел бы, пил бы, да гулял бы всегда, не работал бы никогда; Работа не волк, в лес не убежит; Работа дураков любит (это, кстати, говорится тогда, когда что-то сделано некачественно и работу придется переделывать); От работы кони дохнут; Пусть лошади работают, а также сказок, в которых все совершается «по шучьему велению», с помощью волшебства.

Но ведь Н.А. Бердяев не случайно призывал не забывать, что русский народ – поляризованный. Рядом с теми, кто насчитывал в году «140 праздников, в которые грех работать» (с. 111), для кого вообще каждый день «Сімоны - гулімоны», жили те, кто, услышав колокольный звон, только на минуту останавливался на пашне, чтобы перекреститься. У них, по В.И. Далю, другой пословичный фонд: Бог труды любит; Богу молись, а сам трудись; Работай – будешь сыт, молись – спасешься, терпи – взмилуются; Без труда нет добра; Труд кормит и одевает; Терпение и труд все перетрут; Станешь лениться – будешь с сумой волочиться; Не верь бедности, которая от лениности; От безделья не бывает веселья; Где лодырь ходит, там земля не родит.

Во-вторых, нелюбовь к труду у тех, кто подвержен этому недугу, следует не из представления о том, что работа не главное. Те, для кого работа не главное, знают другой труд – труд души. Они-то как раз и обычную работу выполняют добросовестно, даже творчески. Не главное – работа ради хлеба насущного. Другое дело – работа как возможность самореализации, как творчество (см. «Мастер» В. Шукшина).

Пословицы о труде, приведенные в монографии и названные выше, - это реплики диалога, который ведется в обществе его «полярными» представителями.

Эта диалогичность и поляризованность характерна для русского пословичного фонда в целом. Казалось бы, такой всеобъемлющий принцип – *авось*. Но и здесь раздаются голоса оппонентов: От авось добра не жди; Авосевы города не горжены, авоськины дети не рожены; Авось плут, обманет; Авось дурак, с головой выдает; Вывезет и авоська, да не знает куда; Держись за авось, пока не сорвалось; Держался авоська за небоську, да оба в яму свалились.

Не совсем точным представляется соотнесение и трактовка некоторых других понятий, например, покорности и нигилизма / пофигизма (скорее это род бунта), терпимости и непритворности. Пассивность в приобретении знаний закономернее, на наш взгляд, связывать с отмеченным авторами доминированием учителя. Не абсолютно законобрежение русских (с одной стороны раздается: Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло, а с другой – Законы святы, законники супостаты). Далеко не все русские мечтают о «сильной руке», «палке», порядке: Н.А. Некрасов говорил ведь о людях *холопского* звания. На основе того, что материальное второстепенно, авторы делают вывод, что для русских богатство аморально. Но в пословицах представлено и другое понимание богатства: Это не главная ценность (Не с богатством жить – с человеком), оно преходяще, обременительно (Богатому не спится, вора боится) и рождает надменность, скупость.

На с. 128-129 авторы пишут о символах как об одном из видов невербальных сигналов, но приводят примеры, которые говорят о социальном статусе человека и не значимы коммуникативно. Ведь совсем не обязательно случится так, что обладатель роскошного загородного дома (символ зажиточности) произнесет: «Соблаговолите пройти вперед», а молодой человек с мощной мускулатурой и короткой стрижкой (символ «крутизны») ответит немного в нос и нараспев: «Прикинь, братан, мне там тесно будет».

Ранее авторы приводили другой пример социального символа – запрет передавать предметы или приветствовать через порог. Это коммуникативно значимое действие. Правда, в настоящее время почти никто не знает, почему нельзя так поступать, но следуют этому правилу многие. В.И. Даль объясняет: запрещено потому, что можно поссориться. И добавляет: под порог закапывали заговоры.

Но почему можно поссориться? Ответ можно найти в истории восточных славян. Порог – граница между «своим» и «чужим» миром.

Чтобы избежать напастей, под порог закапывали оберег. Это могли быть различные предметы, в частности кости умерших родственников. Находящийся за порогом представлял угрозу для дома, и оберегающие дом силы могли вмешаться в общение хозяина с пришедшим. Поэтому и предписывает «Домострой» встретить гостя за воротами (порогом), пропустить его перед собой и так ввести во двор, в дом, демонстрируя доброжелательное отношение к нему. Это же правило приведено и в словаре В.И. Даля.

Особо следует остановиться на разделе, в котором описывается коммуникативный идеал – представление русских об идеальном собеседнике и идеальной речи. Коммуникативный идеал определялся авторами экспериментально. Информанты отвечали на вопрос: Идеальный собеседник – какой? При этом оказалось, что фактор качества речи отмечен только 8 % информантов. Это послужило основанием для вывода о том, что в сознании русских слабо представлена категория коммуникативной ответственности, т. е. в обиходном общении не принято внимательно следить за правильностью речи, исправлять ошибки.

Во-первых, следует отметить, что, несмотря на невысокий процент упоминания, фактор качества речи занимает пятую позицию среди шестнадцати черт идеального собеседника, уступая лишь таким, как умение слушать, ум, чувство юмора, вежливость (такт).

Во-вторых, необходимо принять во внимание общий невысокий уровень речевой культуры носителей русского языка в настоящее время. Представителей элитарной речевой культуры сравнительно мало, а те, кто принадлежит к среднелитературной и фамильярно-разговорной (и тем более просторечной) культурам «не слышат» ни своих, ни чужих ошибок, поэтому их нельзя считать коммуникативно безответственными.

В-третьих, тот факт, что не принято исправлять даже замеченные ошибки, говорит не о том, что русское сознание «нетребовательно к культуре речи», а о стремлении «сохранить лицо» собеседника (Ему / ей неловко, неудобно, стыдно будет).

Исключения составляют дети, которых поправляют все: и учителя, и родители, и знакомые и незнакомые взрослые. (Но не сверстники! Это может закончиться дракой. Одна из самых обидных дразнилок – подражание произношению, манере говорить, повторение слов, произнесенных с ошибкой).

Фактор качества речи важен для русских, и одно из подтверждений этому – шквал звонков в «Службу русского языка» города Воронежа. Думается, что фактор качества речи занимал бы более высокое место

на шкале признаков коммуникативного идеала, если бы вопрос стоял так: «Идеальный оратор какой?»

Разумеется такой сложный предмет исследования, как коммуникативное поведение народа, не может быть во всей полноте представлен в одной монографии.

При дальнейшем его изучении необходимо расширить круг источников исследования и обратиться к тем из них, которые в работе только названы, но привлекались недостаточно активно. Это источники III группы – специальная литература. Проработка трудов по философии, психологии, этнографии, истории позволит более точно и непротиворечиво раскрывать содержание коммуникативных категорий, конкретно интерпретировать социальные символы, даст интересный материал для изучающих русский язык как неродной. Исследователей особенностей коммуникативного поведения различных народов ожидает большая и увлекательная работа.

Но главное в этой области уже сделано. Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин в монографии «Русское коммуникативное поведение» создали работающую модель описания коммуникативного поведения лингвокультурной общности.

Н.А. Козельская

Новое в исследовании русского коммуникативного поведения

Книга Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина «Русское коммуникативное поведение» (М., 2002г.) представляет собой оригинальное исследование национальных особенностей коммуникативного поведения (КП) конкретной лингвокультурной общности. Еще два-три десятилетия назад изучение национально-культурных особенностей общения не осознавалось в качестве специальной научной проблемы, хотя материал накапливался в разных отраслях знаний. К упомянутым авторами монографии работам этнопсихолингвистического направления можно добавить исследование проксемики, жестикуляции, социального символизма в рамках семиотики, изучение социальной дифференциации форм общения в социальной психологии. Много наблюдений над устойчивыми национальными традициями общения сделано отечественными и зарубежными специалистами по антропологии и этнографии (Ю.М. Бромлей, Б.Х. Бгажноков, Дж. Фаст, Э.Холл и др.).

В конце 70-х годов советский ученый Б.Х. Бгажноков предложил выделить специальную дисциплину «этнография общения», предметом которой должна была стать традиционно-бытовая культура общения (Бгажноков, 1978). У Бгажнокова появилось понятие стандарта коммуникации, включающего все многообразие этнодифференцирующих явлений коммуникативного поведения, в том числе табу, избегание, молчание и др. В свое время инициатива ученого не получила должного развития. И вот настал момент, когда количество изученного материала неизбежно потребовало нового качества осмысления, которое, по мнению авторов обсуждаемой монографии, возможно при условии выделения в рамках коммуникативной лингвистики самостоятельной науки о коммуникативном поведении.

Монография Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина содержит 4 главы, в которых последовательно рассматриваются теоретические основы будущей науки, методы и приемы описания национального КП, дается очерк коммуникативно-релевантных черт русского менталитета, приводятся результаты практического описания русского КП и освещается лингводидактический аспект его изучения. Центральное место в работе занимает прикладное исследование русского КП по двум моделям, аналогов которому в современной науке нет.

Авторы уделяют очень много внимания обоснованию методологии, методов и приемов (психолингвистических в своей основе) для проводимых наблюдений. Разработанная ими методика нацелена на получение наиболее объективных, обобщенных, достоверных, показательных данных о коммуникативном поведении. Этому служат принцип системности и контрастивности исследования, верификация результатов описания, использование нежесткого метаязыка. Ученые предлагают свое решение важной и сложной проблемы типизации данных подобных исследований. Как подчеркивает И.А. Стернин, «описание должно быть таким, чтобы по нему можно было предсказывать коммуникативное поведение носителей соответствующего языка» (с.73). Поверхностному подходу к типизации как описанию стереотипов восприятия противопоставляется глубокое понимание необходимости наличия выделяемых стереотипов прежде всего в национальной культуре, в ее фонде, в коммуникативном сознании, в концептосфере, так как «отдельные индивиды овладевают определенной частью коммуникативного поведения народа, но никогда - всей совокупностью этих стереотипов» (с.76). Мы добавили бы еще и необходимость учета разной степени стереотипности ответов у различных народов.

Принцип системности описания, который на первый взгляд является обычным требованием современных исследований, получает в работе яркое и убедительное воплощение в виде предложенных И.А. Стерниным, апробированных ситуативной и параметрической моделях описания КП. В рамках ситуативной модели автор представляет исключительно полный, детально проработанный инвентарь знаков, симптомов, социальных символов русского невербального коммуникативного поведения. В содержательном плане нам хочется отметить очерк о русской улыбке, в котором удачно сочетается контрастивный анализ национальных особенностей русской улыбки на фоне других культурных традиций и взгляд изнутри, объясняющий природу, условия бытования улыбки в русской лингвокультурной общности.

Если фрагменты ситуативного подхода к характеристике КП эмпирически всегда возникали у разных исследователей, то параметрическое описание представляет собой совершенно оригинальную модель, в рамках которой осуществляется формализованное и содержательное описание КП. Ее практическая ценность заключается в том, что она нацеливает исследователя на выделение факторов и параметров КП, обеспечивает их систематизацию и обобщение, благодаря чему становится возможным дать полную характеристику релевантных черт КП той или иной лингвокультурной общности.

Конечно, содержательное описание КП в рамках параметрической модели во многом зависит от того культурного фона, на котором оно осуществляется. Например, в монографии говорится об эмоциональности русского общения по сравнению с западным стандартом. Однако для американцев, культуру которых автор относит к западному стандарту, русские малоэмоциональны (данные К. Касьяновой), для итальянцев еще менее того. Нам представляется, что подведение под один западный стандарт поведения разных народов Европы и Америки оказывается не всегда правомерно, особенно, когда речь идет об особенностях эмоционально-психологического склада людей.

Новым результатом является осмысление, конкретизация русского коммуникативного сознания через коммуникативные категории (КК); выделение приоритетных КК (общение, коммуникативное давление, спор), слабовыраженных (коммуникативная ответственность, приватность) и отсутствующих или формирующихся КК (толерантность). Можно обсуждать конкретный состав, наполнение

отдельных категорий, но в целом полученный автором «рисунок» русского коммуникативного поведения убеждает.

Закономерно, что в монографии, посвященной «становящейся» науке, много внимания уделяется определению терминов, разграничению сходных понятий. И все же, на наш взгляд, в некоторых случаях необходимой ясности не хватает. Это касается, в частности, соотношения понятий *национальный характер*, *национальная психология*, *менталитет*.

Авторское определение менталитета, как способа восприятия и понимания действительности, определяемого совокупностью когнитивных стереотипов (с.88) указывает на связь этого феномена с логической, концептуальной деятельностью сознания. Однако в определении национального характера (с.92) менталитет фактически отождествляется с явлениями национальной психологии. Этим, видимо, объясняется и недифференцированное рассмотрение в 3-ей главе ментальных особенностей и специфики эмоционально-психического склада этноса (эмоциональности, азартности, импульсивности, отходчивости). Такое объединение оправдано с точки зрения коммуникативной релевантности черт менталитета и психологии, но в терминологическом плане они нуждаются в более последовательном разграничении.

Нам кажется, что есть необходимость более дифференцированно подойти к определению материальных форм существования культуры (с.35), как это принято в социологии и культурологии, где различаются не только ритуалы, но и привычки, манеры, этикет, обычаи, традиции, табу, законы и др.

Спорным кажется утверждение, что в наиболее цивилизованных странах, например, Японии, Англии, Германии (с.35) обычно много ритуалов. Америка – высокочивилизованная страна, но там ритуальность коммуникативного поведения минимальна, стиль общения определяет принцип целесообразности, эффективности. Китай или Иран не отличаются столь высоким уровнем цивилизации, но коммуникативное поведение насыщено ритуалами. Рассуждая на эту тему, нельзя обойти вниманием вопрос о влиянии религии на нормы коммуникативного поведения. Многие ритуалы, привычки, обычаи европейских народов идут от христианской этики, традиции и обряды которой перешли на уровень жизненных практик (инициация, крещение, венчание, празднование рождества, пасхи и т.п.). В мусульманских странах с традиционным типом культуры КП определяется общемусульманским этикетом, который по существу и представляет собой ритуализированное поведение.

В рецензируемой книге многое сделано авторами впервые, поэтому требует осмысления и дальнейшего обсуждения. Нам представляется наиболее дискуссионной третья глава, посвященная основным чертам русского менталитета, определяющим КП народа. К настоящему моменту написаны десятки работ, в которых исследуются особенности русского менталитета. Своеобразие описания национальных ментальных черт в данной монографии определяется тем, что автор рассматривает их через совокупность коммуникативных фактов, действий, установок, ментальных стереотипов, образующих коммуникативные категории (термин И.А. Стернина). Этот подход имеет свои достоинства, так как показ национального самосознания «в действии» дает исследователю известную свободу в выборе источников и свидетельств, позволяет сделать изложение очень живым, наглядным, но в нем есть и узкие места.

По Фромму менталитет как социальное явление формируется в результате адаптации к системе ценностей своей культурно-исторической общности (Фромм, 1993, с.15). Соответственно в русском менталитете нам видится, условно говоря, вневременной (или архетипический) и временной (дореволюционный, советский, постсоветский) профили.

В монографии они подчас неоправданно совмещаются. Например, в изъяснении соборности через общинность и коллективизм, ср. Н. Бердяева: "Мы" в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность" (Бердяев, 1990, с.109). Или истолкование справедливости только как уравниловки, дозволенности насильственного перераспределения (советский профиль - Н.К.). Но справедливость по-русски - это и правдоискательство, и различение справедливости внешней (холодного закона, которому противостоит "человеческий" подход) и справедливости внутренней – суда совести.

В философских трудах, в русской литературе (В. Соловьев, Н. Бердяев, Ф.М. Достоевский) сложилась традиция осмысления русской личности, русского сознания через соединение противоположностей, крайностей. И в самом деле, отрыв одного полюса от другого может создать известную некорректность в восприятии и понимании того или иного свойства. Например, в одном месте работы говорится об инерционности русского менталитета (с. 104), недоверчивом отношении ко всему новому, и это воспринимается как абсолютная черта. А в другом фрагменте описывается постоянное стремление русских к обновлению истины (с.111). Или: на с. 110 характеризуется склонность русского человека к подчинению сильной власти и совершенно в связи с другим упоминается о стремлении к воле,

независимости (с. 109). Чтобы понять свойственное русским «небрежение внешним законом» (с. 108), надо знать о существовании понятия «внутреннего закона» - суда по обычаю, совести и правде. Именно единство крайностей придает русской ментальности «лица не общее выражение».

К сожалению, избирательность историко-культурного комментария порой обедняет изложение. Так, на наш взгляд, за сдержанной самоподачей стоит не просто православная добродетель смирения (с. 187), а иная, чем на западе, культурная традиция, в которой личный успех, самореализация не главное, а высокий личный статус определяется умением отказаться от себя, приспособиться к миру (не для защиты, а для гармоничного сосуществования). Показательно, что в лингводидактической части подчеркивается необходимость опоры на культуроведческие тексты при обучении национально-культурной специфике КП (с. 264).

В заключении нам хотелось бы отметить стиль изложения авторов. Его отличает стремление ученых сделать содержание и процесс исследования максимально прозрачными, умение просто сказать о сложном, оставить возможность для обсуждения.

Результаты исследования, представленные в рецензируемой монографии, позволяют перейти от эмпирического этапа к научно обоснованной концепции описания коммуникативного поведения в рамках коммуникативной лингвистики. Практическую востребованность данных о коммуникативном поведении в учебной практике, в сфере межкультурной коммуникации трудно переоценить.

Бгажноков Б.Х. Коммуникативное поведение и культура // Советская этнография, 1978, № 5, с.3 - 17.

Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности - М., 1990.

Фромм Э. Психоанализ и этика. - М., 1993.

Н.А.Лемяскина

Теоретическое осмысление коммуникативного поведения

Актуальным и быстро развивающимся направлением современной коммуникативной лингвистики является изучение такого феномена как коммуникативное поведение (нации, группы, личности).

Исследования коммуникативно-культурологического характера (которых за последние годы появилось значительное количество) уже находят широкое применение как в практике обучения языку (в вузах, на факультетах иностранных языков вводится обучение коммуникативному поведению страны изучаемого языка в рамках обучения межкультурной коммуникации), так и в практике формирования культуры общения (например, см. региональный учебно-методический комплект по «Культуре общения» для 1-9 классов в Воронежской области). Вместе с тем, явно не хватает обобщающих работ теоретического характера, в которых бы был систематически изложен теоретический аппарат изучения коммуникативного поведения, а также было бы показано, как этот терминологический аппарат может быть применен для системного описания коммуникативного поведения какой-либо лингвокультурной общности. Этот пробел удачно восполняет монография Ю.Е.Прохорова, И.А.Стернина «Русское коммуникативное поведение», вышедшая в 2002 году в Москве, в Институте русского языка им.А.С.Пушкина.

Монография посвящена в основном, как отмечают сами авторы, теоретическим аспектам описания коммуникативного поведения народа. Серьезный, систематически изложенный теоретический материал представляет большой интерес для исследователей, и в этом мы видим главное достоинство рецензируемой книги.

В первой главе авторы предлагают описание основных составляющих коммуникативного поведения, дает краткий, но содержательный обзор исследований в области коммуникативного поведения за последние годы. Большую ценность представляет раздел о соотношении коммуникативного поведения и культуры народа, а также терминологический аппарат описания коммуникативного поведения, который представлен системно, а его описание содержит определения всех теоретических понятий. Это позволяет четко представить, что авторы понимают под тем или иным используемым ими термином.

В главе второй монографии рассматриваются источники исследования, методы, приемы, принципы исследования и описания коммуникативного поведения, модели описания. Особенно теоретически значимыми представляются нам раздел о принципах описания коммуникативного поведения народа – системность, контрастивность, использование нежесткого метаязыка, разграничение и учет общественной нормы и общественной практики, а также разделы о типизации и верификации результатов исследований.

Очень важно, что в рецензируемой монографии не только названы методы и приемы исследования коммуникативного поведения, но и показаны алгоритмы использования рекомендуемых приемов: методика анкетирования, методика ранжирования коммуникативных признаков, методика прямого наблюдения, методика включенного наблюдения, методика интервьюирования, различного рода экспериментальные методики.

Работа содержит также богатый материал практического характера: описание основных черт русского менталитета, таких, которые, по мнению авторов, оказывают влияние на коммуникативное поведение русского народа (глава 3), а также предлагается вариант системного описания русского коммуникативного поведения на основе ситуативной и параметрической моделей (глава 4). В главе пятой сформулированы основные задачи, методы и формы использования описания коммуникативного поведения народа при обучении языку как иностранному. Таким образом, определяется дидактическая ценность предложенного описания русского коммуникативного поведения.

Появление книги Ю.Е.Прохорова и И.А.Стернина – событие в российской коммуникативной лингвистике, важный этап в лингвокультурных и коммуникативных исследованиях. Это первая работа, в которой предпринимается попытка системно описать русское коммуникативное поведение.

Высокий теоретический уровень исследования проблем коммуникативного поведения, богатое и содержательно описание особенностей русского общения не вызывают сомнений. Хотелось бы, однако, высказать некоторые пожелания и предложения.

Не вызывает сомнения, что при описании коммуникативного поведения русского народа авторами обобщен значительный объем фактического материала. Однако при таком капитальном исследовании и описании хотелось бы увидеть, оценить и сопоставить больше цифровых данных (таких, как, например, на с.159, 162, 224, 227), чтобы была возможность более точно сравнить имеющиеся результаты исследования с последующими, и не только с помощью нежесткого метаязыка (больше, чаще - насколько больше? насколько чаще?; высокая, низкая, это более 50%? или 70? и т.д.).

Безусловно, выделение авторами определенных черт русского коммуникативного поведения, как и, разумеется, русского менталитета, может вызвать несогласие отдельных читателей, но именно цифровые показатели результатов исследования могли бы «снять» многие вопросы и дать авторам дополнительные аргументы.

Однако высказанные замечания ни в коей мере не умаляют главных достоинств данной работы – ее первопроходческого теоретического характера, системности теоретического аппарата и первого в отечественной коммуникативной лингвистике опыта системного описания русского коммуникативного поведения.

Книга Ю.Е.Прохорова и И.А.Стернина - серьезный научный труд, который дает широкие возможности исследователям коммуникативного поведения опереться на разработанную методологию и модели в практической работе.

Разумеется, когда предложено конкретное описание коммуникативного поведения того или иного народа, все специалисты и неспециалисты, знакомые с данным народом, имеющие опыт общения с представителями данной лингвокультурной общности, сравнивают предложенное описание с собственным коммуникативным опытом и собственным видением характера, менталитета и коммуникативных качеств народа. Такое сопоставление часто открывает новые грани в коммуникативном поведении народа, вызывает сомнения и несогласия с теми или иными описаниями или выводами авторов. На это указывают и сами авторы в заключении своей книги: «Авторы еще раз хотят отметить, что все те параметры русского коммуникативного поведения, которые представлены в данной работе, могут, безусловно, вызвать определенное несогласие у других представителей русской лингвокультурной общности. Наличие таких несогласий – еще один довод в пользу продолжения работы по описанию коммуникативного поведения»(с.269). С данным выводом авторов нельзя не согласиться.

Хочется поздравить авторов рецензируемой монографии с крупным шагом вперед в исследовании национального коммуникативного поведения, который сделала отечественная коммуникативная лингвистика с выходом из печати рецензируемой книги.

И.А.Стернин

Еще раз о менталитете и коммуникативном поведении

На страницах данного сборника мы предложили читателям небольшую научную дискуссию по книге Ю.Е.Прохорова и И.А.Стернина «Русское коммуникативное поведение», вышедшую в Москве, в Институте русского языка им.А.С.Пушкина, в конце 2002 г.

Эта книга обобщает результат нашей многолетней работы по проблемам описания национального коммуникативного поведения, и для нас представляет большой интерес мнение коллег по поводу высказанных в ней идей.

В связи с этим для нас очень важен критический анализ нашей концепции, предлагаемый нашими коллегами.

С благодарностью принимая высказанные А.Г.Лапотько и Н.А.Козельской критические соображения по поводу нашего понимания русского менталитета, хотим пояснить нашу концепцию в ряде существенных для нас вопросов.

Проблема соотношения менталитета и коммуникативного поведения относится к объяснительному аспекту науки о коммуникативном поведении, которую мы пытаемся построить. Описывая любое национальное коммуникативное поведение, неизбежно сталкиваясь с вопросом – а почему люди данной лингвокультурной общности ведут себя именно так, а не иначе? Необходимо признать, что в любом случае объяснение причин тех или иных черт национального характера, менталитета, поведения всегда наталкивается на трудности и всегда можно предложить иную, интерпретацию, а доказательная база в данном случае находится в области интерпретации психологических фактов и как таковая в любом случае оказывается слабой. Вместе с тем, оставить факт без интерпретации – значит, не завершить научный путь познания, начатый исследованием.

Нами предложена интерпретация основных качеств русского коммуникативного поведения через основные черты соборного русского менталитета.

Термин *соборность* мы используем в его современном, а не историко-философском значении, (последнее, кстати, тоже встречало у разных авторов различное понимание и в 19-м веке). Мы не проводим терминологического разграничения между соборностью, коллективизмом и артельностью, поскольку в современных лингвокультурологических исследованиях такой традиции нет, она осталась в истории философии. Кроме того, для нас важна сущность, неоспоримая, на наш взгляд: в сопоставлении с западным индивидуалистическим менталитетом русский человек несомненно отличается менталитетом коллективистским (соборным, артельным). Хотим подчеркнуть, что в своей книге мы, в отличие от нередко наблюдаемой в последнее время научной традиции при исследовании проблем менталитета, стараемся строго определить все теоретические

понятия, используемые нами, чтобы можно было четко представить, о чем идет речь, и вести предметную дискуссию.

Под соборностью мы понимаем исповедуемый народом приоритет общих, коллективных интересов, целей над личными. Разумеется, есть и индивидуалистические личности в нашем обществе, но коллективизм российского человека, как нам кажется, оспорить невозможно.

Мы не можем согласиться с коллегой А.Г.Лапотько в том, что «с понятием соборность в работе связывается ряд специфических (*по большей части негативных* – выд. нами - И.С.) черт жизни русского народа». Соборность не является оценочным словом, это объективная характеристика психического склада нации.

Хотим подчеркнуть, что в нашей работе мы никак не ставили целью анализ психического склада и менталитета русского человека – это задача этнопсихологов, культурологов, философов. Нас интересовали только те черты русского менталитета, которые оказываются коммуникативно релевантными, влияют на коммуникацию. Мы пользуемся термином «менталитет» для реализации объяснительного аспекта теории коммуникативного поведения, то есть для объяснения возможных причин того, почему данный народ ведет себя в общении так или иначе, отлично от поведения другого народа в сходной ситуации.

Вызваны ли многие коммуникативно релевантные черты русского менталитета социализмом или они имеют более глубокую основу – вопрос дискуссионный. Наша точка зрения скорее склоняется к тому, что исторически короткий период социализма не мог вызвать столь глубокие изменения в сознании народа, такие качества как стремление к равенству и уравнительности - скорее, более древняя черта нашего народа.

И еще одно рассуждение - методологического характера. Некоторые из коллег указывают, что мы не учитываем в нашем объяснительном анализе традиционно закрепившееся во многих концепциях представление о *противоречивости* русского менталитета. Разумеется, такая противоречивость налицо, об этом писали многие. Однако, с нашей точки зрения, любая противоречивость – это не объяснение фактов, а *факт, требующий научного объяснения*.

Русский характер и менталитет не более противоречив, чем у других народов. Часто цитируемое «Умом Россию не понять» - это, разумеется, художественно-эмоциональное восприятие сложной и противоречивой русской души, но никак не научный принцип подхода к описанию этой души. Необходим более углубленный анализ причин

этой противоречивости — переход на более высокий уровень абстракции в описании, который и будет характеризовать истинно научный подход к проблеме. Именно в таком направлении мы считали необходимым двигаться.

Многие коммуникативные факты, представленные в нашей книге, могут иметь, разумеется, и иную интерпретацию — и сдержанная самоподача русского человека, и его малоулыбчивость, и любовь к спорам и бескомпромиссности в выражении мысли, и др. Хотим подчеркнуть, что поставленная нами задача заключалась в следующем — разработать принципы описания, систематизировать и максимально объективно описать коммуникативные факты; объяснительный же аспект науки о коммуникативном поведении представляется нам, хотя и чрезвычайно интересным и даже волнующим, но, строго говоря, факультативным для науки о коммуникативном поведении, можно вообще обойтись без конкретных объяснений и оставить это представителям других наук.

А.Г.Лапотько ставит очень важную для коммуникативных и этнографических исследований проблему — в какой степени теоретические рассуждения могут быть подтверждены или опровергнуты данными пословичного фонда народа. А.Г.Лапотько отмечает, к примеру, что постулируемое нами в целом традиционно негативное отношение русского народа к инакомыслию опровергается пословицами *Что голова, то и разум (рбзум), Что человек, то и разнища; На вкус и цвет товарища нет; У каждого свой вкус: один любит арбуз, другой — хрящик свиной* и др.

Хотим подчеркнуть, что все приводимые нами в нашей книге пословицы являются иллюстрациями нашей мысли, но никак не аргументом, не доказательством. Пословичный фонд противоречив, и наличие той или иной паремиологической иллюстрации свидетельствует лишь о том, что данная мысль была вербализована народом, объективирована им, а значит служила предметом обмена мнениями, обсуждалась, играла определенную роль в объяснении фактов действительности, но не более того.

Интерпретация смысла отдельных паремий обычно допускает достаточно широкую вариативность. Так, с нашей точки зрения, пословицы типа *кому нравится поп, кому попадя* не содержат положительной оценки разницы во мнениях, а лишь констатируют возможность расхождения людей во мнениях. С др. стороны, пословицы *каждый о себе только думает, каждый в свою дуду дует* и под. содержит, с нашей точки зрения, явное осуждение разницы во мнениях.

Любопытна и интерпретация фразеологизма *белая ворона*.

А.Г.Лапотько не соглашается в выражаемым в нашей книге утверждением: «Выделяться в русской культуре не принято... Белая ворона – неодобительная характерна в России. Характерно, что в русском языке нет фразеологизма, который бы положительно оценивал выделяющихся людей». А.Г.Лапотько полагает, что *«белые вороны»* – это или те, кто оказался в необычном для себя окружении, не соответствует ситуации, или те, кто старается выделиться (одеждой, манерой поведения и т.д.), т.е. претендует на необычность. Отсюда и отрицательный оценочный компонент во фразеологизме».

Позволим не согласиться: белая ворона – не жертва ситуации или обстоятельств; проведенное нами экспериментальное исследование показало, что *белая ворона* в русском сознании – именно *выделяющийся чем-то человек, который вызывает сожаление или неприятие*. А.Г.Лапотько отмечает, что в русском языке есть фразеологизмы, называющие выделяющихся личностей: «семи пядей во лбу; золотые руки, косая сажень в плечах и др. Даже гром-баба содержит положительную оценку (крепкая, сильная, рослая)».

Отметим, однако, что приводимые примеры – это характеристика *высокого уровня развития определенных способностей* человека с положительной оценкой этого уровня, а не обозначение *выделяющегося из других* человека с *положительной* оценкой его «выделенности».

И несколько слов о понятии «коммуникативный идеал».

А.Г.Лапотько полагает, что наше утверждение о том, что в сознании русских слабо представлена категория коммуникативной ответственности (поскольку в обиходном общении не принято внимательно следить за правильностью речи и исправлять ошибки) недостаточно обоснованно, и приводит ряд аргументов.

Мы согласны, что «те, кто принадлежит к среднелитературной и фамильярно-разговорной (и тем более просторечной) культурам «не слышат» ни своих, ни чужих ошибок», но не согласны с тем, что на этом основании их нельзя считать коммуникативно безответственными. Именно преобладание такого типа представителей речевой культуры и объясняет, почему всего 8% людей следят за своей речью. Вместе с тем, мы согласны, что в ситуации, когда мы не исправляем ошибок собеседника, мы стараемся «сохранить лицо» собеседника (*Ему / ей неловко, неудобно, стыдно будет*). Однако категория коммуникативной ответственности характеризует прежде всего речевое поведение *говорящего*, а уж ему –то никакая проблема сохранения лица не мешает следить за своей речью.

Два социологических опроса, проведенных под нашим руководством Е.В.Масловой в Воронеже (500 респондентов, из них женщин – 295, мужчин – 205, людей с высшим образованием – 115 человек) с промежутком в 10 лет, показали, что за 10 лет количество воронежцев, которые не замечают падения речевой культуры в обществе и которым все равно, как говорят окружающие, заметно увеличилось:

Считаете ли Вы, что в последнее время наблюдается падение речевой культуры?

	1993	2003
Да	60%	26%
Нет	28%	59%
Затрудняюсь ответить	12%	15%

Как Вы реагируете на речевую культуру окружающих?

	1993	2003
Приятно, когда говорят культурно, правильно, негативно отношусь к неграмотной, некультурной речи	42%	27%
Мне это безразлично	38%	52%
Трудно сказать, не думал (а) об этом	20%	21%

На вопрос *Всегда ли Вы в своей речи стараетесь соблюдать языковые нормы?* получены такие ответы:

	1993	2003
Да	32%	29%
Нет	28%	27%
Затрудняюсь ответить	40%	44%

Таким образом, две трети опрошенных либо не стараются соблюдать речевые нормы, либо не могут ничего об этом сказать.

Эти данные, на наш взгляд, явно свидетельствует о том, что слабость коммуникативного контроля за речью – характерная черта и, к сожалению, актуальная тенденция эволюции языкового сознания рядовых носителей русского языка.

Н.А.Козельская отмечает, что «Америка – высоко цивилизованная страна, но там ритуальность коммуникативного поведения минимальна, стиль общения определяет принцип целесообразности, эффективности». Позволим себе с этим не согласиться – ритуальность, этикетность поведения в речевом общении в Америке как раз намного выше, чем в России, там большая часть общения на производстве и в межличностных отношениях, со знакомыми носит обязательный «светский» характер, и люди должны говорить то, что от них ожидают в той или иной ситуации. В этом смысле русское общение более искреннее, эмоциональное и неритуализованное.

Н.М.Вахтель высказывает сомнение в достоверности результатов эксперимента по выявлению русского коммуникативного идеала. Согласны, что любое экспериментальное исследование проводится на ограниченном материале, и в этом ограниченность выводов из экспериментальных данных, которые не следует абсолютизировать. Но вместе с тем, эксперимент наглядно показывает тенденции, с чем также нельзя не считаться. С нашей точки зрения, основные тенденции в осознании коммуникативного идеала эксперимент выявил достаточно выпукло, хотя нужны и дальнейшие исследования. Кроме того, коммуникативный идеал будет различаться у разных возрастных и профессиональных групп испытуемых, будет у него и гендерная специфика.

Н.А.Козельская высказывает мысль о том, что «подведение под один западный стандарт поведения разных народов Европы и Америки оказывается не всегда правомерно, особенно, когда речь идет об особенностях эмоционально-психологического склада людей». Мы согласны с этим, хотя исследование коммуникативных культур Запада и США показывает нам, что эти коммуникативные культуры имеют очень много общих черт, в равной степени противостоящих чертам русского коммуникативного поведения, что и побудило нас прибегнуть к данному понятию – «западный коммуникативный стандарт». Естественно, все эти народы обладают и собственной коммуникативной спецификой, что показано в многочисленных исследованиях и публикациях межрегионального Центра

коммуникативных исследований ВГУ (см. Коммуникативное поведение. Вып. 17. Воронеж, 2003, с.7-8).

Согласны мы с предложением Н.А.Лемяскиной о необходимости количественной характеристики выделяемых коммуникативных признаков – это действительно позволило бы более наглядно представить специфику отдельных черт русского коммуникативного поведения

Мы глубоко благодарны нашим коллегам - А.Г.Лапотько, Н.М.Вахтель, Н.А.Лемяскиной и Н.А.Козельской за то, что они согласились принять участие в обсуждении нашей книги, письменно изложили свои соображения; благодарим их за тщательный анализ нашей работы, за стимулирование новых мыслей и новое осмысление уже сказанного, за многочисленные замечания и соображения, которые дают нам богатую пищу для дальнейших размышлений и вселяют уверенность, что эти исследования необходимо продолжать.

Содержание

Национальные особенности когнитивного сознания

Анализ концептосферы лингвистическими методами

Ипполитов О.О. О некоторых топологических особенностях когнитивной структуры концепта “дорога”	с.3
Казаковская В.В. (С-Пб) Ранние этапы освоения русскоязычным ребенком концепта пространства	с.9
Чубур Т.А. Объективация концепта ОТДЫХ в русском языке	с.20
Катуков С.С. Лексико-фразеологическое поле, объективирующее концепт "брань"	с.22
Ракитина О.Н. Концепты ‘поле’, ‘степь’, ‘das Feld’, ‘die Heide’ в немецком и русском фольклоре	с.24
Павлова А.А. (Белгород) Концепт «СЕМЬЯ» (на материале семейных родословных)	с.34

Психолингвистический анализ концептосферы

Шевченко М.Ю. (Борисоглебск) Категория <i>культуристость</i> в восприятии студентов	с.40
Киселева Г. В. (Борисоглебск) Жилище человека в русской концептосфере	с.46
Тавдгиридзе Л.А. Возрастные и гендерные особенности концепта «русский язык»	с.51
Балашова Е.Ю. (Саратов) Концепт «любовь» в русском и американском языковом сознании: фреймовый анализ	с.55
Харченко К.В. (Белгород) Собственность в субъективном восприятии школьников	с.61

Язык и художественная картина мира

Суханова И.Я. (Ярославль) Пушкин и Пастернак: метель (сравнительно-лексикологический анализ)	с.66
Красикова Д.В. Символическое значение лексемы <i>роза</i> в русской и англоязычной поэзии	с.75
Заботина М.В. (В.Новгород) «Временной порядок» и художественная коммуникация	с.81

Голуб В. Я. (Борисоглебск) Особенности воплощения художественной мысли в произведениях Пушкина	с.85
Попова Н.С. Традиционные прототипы ВРЕМЕНИ в русской поэзии XIX – XX веков	с.91
Волощенко О.В. Особенности репрезентации знания в русской волшебной сказке	с.98
Поталуй В.В. Наименования руководителей в английском художественном и публицистическом текстах	с.102

Русское коммуникативное поведение как предмет описания

Вахтель Н.М. О русском коммуникативном поведении	с.106
Лапотько А.Г. Коммуникативное поведение народа и менталитет	с.108
Козельская Н.А. Новое в исследовании русского коммуникативного поведения	с.116
Лемяскина Н.А. Теоретическое осмысление коммуникативного поведения	с.121
Стернин И.А. Еще раз о менталитете и коммуникативном поведении	с.124
Содержание	с.132